

Письма с Еврозоны

Мы начинаем цикл публикаций нашего собственного корреспондента в Евросоюзе Алексея Славина, в которых будет рассказываться о реальной жизни, тревогах и пристрастиях европейцев в начале XXI века.

СТР. 2

Перестройка – прошлое и будущее

До сих пор поставленные перестройкой проблемы остаются актуальными. Вопрос лишь в том, научили нас чему-то опыт той, первой перестройки, или же новая перестройка снова обернётся катастрофическими потерями и разрушениями?

СТР. 3

Короткий список

книг, выдвинутых на традиционную Всероссийскую премию «ЛГ» «Золотой Дельвиг», которая будет вручена в начале февраля, читайте

НА СТР. 5

Гамлет с Тверского бульвара

Премьерные спектакли по известной пьесе У. Шекспира во МХАТе им. Горького идут с аншлагами. Такого Гамлета столица ещё не видела. Впечатления о работе режиссёра Валерия Беляковича

НА СТР. 8

Алмазный фонд

Спросим себя: есть ли среди мастеров печатного юмористического слова не засветившиеся в своё время в «Клубе 12 стульев»? И сами себе ответим: нет таких. Читайте «The Best» «Клуба ДС» прошлых лет на

СТР. 16

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 31 215 человек. Заходите!

9 770233 430004 1 5 0 0 2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta	
EUROPE	D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,00 PLZ; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,50 €; CYP – 2,50 €; TR – 5,00 TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,00 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 25 CAD
Международное издание	

185 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

В коллаже использованы фрагменты картин Михаила ШАНЬКОВА «Дворцовая площадь»

Вряд ли 185 лет назад Пушкин и Дельвиг думали о том, что их детище просуществовет так долго. Выпустив 1 января 1830 года пилотный номер «Литературной газеты», они решали задачи, отвечающие запросам тогдашнего литпроцесса. С той поры «ЛГ» и за-прещалась, и прекращала своё существование «по естественным» (читай – финансовым) причинам, но всякий раз возрождалась в той или иной форме.

Мы знавали и тучные времена, когда тираж составлял несколько миллионов, и плачевные, когда благодаря усилиям либералов-перестройщиков, руководивших редакцией, газета стала мало кому интересна. И толь-

ко снова став газетой всех думающих людей Отечества, «ЛГ» возвращает себе бывшее влияние на умы современников. Конечно, нам трудно. Конечно, кризис ударил прежде всего по интеллектуальным изданиям. Но мы не сдаёмся и готовимся к 200-летию.

Гоголь писал о Пушкине: «...это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». В какой-то мере данное утверждение можно отнести и к пушкинской «Литературной газете». Задуманная изначально как печатный орган группы литераторов, со временем она превратилась в неотъемлемую часть русской культуры, от-разив на своих страницах все литературные

течения и идеологии. Сегодня уже невозможно представить историю нашей словесности без «Литгазеты» или «Литературки», как она ещё называется в народе.

Нет смысла перечислять выдающихся авторов, работавших в редакции, сотрудничавших с нею или просто публиковавшихся на наших страницах. Ещё труднее подсчитать, сколько десятков миллионов читателей воспитала «Литературная газета». Нынешний – промежуточный юбилей – это шаг к славному 200-летию, до которого – рукой подать. А там останется только приложить формулу Гоголя, чтобы в полной мере оценить значение газеты для России.

ДИСКУССИЯ

Год литературы – без книжных магазинов?

Неудивительно, что в Год литературы речь должна идти прежде всего о книге. Хотя бы – в Год литературы. А вообще-то и в любой другой год тоже. Должна быть возможность не сказать даже, а прокричать: без подлинной литературы, без генетического, из поколения в поколение уважения к книге не было и нет России – сильной, процветающей, духовно крепкой, той, которой страшны не санкции, а интеллектуальное оскудение собственного народа, потеря целого нечитающего поколения.

Хорошие авторы сегодня есть, есть и замечательные книги. Только вот всё труднее становится донести их до читателя, особенно до читателя из провинции, из наших республик. Книжные магазины – великие духовные магниты – вымирают один за другим, как несчастные российскийские деревни; место настоящей литературы занимает агрессивный, приносящий скорую коммерческую прибыль масскульт; думающих и чувствующих людей – цветаевские «глутатели пустот». Как

Надежда МИХАЙЛОВА, президент ассоциации книгораспространителей независимых государств:

В конце прошлого года на III Культурном форуме в Санкт-Петербурге в рамках программы Департамента культуры г. Москвы я задала вопрос молодым: какие ассоциации у них возникают в связи со словом «книга»? И получила ответ, который в целом порадовал, – что-то связанное с культурой. Порадовал, потому что, несмотря на целенаправленные усилия отдельных государственных структур вычеркнуть книгу как элемент культуры из общественной жизни страны, у молодёжи осталось, может быть, на интуитивном генетическом уровне ощущение книги как культурной составляющей, как древнейшего источника передачи знаний, традиций. И очень

важно на уровне государства и именно в Год литературы поддерживать и развивать это ощущение дальше, предоставляя молодёжи, да и всему нашему народу возможность соприкоснуться с этим великим достоянием, которым так богата страна. В России есть всё – и великие авторы, и многовековое литературное наследие. И желание читать, как это ни парадоксально, осталось. Нет только одного – возможности со всем этим богатством знакомиться. Как известно, издревле существовало два канала книгораспространения – библиотеки и книжные магазины, которые исторически считались просветительскими и культурными центрами. Сегодня ничего не изменилось, только добавился ещё один канал – книжная интернет-торговля. Однако стоит иметь в виду, что около 80 процентов книг по-прежнему распространяется через магазины, 10 процентов – через интернет-торговлю и 10 процентов – через библиотеки. Смею заметить, что эти цифры весьма приблизительны,

ведь в органах государственной власти никто не занимается вопросами обеспечения равной доступности населения к литературному достоянию.

Поэтому сегодня вновь возникает вопрос: относится ли книжная торговля к области культуры? Или же в этом определении первично понятие «торговля»? Но тогда, по законам рыночной экономики, в ней должны действовать жёсткие правила конкурентной борьбы: что лучше и больше продаётся, то и должно быть на полках. Лишь та продукция, которая приносит больше прибыли с квадратного метра, должна предлагаться покупателям. И подход к выбору ассортимента должен исходить только из возможной материальной выгоды. Ведь законы рынка никто не отменял: пусть поставщики платят бонусы за размещение своего товара в книжных магазинах. Но что-то в книжной практике я такого не встречала.

Последние оставшиеся и пытающиеся как-то выжить книготорговцы мечутся в современном малоструктурированном

книжном пространстве и на безвозмездной основе размещают книги на своих полках...

Вернёмся к вопросу о том, что первично в определении «книжная торговля» – книга или торговля? Если всё-таки торговля, то не должно быть на полках книжных магазинов умной, но малообъёмной литературы (а ведь к ней относятся и поэзия, и философия, и частично история, литературоведение, культурология...). Книг Ломоносова, Карамзина, Ключевского, Тютчева, Фета, Баратынского, Пруста, Канта, Гегеля (в этот список могут входить десятки тысяч названий социально значимой литературы) никогда не продать столько, чтобы это позволило окупить все издержки, которые существуют в торговле. Или, может, население стало малограмотным, интеллектуально не развитым, если книги перестают читать? Выступал же ещё в 1980-х годах американский президент с докладом «Нация в опасности», где говорил о проблемах чтения как о вопросе национальной безопасности страны. А мы до сих пор размышляем, является ли книга элементом культуры или обычной товарной продукцией. Европейцы даже вопроса такого понять не могут, книга и чтение так же естественны для них, как дыхание и жизнь. И о русской культуре они говорят, начиная именно с литературы – с книг Л. Толстого, Ф. Достоевского и А. Чехова. Поэтому, если книга – это чисто коммерческая составляющая нашего общества, то нет и не будет книг в детских домах и интернатах, малообеспеченных многодетных семьях. Не будет книг и в больницах, воинских частях, в местах заключения...

А ведь раньше в стране проблема доступности книг рассматривалась как при-

оритетная задача на уровне государства и считалась важнейшей составляющей развития интеллектуального уровня населения. Времена изменились? Или поменялись чиновники, которые призваны на наши с вами налоги решать дела государственной важности, а не только свои чисто ведомственные проблемы? С поразительной настойчивостью в общество пытаются внедрить понимание того, что книжные магазины в нашей стране должны существовать как коммерческие структуры, которые не нуждаются в поддержке государства. А это значит: прощай, литература! Если не будет книжных магазинов, то как читатели смогут знакомиться с новинками? Через интернет? Уже даже не смешно. Прощай, «Национальная программа поддержки и развития чтения», ведь она, по мнению современных чиновников, изжила себя! Хотя в 2013 году всё на том же Российском литературном собрании В.В. Путин сказал о необходимости придания этой программе государственного статуса. Зачем? У нас и без неё всё в порядке! И нужно ли, чтобы народ книжки читал, если воплощённый в книгу писательский труд стал чистой коммерцией? А ведь это означает только одно – прощайте, последние книжные магазины! Хотя, может быть, С.Е. Нарышкин как председатель организационного комитета по проведению Года литературы разберётся в этом вопросе?! Причём мы не просим дополнительных денег. Мы понимаем, в какой ситуации страна. Мы просим системной поддержки книжных магазинов. Это копейки в масштабах государства. Надо создавать условия, при которых книга будет недорогой, доступной и качественной.

ФОТОГЛАС

Российский кинорежиссёр, народный артист РФ Вадим Абдраштов отметил 70-летие. Один из выдающихся мастеров «Кино морального беспокойства» на сегодняшний день создал 12 картин – кажется, что немного, но это каждый раз обращение к человеку через собственное глубочайшее сопереживание ему в надежде, что между цинизмом и совестью он сделает достойный выбор...

МТАР-ТАСС

АЛЕКСЕЙ СЛАВИН,
соброр «ЛГ»,
БЕРЛИН

ДИСКУССИЯ

Перестройка — наше прошлое или наше будущее?

Три минувших десятилетия — небольшой срок для исторического события, чтобы оценивать его «с позиций вечности». Тем более сейчас, когда будущее снова становится не ясным и не очевидным. В 1985 году, несмотря на явные симптомы системного кризиса, ничего не предвещало стремительных перемен. Советская система казалась прочной и монолитной.

В чём же были основные идеи перестройки и почему они получили массовую поддержку, правда, довольно краткосрочную? В начале перестройки доля тех, кто её не принимал, составляла немногим более 30 процентов. Это были собственно советские традиционалисты. Их взгляды отнюдь не тождественны коммунистическому «фундаментализму», от которого к 80–м годам практически ничего не осталось. Это сложный синтез советского мировоззрения и традиционного крестьянского сознания, архаичного по сути. Факторы, предопределившие последующий раскол общественного мнения, появились позже — в 1988–1989 годах, а уже в 1990–м отношение к идеям перестройки и оценка личности её автора Михаила Горбачёва стали стремительно меняться. Сегодня одни, вспоминая перестройку и Горбачёва, видят энтузиазм и небывалый общественный подъём тех лет, другие — пустые прилавки магазинов и распадающуюся великую страну.

Главной социальной базой перестройки на её первоначальном этапе стала научно-техническая интеллигенция СССР, а также культурная и научная элита страны, зарождающийся, хоть и в рамках «теневого советской экономики», бизнес-класс, тесно связанный со вторым эшелонном руководителей партийных и комсомольских органов.

Желание перемен объединило активные слои общества. Перемены надели, причём не сразу, не вдруг, а на протяжении как минимум последних 10–15 лет советской власти. Тот социальный «костюм», который был по росту вчерашнему крестьянину, составлявшему общественное большинство в первые десятилетия советского строя, стал нестерпимо жать обществу горожан — уже не в первом, а во втором и третьем поколениях. Это было общество хорошо образованных людей, преимущественно ориентированных не на коллективизм, коммуну, а на потребительские ценности, обустройство индивидуального мира, частной жизни. На свой дом, дачу, семью, собственный жизненный успех.

Среди факторов, определявших недовольство тогдашним советским режимом и зовущих к переменам, выделяется дефицит товаров и услуг. Всё это было свойственно для большей части советского периода истории России, а в 30-е и 40-е годы случался даже массовый голод, что, однако, не сказывалось ощутимо на популярности советского режима в массовом сознании.

Советский строй оценивался по иным критериям. Но снижение уровня жизни в 70-е и особенно в 80-е годы наложило на трансформацию системы ценностей советского человека на сторону их потребительской направленности. На этом фоне идеи строительства коммунизма, «общего блага», жертвенности ради счастья будущих поколений оказались просто деактуализированы. К ним общество всё сильнее утрачивало интерес, а в качестве «живого идеала» всё в большей степени представало западное потребительское общество. В какой-то период времени новые идеи овладели массами и стали, таким образом, движущей силой истории.

Идея коммунизма, ещё при Хрущёве воспринимавшаяся многими всерьёз, перестала быть интересной и важной, а вся коммунистическая пропаганда виделась ненужной утомительной шелухой — ко всему этому так относились даже в партийных верхах. Из-под отмирающей оболочки непосредственного коммунизма стал проглядывать родственный, но всё же принципиально отличный тип человека советского. Этот человек хотел потреблять, «как на Западе», читать любые книги и смотреть любое кино, иметь социальные гарантии, работать в меру, а не на износ, оставляя силы на самое главное — частную жизнь, её обустройство.

В своё время Маяковский посвятил много сил разоблачению такого «советского механизма», но он, мешанин, выжил и не просто выжил, а вознамерился изменить жизнь под себя, под своё понимание. И, наверное, имел на то полное право. Кстати, примерно того же наше общество продолжает хотеть и сегодня, и оно благодарно властям за то, что в «нулевые» годы как раз и стали строить что-то похожее — общество, где все имеют право жить, как умеют, взяв что-то «хорошее» из советских времён и отбросив всё, что превратилось в шелуху. Собственно говоря, если бы в своё время «архитекторы перестройки» трезво взглянули на этот, так сказать, тренд, они, возможно, спрмили бы дорогу к цели, заодно минимизировав социальные и политические потрясения. Но... на все эти вполне разумные обстоятельства, носившие объективный характер, наложился факторы субъективного ряда.

Итак, можно подвести первый итог. Идея коммунистического строя как была мёртвой к началу перестройки, так и не ожила по сей день, и даже силы, выступающие под коммунистическими брендами, не имеют к идеям коммунизма прямого отношения. А вот тип советского человека, пытающегося совместить «сильное социальное государство» с частной жизнью и слегка подкрасившегося в цвета патриотизма и православной идентичности, — жив и процветает.

Другой составляющей «перестроечной мифологии» стали антиноменклатурные настроения, особенно характерные для советской научно-технической интеллигенции. На фоне медленного, но неуклонного снижения уровня жизни большинства слоёв

населения в позднесоветский период большое раздражение стали вызывать блага и привилегии, которыми пользовалась советская и партийная номенклатура. Массовому сознанию они представлялись в гипертрофированном виде, «антиноменклатурные» настроения нарастали. Именно это во многом определило популярность андроповских попыток реформ — за ними общество видело или хотело видеть антиноменклатурную направленность. Этим же объясняется популярность раннего Бориса Ельцина, который, согласно мифологии того времени, выступил на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года с критикой номенклатурных привилегий (хотя в реальности этого не было).

Памятна XIX партконференция летом 1988 года, когда с самой высокой трибуны «досталось на орехи» и нам, группе социологов, проводивших по заказу «Московских новостей» опрос об отношении к привилегиям партноменклатуры. Неслучайно на первых свободных выборах депутатов весной 1989 года самый высокий процент голосов в своих округах

цель которых — поддержание окраски республиканского фасада при фактически авторитарном правлении «двора» (в лице администрации президента). Плюс к этому — вялое и бессильное правительство, во многом «поштетная» представительная власть.

Вот и возникает вопрос: следовало ли, к примеру, в 1990 году торопиться с отменой 6-й статьи Конституции, если можно было ту же КПСС просто переименовать в «Единую Россию» (или как-то иначе) и поставить перед ней новые задачи?

Наконец, о четвёртой перестроечной идее, которая далеко не сразу, но пробила себе дорогу. Это идея западничества, европейского выбора, вхождения страны (СССР, потом России) в число стран современной западной цивилизации.

Эта идея тоже имела два важных аспекта — создание современной рыночной экономики (как на Западе) и политическое сближение с ним (включая разоружение, окончание холодной войны).

Кроме ограниченной группы городских либералов, «русских европейцев», сохранившихся и поныне, эта идея получила в своё время и массовую поддержку (вспомним ту же программу «500 дней») различных слоёв населения. Они рассчитывали на быстрое уста-

получили Гдлян и Ельцин, тогда разоблачители злоупотреблений партноменклатуры. Однако сегодня излишне говорить, что в итоге борьба со вполне безобидными по нынешним меркам привилегиями обернулась, наверное, просто невиданным прежде в истории размахом коррупции и откровенного воровства, олигархатом и расслоением общества. Так что вторая перестроечная идея тоже кажется вполне себе на вырост, хотя задача видится ещё более не решаемой, чем тридцать лет назад.

Третья идея перестройки — самая очевидная, и именно она, скорее всего, определяет отношение к ней сегодняшних россиян. Это незабываемые «гласности», демократизация», постепенно перетёкшие в идеи политического плюрализма и многопартийности, отмены цензуры и прочих обременительных ограничений. Из рассуждений, приведённых выше, можно понять, что это не было требованием большинства. Но было очень важно активному меньшинству, засидевшемуся при застое, накопившему за годы сидения на коммунальных кухнях какие-то идеи и стремившемуся размять онемевшие ноги и руки.

Однако политическая «оттепель» быстро переросла в политический «пожар», что во многом и предопределило последовавший катастрофический сценарий. Конечно, из нынешних времён вообще сложно понять, почему при советской власти так боялись печатать, скажем, Бродского или Набокова, и какой вред и кому могло принести их чтение, тем более что все, кому было действительно надо, так или иначе их всё равно читали. А сегодня при потере общей культуры чтения, напротив, надо уговаривать молодых людей прочесть хоть что-то из того, что отбывывалось с боем.

С политической демократией произошла явная и болезненная неудача. Свободные выборы 1989–1990 годов при утрате компартией функции кадрового управления страной стали прямой причиной резкого усиления центробежных сил в государстве, в конечном счёте его и обрушивших. А на финише, пусть промежуточном, мы нынче пришли к тому же, от чего уходили, — доминирование безыдейной «партии власти» (как её ни называй), наличие нескольких эрзац-партий, единственная

новление «потребительского рая» или хотя бы на элементарное наполнение пустых прилавков товарами.

Обе эти идеи тоже если и не провалились, то оказались сильно задвинуты из первых рядов в последние. Развитие рынка уже в послегорбачёвские времена натолкнулось на непреодолимые препятствия и культурного, и экономического характера, о которых надо говорить отдельно. А «медовый месяц» отношений с Западом перерос в новое издание холодной войны, опирающееся на идейный консенсус уже нынешнего российского общества. Сделать Россию Западом не только не получилось, но более того — мы видим глубокий откат даже от зыбкого состояния взаимного движения, которым отмечено начало перестройки во времена Рейгана и Тэтчер.

В чём же состоит причина перехода инициативы преобразований к сторонникам радикальной трансформации в сторону Запада и рынка в конце 80-х? Почему эта группа, которая и сегодня, и в то время составляла не более 30 процентов общества, сумела навязать свой политический и экономический сценарий? Были ли иные варианты развития политических процессов?

На этот вопрос история пока не смогла дать однозначного ответа. Однако анализ публицистических выступлений и общего состояния массового сознания первого периода перестройки показывает, что национально ориентированная российская интеллигенция сначала поддерживала её, влившись в ряды «перестроечного консенсуса». Но после 1987 года стала (чем дальше, тем сильнее) отходить от концепции и практики перестройки, переходя в отношении её во всё более радикальную оппозицию.

Примерно то же произошло с социальной базой Ельцина, когда национально ориентированные демократы, поддерживавшие его в 1990–1991 годах, потом стали самой непримиримой оппозицией, идейно возглавив мятеж против ельцинизма в 1993 году.

Одновременно были распушены первые и последние в новейшей истории России демократические союзы всех уровней, которые в период 1990–1993 годов являлись сосредоточением реальной низовой активности масс при всей своей внешней безалаберности. Режим снова предпочёл опереться не на народ, не на национально мыслящую элиту, а на горстку фаворитов.

Аналогично, на наш взгляд, одной из основных причин поражения перестройки, сужения её социальной базы стала неготовность авторов перестройки опереться на национально ориентированные слои российского общества и его культурной элиты. Уже к концу 1987 года перестройка приобрела явно антинациональные черты, которые оттолкнули от неё эти слои. А прозападные силы, оставшиеся в качестве основной социальной базы, сдали Горбачёва и его перестройку вместе с идеей социализма, пусть гуманного и демократического.

Таким образом, перестроечный консенсус на ранней стадии был обусловлен объединением двух массовых тенденций в общественном мнении и идеологии — сторонников всё-страйшего вхождения в Запад («западников») и сторонников «обновлённого социализма», восстановления принципов социальной справедливости, узурпированных тогдашней партийно-государственной номенклатурой. Понятно, что рано или поздно подобный союз должен был распасться.

1989 год, особенно его первая половина, ознаменовавшаяся Первым съездом народных депутатов, был, пожалуй, последним триумфом перестройки и лично Горбачёва. Одновременно этот период стал началом конца перестройки. Уже во второй половине года инициатива реформирования СССР стала стремительно переходить к иным политическим силам. Горбачёв оказался в арьергарде набравших силу разрушительных революционных процессов.

Перестройка как таковая оказалась зажатой между двух тенденций и связанных с ними политических сил — тех, кого пугали и не устраивали происходящие события, и тех, кто, напротив, стремился их ещё более ускорить и радикализировать. По сути дела, именно с 1989 года идеи перестройки оказались приватизированы лишь радикальными прозападническими группами советской элиты и интеллигенции.

Сегодня, оценивая перестройку «задним числом», в качестве основных дилемм, стоящих тогда и перед властью, и перед обществом, мы видим следующие:

- сохранить социалистический строй в «обновлённом виде», построить «демократический социализм с человеческим лицом», что, собственно, и составляло «генеральную линию» перестройки, сформулированную в апреле 1985 года;

- отбросить социалистическую идеологию, ускоренно продвигаясь к демократии и рынку западного типа;

- продвигаться к рынку, не торопясь с введением политической демократии, проведением демократических реформ (то, что с известной долей условности получило название «китайского варианта»), а обещавшую коммунистическую идеологию постепенно заменить социал-патристической.

По сути, первые два варианта и были опробованы в перестройку и последующий политический период, а при Владимире Путине, в первое десятилетие его правления, страна пыталась испытывать как раз «третий» сценарий — авторитарной модернизации, развития рынка и экономического либерализма при одновременном сворачивании демократических процессов. Уже в постперестроечный период возобладала точка зрения, что всё же не следовало разрушать социализм, что перестройка не должна была выходить из рамок заявленных первоначально целей, определённых как обновление и демократизация социалистического строя.

На вопрос, какой социально-политической строй в наибольшей степени подходит для России, заданный в ходе исследования ИС РАН о «Русской мечте», были получены следующие ответы. За рыночный капитализм высказались лишь 20 процентов опрошенных, за социализм, который был во времена СССР, — 16, а большинство — чуть более половины — выступают за строй, который бы совмещал в себе и социалистические, и рыночные отношения, его можно назвать «иным социализмом».

На наш взгляд, в подобном противоречии находит своё отражение один из кардинальных аспектов проводившейся Горбачёвым перестройки. Идеи социал-демократии и гуманного социализма в интерпретации инициатора перестройки носили космополитический, вненациональный характер.

«Гуманизация» брежневского социализма сопровождалась ослаблением СССР, потом и России на международной арене, распадом государственности, активизацией националистических сил, преимущественно антирусской направленности. Сегодняшний магистральный запрос на социализм носит ярко выраженный социал-патриотический характер. Это уже не просто гуманистическая утопия, а строй, являющийся наиболее адекватной формой политической и экономической жизни для коренных народов России.

Всё это заставляет говорить о перестройке в широком смысле слова как о процессе незавершённом. Историческая перестройка, начатая Горбачёвым, возможно, и потерпела поражение, но поражение потерпели и иные попытки реформирования общества. За прошедшие более чем двадцать лет с начала преобразований советского общества страна так и не нашла собственного исторического пути, адекватного своему самосознанию, не построила ни национальной модели экономики, ни национальной модели демократии.

Леонтий Бызов,
социолог

КНИЖНЫЙ РЯД

Перемены и неврозы

Борис Межуев.
«Перестройка-2».
Опыт повторения. — М.: Издательство «Весь Мир», 2014. — 208 с. — 1000 экз.

Сам автор определяет жанр книги как серия «интеллектуальных расследований», написанных в период 2008–2013 годов. Он видит в культуре и общественной мысли этого времени одновременно и желание повторить что-то вроде горбачёвской перестройки, и очевидный страх перед ней и её итогами. Когда и хочется, и колет...

В чём же суть ностальгии по перестройке, расстроившейся в определённых кругах российского общества в «медвежескую» эпоху?

Как пишет сам автор, в основе её была идея повторения перестройки, так рано и так неудачно завершившейся. Но повторения с новым, менее травматическим и драматическим её исходом. С сохранением всего хорошего, что перестройка дала гражданам: культурной свободы, политического совершенствования, религиозного возрождения и недопущением всего плохого — коллапса государства, обнищания населения, раскола общества.

Людам нужно было показать и доказать, что первое отнюдь не во всех случаях ведёт ко второму, что связка хорошего и плохого — исторически случайна и потому исправима и преодолима. Что страх перед повторением перестройки представлял собой национальную травму, своего рода невроз, и лучшим лекарством от этой травмы является именно «повторение» нанесённого травму события, только, конечно же, с другим, более благоприятным финалом.

Б. Межуева трудно упрекнуть в прекраснотушии и лакировке прошлого. Он не скрывает, что острый невроз, рождённый неудачей перестроечного пробуждения, обусловлен в том числе и неготовностью советской интеллигенции к полному участию в политической жизни.

Анализируя различные культурные феномены перестроечных и постперестроечных лет, он демонстрирует различные симптомы пресловутого невроза. Следует заметить, что разговор о собственно «медвежеской» эпохе вынесен лишь в начальную и заключительную части книги, гораздо большее внимание уделено «первой перестройке». Как объясняет Б. Межуев, «это было сделано мной отчасти осознанно — поскольку без переживания прошлого, без «опыта повторения» события, вызвавшего нашу национальную травму, нам трудно будет добиться успеха в настоящем. Вся история «медвежеского» четырёхлетия была буквально пронизана реминисценциями и ассоциациями с горбачёвской эпохой, и поэтому неизбежные флэшбеки в прошлое являлись для меня важнейшей частью рассказа о настоящем».

Эту книгу не стоит воспринимать как книгу историческую, перед нами вовсе не история событий 2008–2011 годов и не летопись «горбачёвского» времени. Скорее, это серия расследований важных сюжетных линий российской политики и культуры, объединённых размышлениями о том, почему «перестройку-2» постигла очевидная неудача, в чём состоял травматический опыт прошлой «революции сверху» и что следует делать для того, чтобы окончательно изжить парализующую нашу волю к «переменам» национальную травму.

Дмитрий МАКАРОВ

«Человек должен быть мечтателем»

Олжас Сулейменов уже четверть века не ощущает себя профессионалом

На недавней встрече представителей творческой интеллигенции Казахстана и России одной из самых ярких фигур был известный поэт ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ, который с 1991 по 1997 год был членом общественного совета «ЛГ».

— Лет двадцать-тридцать назад писатели были уважаемыми людьми, знаковыми фигурами. Особенно в республиках СССР. Помните, в детстве я увидел Нодара Думбадзе, меня поразило, с каким уважением к нему относились окружающие. А сегодня пишущего человека на всём постсоветском пространстве привычно относят к неудачникам, лузерам, ни о каком статусе и речи быть не может...

— Надо, конечно, менять ситуацию. Потому что в те времена само государство уважало и ценило писателя. Соответственно и граждане относились к нему уважительно. Тогда государство ценило литературу, и, естественно, общество стало великим читателем. Страна у нас была, без преувеличения, самой читающей в мире, тиражи наших книг были запредельными, если срав-

нивать с нынешним временем. Ведь нынешние тиражи — тысячи экземпляров, пятьсот экземпляров — это же смешно. А тогда книги выходили тиражом в сто тысяч экземпляров, а то и в миллион. У меня вот в 90-м году вышла пятиотстраничная книга избранного тиражом в 200 тысяч! Естественно, у писателя в те годы было больше шансов прославиться, найти своего читателя. Кроме того, писатели у нас были депутатами, состояли в разных государственных структурах. Считалось за честь приглашать таких людей в общественные и государственные организации. Тот же самый Нодар Думбадзе состоял в таких организациях, его уважали не только как творческого человека, но и как государственного деятеля. И вот такое отношение к писателям поддерживалось

государством. Когда же опека государства исчезла после 91-го года, то писательство перестало быть профессией. И писатель, естественно, превратился в лузера — ведь он не мог зарабатывать деньги своим трудом и кормить на гонорары свою семью. Государство уже не распространяло книги так, как делало это раньше. Вся система распространения и книгопечатания разрушилась, издательства стали частными, рассчитывающими на уличные прилавки и быструю прибыль. Подорожала и книга. Обнищал читатель... Отдав книгу во власть рынка — её погубили. Настоящую литературу обессилили, а взамен пришёл ширпотреб.

— И что же делать? — Надо обратиться к опыту, наработанному в советское время. Прежде всего государству обратиться, и совместно с писательскими организациями, которые тоже нужно восстанавливать, вырабатывать новую для нынешней системы форму распространения книги. А значит, и книгопечатание станет более прибыльным делом. Может быть, некоторые издательства следует сделать государственными.

— А нынешняя встреча будет иметь какие-то последствия в положительном смысле?

— Будет, но только если мы на этом не остановимся. Если только мы будем настойчиво поднимать эту тему, напоминая нашим государством о себе, о своих проблемах. И постепенно мы можем вырабатывать новую систему, помогающую писателям. Очень важно, чтобы это началось в России, которая станет примером для бывших республик СССР.

— А в России когда в последний раз выходила ваша книга?

— В 90-х годах какая-то книжка переиздавалась, вот и всё. Но я не жалуюсь. Мне хватает известности. Мою книгу «Аз и Я» в своё время продавали на чёрном рынке за тысячу рублей при номинальной её стоимости в 75 копеек. Были ведь и чёрные книжные рынки тогда. Это говорит о том, что книга была очень востребованным товаром и нужным элементом общественной жизни. И я, конечно, считал себя профессионалом. А последние 25 лет я себя таковым не ощущаю. Ведь профессионал зарабатывает своим трудом, а в наше время это почти

невозможно. Я четверть века не получаю гонораров за мои книги, изданные в Казахстане или в Европе. Это уже самое настоящее любительство получается...

— И это притом что у вас есть имя! А как быть тем, у кого имени нет?

— Вот об этом я и беспокоюсь. Насчёт себя-то я как раз спокоен. У меня имеется другой источник доходов — я дипломат и получаю по-сольскую зарплату. Этого мне хватает. Хотя как писатель я, конечно, зарабатывал больше. Но вот сейчас в Союзе писателей Казахстана около 700 человек. Они что-то там, бедные, пишут, пытаются найти деньги, чтобы издаться, а потом, отпечатав тысячу экземпляров, вручая неся по всей стране свои книги, пытаюсь их продать, пристроить в какие-то магазинчики... Это что такое? Тут, я считаю, государство совершает большую ошибку, не обращая внимания на мятарства этих людей. Это не только у нас, в Казахстане, такое происходит, но ведь и у вас, в России, и в других республиках бывшего Союза. Поэтому и дискуссии напрашиваются о

необходимости создания новой системы распространения и книгопечатания. Тогда и настоящая литература начнёт возрождаться и занимать утраченные позиции.

— Но ведь и сейчас писатели состоят в государственных структурах, поднимают вопросы о бедственном положении пишущей братии, а главы государств, которые могли бы к ним прислушаться и изменить ситуацию, не торопятся это сделать. Почему?

— Нужно не просто говорить о наболевшем, а предлагать правительству систему, проект. Они привыкли к проектам, где всё расписано, где цифры и графики. И вот когда мы придураем такой проект — каким образом можно поднять из руин нашу литературу, — можно будет надеяться на то, что наши беды закончатся. Ведь что такое книга? Это фундамент культуры. Поднимется книга — поднимется и кино, и театр, и общественное сознание. Но это всё нужно обосновать и правильно расписать в документах. И вот эти наши встречи должны способствовать выработке такого «спасительного» проекта. Главное — не уходить в пусто-

порожные разговоры, а придавать практическое направление, практический характер всем нашим заседаниям. И тогда нам будет что предложить руководителям наших государств.

— Вы, как видно, сильно постальгируете по советскому времени...

— А как же? Конечно! Недавно я прочёл очень хорошую шутку, которая характеризует, может быть, моё поколение: в пионерском возрасте мы мечтали о светлом будущем, а в старости ностальгируем по пионерии. В те времена писательская профессия была, наверное, одной из самых уважаемых. И люди стремились быть учёными, писателями, хорошими специалистами... И это правильно, между прочим, направление. Только такое направление способствует дальнейшему развитию человечества. А сейчас все хотят быть посредниками, что-то покупать, перепродавать, идти в банки, на биржи. Это не те цели. Человек должен быть мечтателем, чтобы в реальности что-то создавать. Вот за это мы и боремся.

Беседу вёл Игорь ПАНИН

ДИСКУССИЯ

Год литературы — без книжных магазинов?

Окончание. Начало на стр. 1

Если смотреть в суть проблемы, прослеживается чёткая цепочка: писатель — издатель — книжный магазин — читатель. Потеряется одно звено, потеряется в конечном счёте всё книжное пространство. И если это пространство будет и дальше рассматриваться как отдельные инициативы книгораспространителей в сфере торговли, а не как взвешенная политика государства в сфере литературы, книжные магазины и литература будут уходить из жизни общества.

Фот. Евг. ГИНС

Возвращаясь к Году литературы. Хорошую инициативу поддержал президент России, когда на Российском литературном собрании предложил Год культуры в нашей стране продолжить Годом литературы. Благие намерения, но, как часто бывает, плохо исполненные. Можно бесконечно проводить мероприятия в поддержку литературы и чтения, возить писательские поезда на встречи с читателями и т.д. Но если у читателей не будет возможности познакомиться с книгами приехавшего писателя, толку и результата не будет. Регионам нужны поезда с книгами, регионам нужна государственная политика поддержки книжных магазинов как предприятий культуры. Детям нужны реальные, а не виртуальные книги.

Сегодня у нас есть шанс изменить сложившуюся ситуацию. В подписанном президентом документе «Основы государственной культурной политики» впервые упомянуты книжные магазины, книгораспространение и чтение как один из составляющих элементов культурной деятельности государства. И сегодня это очень важно для всех книжных магазинов страны в их просветительском, образовательном и культурном движении. Выжить экономически и не потерять те социальные и культурные проекты, которыми мы сильны сегодня и которыми во многом мы привлекаем своих читателей. Важно не только сохранить интерес к книге, но и привлечь ту часть населения, которая сегодня не доходит до книжного магазина.

Трудно предположить, как возможно в регионах продвигать литературу и чтение, не опираясь на основную канал социализации с книгами — книжные магазины. Ведь в состав организационного комитета по проведению Года литературы в России не вошёл ни один региональный книжный магазин, ни одна книжная сеть страны, не включена туда Ассоциация книгораспространителей независимых государств. А может, просто произошла историческая ошибка и книжная отрасль, бесспорная часть российской культуры, попала не в свой сегмент власти? И место ей не в ведомстве, функционал которого на 99% связан с телевидением, а где-то в другом, где не будут задаваться вопросом: книги Достоевского или Толстого — это культура или коммерция? И где понимают, что важным и необходимым условием существования книги в обществе является консолидация усилий всех участников книжной отрасли страны и государственных структур, связанных с культурой и образованием, системный подход к решению задач, которые сегодня жизнь поставила перед нами. Трудно предположить, что проводимый Год литературы сможет решить все существующие проблемы. Всё будет зависеть от людей, которые этими вопросами занимаются.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВА,
президент ассоциации книгораспространителей независимых государств

Последний окоп

Евгений Носов ушёл, чтобы остаться с нами навсегда

Они покинули дольний мир почти в одночасье, след в след, дружно, по-солдатски. «Зубры», «мужики недюжинного склада», писатели фронтового закала — сначала Николай Корнеев, затем Пётр Сальников. По праву «старшего по званию», по командирскому долгу короткий строй замкнул Евгений Носов. Ушёл в свой последний окоп...

А казалось, не будет сносу им, словно выкованным из шероховатой военной брони, словно заговорённым от повестки в небитые, как когда-то от пули-осколка. В их израненных, вперекосок сросшихся от боевых увечий телах, которые они бесечно не оберегали от сухомытки, от курева, от наркомовских ста грамм с «прицепом» и которые были неважным по надёжности вместилищем для их истощённых болью сострадания сердец, — в этих телах обитал могучий творческий дух, державший трёх курских богатырей на плаву сверх ваческих «нормативных» сроков. Но дверь в вечность рано или поздно открывается перед каждым...

Последний раз общаться с Евгением Ивановичем мне довелось в канун его семидесятипятилетия. Позвонил, официальным тоном — редакционное, мол, задание — попросил о встрече. У Носова же тогда череполосила здоровья-нездоровья сползала в сторону неотвязных болячек, настроение было неважнецкое, интервью он почти никому не давал, и предстоящая юбилейная страда, чувствовалось, его никак не радовала и не вдохновляла. Со второго, однако ж, захода я таки добился приглашения: «Ладно уж, достал. Приходи. Где живу, помнишь?»

Ну как не помнить?! Несчастья я сиживал в святая святых писателя, в его кабинете, одновременно по-домашнему уютном и по-рабочему аскетичном. Взгляд жадно впивался детали: заваленные рукописями, папками, конвертами легендарный стол-«верста́к», фотографии, рисунки, картины — носовской работы и дарёные хозяйны — на стенах; забытые внуками игрушки; невест за чем примостившийся у тачты велосипед... Ну и книги, дело ясное: бестелестика, а также очень обильно — художественные альбомы, справочники и энциклопедии, исторические труды, естественно-научные издания. Сомневаясь, что среди этого библиофильского изобилия нашлась хотя бы одна книга, не прочитанная с карандашом в руке хозяином кабинета.

Замечательно, как мне мнилось, выстроенный план-вопросник к запланированному интервью сразу рухнул. Носов, по обыкновению, взял бразды правления разговором в свои могучие лапы, и беседа потекла этаким вольным, прихотливым потоком, отвечаясь на «рукава», «протоки» и «затоны». С ужасом я взирал на неумолимо пожирающий плёнку диктофон — ну когда же я задам свои «главные» вопросы?! — а без пяти минут юбиляр тем временем вкусно и неторопливо рассуждал о чём-то «постороннем». Отныне эта 90-минутная кассета — самая ценная единица хранения моего журналистского архива.

Евгений Иванович, возможно ли возрождение пророческой, совестливой, если позволительно так выразиться, функции отечественной словесности?

тура была, образно говоря, поводирём народа, чему способствовала даже общинная природа нашей жизни. Поэтому в прежнем виде она просто существовать уже не сможет, но, надо думать, придёт новая литература, востребованная временем и самой жизнью страны.

Известно, что Носов не относится к тем художникам слова, кто пашет «ни дня без строчки»: его рассказы и статьи долго вызревают в бесписьменном, так сказать, виде, у них затяжной инкубационный период. Однако за «верстаком» Евгений Иванович восседал едва ли не каждодневно, платя регулярную дань эпистолярному жанру. А в ту пору он как раз вёл весьма интенсивную переписку с «другом любезным», старинным одноклассником по Высшим литературным курсам, душевно и духовно близким человеком и тоже писателем крестьянских корней — речь, конечно, о Викторе Астафьеве. Виктор Петрович только-только потряс читающий мир новыми главами романа «Прокляты и убиты», но Носов, высоко оценивая это, как оказалось, итоговое творение друга, критически относился к каким-то деталям и частностям книги, о чём, опять же по-товарищески, прямо автору и сообщал. Причём «разбор полётов» отличался просто-таки академической скрупелёзностью и дотошностью: черновики письма в Овсянку представлял собой пухлую пачечку из нескольких десятков мелким носовским почерком исписанных страниц.

Кстати — и это очень важный момент! — сам Носов не был баталистом, изобразителем боёв и сражений, где дымится «горячий снег», «танки идут

Война для Носова не апофеоз героизма и жертвенности — которых, само собой, он не отрицал! — не кроваво-грязные вылески предельства, жестокости и неизбежного российского головоутипства и бардака, а прежде всего момент истины, психологическое и нравственное испытание на прочность всякой личности, втянутой так или иначе в военную мясорубку. «Красное вино победы», «Шопен, соната номер два» созданы уже состоявшимся мастером. А начинался литературный путь Носова с лирических зарисовок и этюдов о природе, рыбной ловле, о неприятельских сельских радостях. И курские, и столичные рецензенты дружно отметили крепкую писательскую хватку тридцатилетнего журналиста из областной молодёжки: выверенное чувство стиля, блистательное владение языком.

Совершенно справедливо критик Юрий Томашевский указывает: «Носов-мастер начинался с «Объездчика». Всё, до того им написанное, было поиском этого начала, подступом к нему, его предтечей». Вообще-то этот рассказ, опубликованный в 1966 году в «Новом мире» и сразу удостоенный эпитетов «превосходный», «хрестоматийный» и «классический», замеченный и за рубежом, был озглавлен автором по-другому — «Потрава». Что редакторская длань тут явно напоротчила, ясно каждому, читавшему рассказ, да уж ладно, дело прошлое...

Стоящая по глубине и силе художественного мышления иных толстобрюхих романов «Потрава» разрабатывает экзистенциальную тему первородности, первичности зла:

звериное, животное начало под спудом дремлет в человеке и при определённых условиях вырывается наружу. И само зло в мире ещё остаётся. Может быть, оно и непобедимо, но бит в колокол, остергая от него подобно Носову, мы должны постоянно. «И не спрашивай, по ком он звонит, он звонит по тебе...»

У составителей летописи жизни и творчества Евгения Носова работы будет немного, а уж сугубо биографическая часть анналов уложится едва ли не в страничку...

...В пору перестройки и передела собственности писательское и журналистско-издательское хозяйство частично осыпалось под ударами экономического «землетрясения», а сохранившиеся остатки резко трансформировались — и Носов от всех своих общественных должностей добровольно отказался.

Но уж от чего он не мог отречься ни за какие коврижки — так это от главного дела своей жизни. И он писал, пока перо не выпало из рук...

12 июня 2002 года в земной биографии Евгения Носова прописана последняя строка и проставлена последняя дата. А место упокоения его совпало с местом рождения — Курская земля...

Для нас с вами, его современников, роль Евгения Ивановича Носова в литературе второй половины XX века вырисовывается предельно чётко. Писатель наследовал лучшим традициям отечественной классики — и как великолепный мастер слова, и как защитник униженных и оскорблённых, и как совесть, глас народа.

«Великий поэт русской прозы», он со всей страстностью и бескомпромиссностью собственным творчеством боролся за чистоту родной речи.

...Могила писателя — будто последний рубеж его, последний солдатский окоп. И задача перед ним стоит прежняя — Родину защищать. Единственное оружие, которым может воспользоваться мёртвый солдат Евгений Носов, — это его слово, всё ещё раскалённое, свинцово-весомое, летящее, как пуля у виска...

...На этой невесёлой ноте батарейки в диктофоне и приказади долго жить. Но разговор продолжался. И чем больше я слушал убеждённого сединами писателя — простите, Евгений Иванович, за сей расхожий штамп! — тем больше поражался его спокойной мудрости. Даже о том, что садит душу и сердце, Носов говорит без озлобленности и кликушества, столь несимпатично присущих иным из его коллег. Придерживая эмоции на вожжах, он стремится докопаться до сути, логической сердцевины непростых явлений сегодняшнего времени.

Писательская и человеческая мудрость Евгения Носова, без сомнения, подпитывается выпавшими на долю этого железного поколения уроками судьбы — шутками, три четверти века, и каких!.. Давили несётное детство, крупповские осколки в теле, тотальная житейская июль, сама далеко не бархатная писательская лямка...

И нам бы всем перенять чуток его мудрости и достоинства. А книги его уже давно и надолго с нами.

Александр ПРОЗОРОВ

КЛАСС ПРЕМИУМ

Короткий список премии «Дельвит-2014»

БАХРЕВСКИЙ Владислав. Долгий путь к себе. Роман-эпопея.

БЕРШИН Ефим. Дикое поле. Публицистика.

БЕСЕДИН Платон. Рёбра. Книга рассказов и первый том «романа перемен «Учитель».

БУТРОМЕЕВ Владимир. Земля и люди. Роман.

ВОРОНЦОВ Андрей. Шолохов. Роман. Исследование «Неизвестные страницы истории русского народа».

ГАЛАКТИОНОВА Вера. «Восстание праха» и др.: собрание сочинений в 3-х томах.

ЕРЁМЕНКО Владимир. Носители разума. Рассказы.

ЕСИН Сергей. Собрание сочинений в пяти томах.

ЖУКОВ Юрий. Обратотная сторона НЭПа.

ЗАЗУЛИНА Наталья. Война 1812 года. Мифы и реальность.

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений. Гаврила Державин. ЖЗЛ.

ИШИМЦЕВА Екатерина. Слушаю дождь. Книга стихов.

КАНТОВ Дмитрий. По прихоти сюжета. Книга стихов.

КИМ Анатолий. Радости рая. Романы.

КОНДАКОВА Надежда. Житейское море. Книга стихотворений.

КОНДРАШОВ Александр. Гений совка. Роман.

КОСТРОВ Владимир. Пока ещё... Лирика.

КРАСНОВ Пётр. Заполье. Роман.

КУПРЕЯНОВ Иван. Перед грозой. Стихи.

КУПРИЯНОВ Вячеслав. Ничто человеческое. Стихотворения и верлибры.

ЛАСУРИА Мушни. Золотое руно. Поэма. Перевод Михаила Синельникова.

МАЛЕНКО Влад. Приключения пса Кефира. Пять историй для детей в стихах.

МАТОНИНА Элла. Разговоры (книга бесед).

НЕЖДАНОВ Владимир. Небо в открытом окне. Книга стихов.

НЕСТЕРОВА Светлана. Байкальские сказы. Рассказы и сказки для детей.

ОНАНЯН Глан. Ложь во спасение. Книга стихов.

ПОПОВ Михаил. Ларочка. Роман.

ПОРТНОВ Владимир. Стихия. Стихотворения.

ПРОНИН Виктор. «Как много в этом звуке...» Книга рассказов.

ПШЕНИЧНЫЙ Анатолий. Родина любви. Избранные стихи, баллады, поэмы.

РЕБРОВА Татьяна. Архетипы. Стихи. Избранное.

РЕЗНИК Валентин. Будни бытия. Стихотворения.

РЯБУХИН Борис. Булгарский царь. Документально-художественное исследование.

РЯХОВСКАЯ Мария. Россия в отражениях. Публицистика.

СЕГЕНЬ Александр. Девоты крест. Сборник рассказов.

СИРОТИН Борис. Испытание одиночеством. Книга стихотворений.

СОКОЛКИН Сергей. Русская чурка. Роман-поэма.

ТАРКОВСКИЙ Михаил. Избранное. Проза.

ФРОЛОВ Константин. Мы вернёмся, Россия! Стихотворения.

ХАРИС Ренат. Произведения последних лет и либретто балета «Золотая Орда».

ЧАЛЫШЕВА Анна. Письмо из апреля. Стихи.

ЧИГРИН Евгений. Неспящая бухта. Книга стихов.

ШЕМСИУЧЕНКО Владимир. Слышащий да услышит. Книга стихов.

ШМЕЛЁВ Алексей. Пыль. Стихи.

ШУМЕЙКО Игорь. Романы. Ошибки великой династии. Историческое исследование.

ЩИПКОВ Александр. Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики.

ЮРЧАКЕВИЧ Галина. Перевод с немецкого книги «Иоганн Штраус и город на прекрасном голубом Дунае» Отто Шнайдера.

ПОЮЩИЕ В РЕПЕЙНИКАХ

Врачу, исцелися сам...

Заранее приношу публице извинения, ибо начать придётся с банальности. Так вот, прискорбный факт: литературная критика, уж не знаю по какой причине, – билет в один конец. Попытки выступить в другом амплуа, как правило, заканчиваются скверно. В лучшем случае критик может быть талантливым пародистом (примером тому Буренин). И не более того. Но глупо устроен человек: чужого опыта для него не существует...

ЧЕРУБИНА ДЕ АРБИТМАН

Саратовский литератор Роман Арбитман известен как ответчик на многочисленных судебных процессах в защиту чести и достоинства. Ему, неглупому, наблюдательному и на редкость язвительному критику, ничего не стоит превратить в труху писательскую профессиональную репутацию. Сомневающийся да обратится к недавнему «Антипутеводителю по современной литературе». Кто-то очень метко сравнил Арбитмана с шекспировским Клавдием: бродит по тёмным закоулкам русской словесности злодей с проклятым соком белены во флаге... словом, беллетристам настоятельно рекомендуется беречь уши.

В основном Р.А. писал о фантастах и детективистах – эта критическая ниша пустовала, и он её заполнил. Надо признать, весьма удачно: от донцовых и акуниных только ключья летели, а уцелевшие коллеги отзывались об арбитмановских экзерсисах с явным уважением. «Арбитмана многие не любят. Да и можно ли любить плавиковую кислоту? Но без неё никакая химия не обойдётся – даже литература», – утверждал М. Успенский. «Поступись Роман Арбитман своими «фантастико-детективными» принципами, его роль в критике была бы весьма весомой», – уверял А. Немзер.

Тут, конечно, должно прозвучать многозначительное «но». Однако прежде позволю себе лирическое отступление. Саратов славится обилием огней золотых и парней холостых. В последних недостатка и впрямь не ощущается: поэт Вениамин Петров, журналисты Аркадий Данилов и Андрей Макаров, филолог Рустам С. Кац, детективисты Эдуард Бабкин и Лев Гурский. И примкнувший к ним Арбитман, который и выдумал эти маски-шоу в духе незабвенной Черубины де Габриах. Из всех ипостасей Р.А. наибольшую антипатию у меня вызывает Лев Гурский – я от него бежать хочу, как только он покажется...

В подобных случаях неизбежен вопрос: на кой ляд признанному критику быть автором посредственных триллеров? Ведь перекалификация в оправдании оправдана в одном случае – когда карьера графа Монте-Кристо не удалась. Насколько знаю, стимулов тут было два. Первый: а чем я хуже Топола с Незнанским? Второй: литературный критик – так себе звание, называться автором бестселлеров не в пример престижнее. Проще говоря, добра молодца жаба задавила. Не сладил болезный с земноводной тварью, чмокнула она его громко и смачно – тут и обернулся Арбитман Гурским. До оскомины знакомый сюжет: не хочу быть столбовою дворянкой, хочу быть вольною царьчём...

Резонно было бы ждать от специалиста по детективам эталонов жанра. Но читатель всякий раз привычно натывается на разбитое корыто. Чужого опыта для нас не существует, как и было сказано. Не бойтесь, Роман Эмильевич, я вас не больно нарежу. Да и не вас, а вашего двойника...

«Два горных отрога её безупречного бостта, нависшего надо мною, были самым заманчивым пейзажем, какой мне когда-либо доводилось видеть... Я почувствовал, как напряглись обе Джомолунгмы в моих альпинистских лабонях» («Спасти президента»).

Чтобы завершить лексико-стилистическую тему, скажу: как-то уж совсем неприлично путать абонемент с абонентом (см. «Убить президента») и факсимиле с подписанием (см. «Перемену мест»).

Упомянутые, а равно и неупомянутые грехи легко объяснимы. Роман «Убить президента», как известно, написан за полтора месяца и сразу же набело; «Перемена мест» – за 50 дней, и правке подвергался всего один абзац. Роман Эмильевич, огласите ваш вердикт по этому пункту.

«Скажем сразу – высоким (или даже средним) образцом художественности данное сочинение не назовёшь. Чтение превращается в муку мученическую».

Перейдём к более значимой проблеме сюжетостроения – ведь для вас, Гурский, это действительно ошутимая проблема. Вот, например, «Спасти президента». Террорист ликовет в Кремль пышно: «Президент! Ты пошёл на войну. Я убью тебя во что бы то ни стало. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит». Тоже мне, князь Святослав Игоревич: хошу на вы иди! Ещё бы время и место покушения сообщил, ага.

В «Перемене мест» провал и того очевиднее. Частный детектив Яков Штерн получает от симпатичной клиентки заказ – вернуть украденную дискету с текстом неопубликованного романа. На самом деле у барышни иная цель: втянуть сыщика в извустски запутанную многоходовку, где переплелись политические интриги спецслужб и олигархов. Но бывший опер оказался не пальцем делан, а потому доморощенных макиавелли вокруг пальца обвёл и удачно разоблачил. При всех чудесах логики и интуиции Штерну ни разу не пришла в голову простая мысль: на кой чёрт хотиться за дискетой? Ведь с неё можно сделать неограниченное число копий... Роман Эмильевич, что вы думаете по этому поводу?

«Под видом «добротного, стильного детектива» нам обаятельно подсури-

пят какую-нибудь литературную недотыкомку».

Вот видите, Гурский, коллега со мною солидарен. Впрочем, жанр своих опусов вы определяете как «ехидный детектив». Логическое ударение здесь явно приходится на первое слово, так что сюжетные лакуны по большому счёту для вас не важны – теоретически их компенсирует ехидство. Но лишь теоретически.

Дорогой Гурский, родство ваших текстов с энтэвэшными «Куклами» отмечали многие: И. Михайлов, О. Рогов. Рискну уточнить: так могли бы выглядеть «Куклы» без Шендеровича, ибо... Роман Эмильевич, вы хотите что-то сказать?

«Автор вынужден в буквальном смысле высекать искры смеха из своих маршонеток».

Совершенно верно. Во-первых, анекдоту предписана лаконичность. Анекдот в 145 тысяч слов (скажем, «Спасти президента») – это, право, утомительно. Во-вторых, заявленное ехидство исчерпывается прозрачными намёками на ньюсмейкеров: писатель-гомосексуал Фердинанд Изюмов, весталка русской демократии Лера Старосельская, эстрадный юморист Аванесян... Что касается цветов невинного юмора – простите, дорогой Гурский, но прототип вашего Аванесяна, и тот шутит не в пример удачнее:

«Роман «Гей-славяне», этот «Архипелаг ГУЛАГ» для солубых, едва бы вышел в свет при большевиках. Он даже при демократах издался попервоначалу с большим трудом. Этих эстетов корбило даже от обычного слова «жопна», напечатанного в разрядку. А уже мою жемчужину, сцену совокупления главного героя сначала с нэуэториканцем, потом с китайцем и напоследок с индейцем, – уговаривали меня вычеркнуть сразу в трёх издательствах» («Убить президента»).

В общем, за гуманизм и дело мира бесстрашно борется сатира... Не жаелаете ли дополнить, Роман Эмильевич? «Разумеется, автор потерпел полнейшее фиаско. Вытащенные из коробки бумажные фигурки оказались в положении грубых карикатур, чьё сходство с оригиналом нередко ограничивается именем и костюмом».

Продолжим. Что мне особенно непонятно, дорогой Гурский, – ваша патологическая тяга насыщать свои тексты парафразами, аллюзиями и цитатами: от Булгакова («Озон, которым всё в мире началось, всё и заканчивается») до Мандельштама («Всё лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой») и Флеминга («Меня зовут Штерн. Яков Штерн»).

Ведь любители детективов и приват-доценты филологии – как правило, разные люди. Да и не всяк приват-доцент знает, к примеру, повседноим А. Немзера – Крок Адлюлов. Роман Эмильевич, а ваше мнение?

«Писатели сгубили переизбыток интеллигентского снобизма, нежелание даже на сто страниц похерить свой богатый организмованный внутренний мир. Притворяться на потребу публике-дуре автору, должно быть, кажется ниже достоинства: чего ради он должен забывать, что в совершенстве владеет цитатами из Диккенса и Мартина Лютера Кинга, Лермонтова и Хармса?» Индуктивный метод требует завершить цепь частных общим выводом. Эту цепь я с лёгким сердцем предоставляю г-ну Арбитману. Не сомневайтесь, уж он-то выскажется по-мандельштамовски, с последней прямотой. Прошу, Роман Эмильевич.

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

«Есть книги, которые от воздействия пламени сильно выигрывают. Ничто к автору больших претензий у меня нет. В принципе каждый деспотический гражданин имеет право сочинять всё что угодно для собственного удовольствия. Главную вину следует возложить на издателя».

Согласен, Роман Эмильевич. Но лишь отчасти. Издатели и редакторы, знамо, виноваты: не доглядели, правку не внесли... Однако не подкажете ли, кто значит редактором первых пяти романов Гурского? Некто Р. Арбитман. Ба-а, знакомые все лица! Так что...

ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ...

Напоследок сказать бы и мне что-нибудь для порядка. Да надо ли? Ведь Арбитман уже вынес суровый приговор Гурскому, а заодно и себе самому. Точь-в-точь гоголевская унтер-офицерша... Однако нет, из уважения к Р.А. поднимем планку – мистер Уоргрейв из «Десяти негритяг»: истинное величие судьи в способности покарать себя.

Но всё-таки ж-жутко хочется произнести последнее слово... Именем... да ну их к бесу, формальности. В деревню! К тётке! В глушь! В Саратов – В «Антипутеводитель»!. Впору ставить точку: а вдруг всё то, о чём молчу, само собою скажется?

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ, НИЖНИЙ ТАГИЛ

Р.С. Выражаю Р.Э. Арбитману искреннюю благодарность за сборник литературно-критических статей «Поединок крысы с мечтой», откуда и были заимствованы все саркастические реплики.

СОБЫТИЕ

Слависты продолжают диалог

В конце 2014 году в старинных городах центральной России Тамбове и Ельце прошёл международный конгресс литературоведов, посвящённый трём знаменательным юбилеям: М.Ю. Лермонтова (1814–1841), Т.Г. Шевченко (1814–1861), Е.И. Замятина (1884–1937).

В Тамбове на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, заслужившего высокую репутацию в мировом научном сообществе продуктивной работой Международного центра по изучению творческого наследия Е. Замятина и научной школой замятиноведения, созданной заслуженным деятелем науки РФ Лидией Поляковой, уже в течение двух десятилетий проводят замятинские чтения. В этом году традиционная встреча литературоведов проходила в рамках российско-украинского «Диалога славянских культур». Его организаторами, наряду с Тамбовским и Елецким университетами, стали Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки (Луцк, Украина), Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Актуальность подобного формата обусловлена тем, что в современной ситуации диалог культур становится важнейшей формой международного взаимодействия и способом разрешения цивилизационных конфликтов, ставящих мир на грань катастрофы. Значение международных форумов

славистов в этом контексте трудно переоценить. Как произнесла в своём приветственном слове петербургский замятиновед М. Любимова, «На славистических конгрессах специалисты всего мира могли обмениваться опытом и оценками. Благодаря этому в периоды политических кризисов и военных конфликтов создавался альтернативный путь для общения и взаимопонимания наций». Об этом же написал в своём приветствии известный немецкий славист, профессор университета в Майнце Р. Гольдт: «Конгресс проходит под знаменем «русско-украинских филологических чтений» в трудные дни распри и братоубийства, которые вместе с вами болезненно переживает вся европейская общественность. Хотелось бы надеяться, что чудесная идея «диалога славянских культур» станет воистину чудотворной, человечностью – вечной. *Желаю вам успехов в нашем общем деле! Бажаю вам успіхів в нашій загальній справі!*»

Международный конгресс в Тамбове–Ельце наглядно явил целесообразность российско-украинского культурного диалога. Интерес к нему славистов из разных стран неслучаен. Кроме

литературоведов, представлявших научные школы России, в нём приняли участие учёные из Великобритании, Италии, Китая, США, Узбекистана, Швейцарии, Японии. Во время видеомоста с Парижем участников приветствовал один из ведущих русистов, профессор Лозаннского университета и Сорбонны М. Геллер, неоднократный участник Замятинских чтений в Тамбове. В программе конгресса было заявлено 16 докладов украинских учёных из Национальной академии Украины (Киев), университетов Луцка, Житомира, Черновцов, Донецка, Славянска.

В 1923 году в своей программной статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем» Замятин написал знаменательные слова о пророческой роли русской литературы: «Живая литература живёт не по вчерашним часам и не по сегодняшним, а по завтрашним. Это – матрос, посланный вверх, на мачту, откуда ему видны гибнущие корабли, видны айсберги и малые стремли, ещё не различимые с палубы... Матрос на мачте нужен в бурю. Сейчас – буря, с разных сторон – SOS...» «Матросом на мачте» сегодня воспринимается и прошедший в Тамбове–Ельце международный конгресс «Диалог славянских культур».

Лидия ШИШКИНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЛИТФАКТ

В США Центральное разведывательное управление (ЦРУ) рассекретило около ста документов, касающихся романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». В директивах, опубликованных на сайте ЦРУ, сообщается, что американская разведслужба поддерживала издание этой книги и предписывала опубликовать её максимально возможным тиражом. Как следует из отдельного материала, датированного 1957 годом, спецслужбы рекомендовали уделить роману Пастернака большее внимание, чем другим советским произведениям.

Кроме того, было отмечено, что «Доктор Живаго» должен быть представлен к Нобелевской премии, так как это «поможет разрушению железного занавеса».

ЛИТЗОНА

Прозаики и поэты Алтайского края в Год литературы посетят исполнительные учреждения региона, где прочтут свои произведения. Об этом журналистам сообщила директор Алтайского дома литераторов Юлия Нифонтова. По словам дирек-

тора регионального дома литераторов, возглавляет литературный «декант» руководитель общественной Алтайской краевой писательской организации Анатолий Кириллин. Писатели побывают в исправительных учреждениях Бийска, Новоалтайска и Рубцовска.

ЛИТПАМЯТЬ

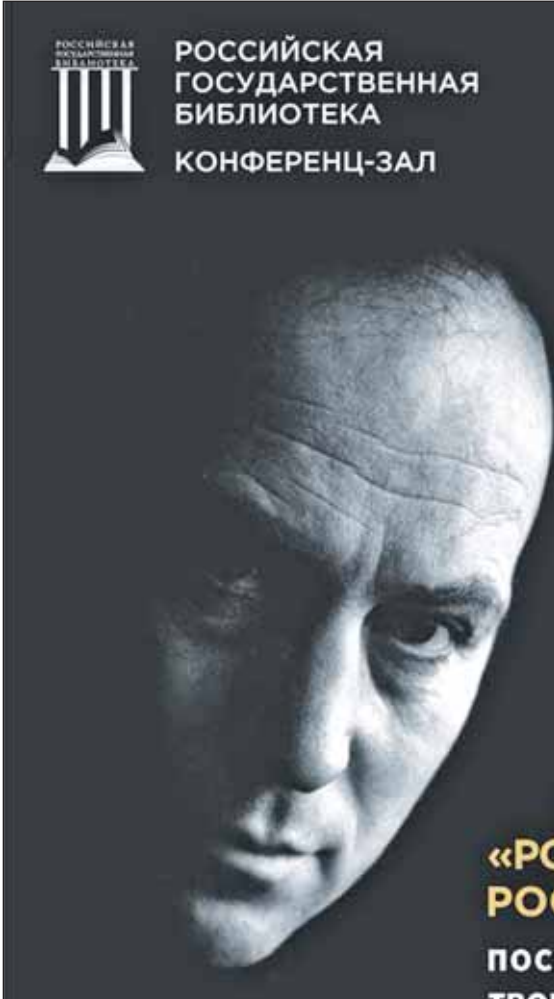
Домик Лермонтова в Ставрополе по адресу улица Дзержинского, 183, в котором останавливался великий поэт, приезжая на Кавказ, получил статус объекта культурного наследия. Зданию грозил снос. Рядом с ним стали возводить высотку, а на месте самого нынешнего объекта культурного наследия планировали размещение автостоянки.

ЛИТЮБИЛЕИ

70 лет исполнилось известному писателю-сатирику Семёну Альтову. 80 лет исполнилось прозаику Евгению Колесникову.

Встреча «ЛГ» с читателями в книжном магазине «Библио-Глобус» состоится 21 января в 17 часов в зале № 14 на втором уровне.

Очередной номер газеты представляет обозреватель отдела «Общество» Владимир Поляков.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ

30 января
2015 года
18:00

Вечер-концерт
«РОССИЯ - НЕ ЗЕМЛЯ.
РОССИЯ - СОВЕСТЬ»
посвящённый 50-летию
творческой деятельности
поэта и драматурга
**КОНСТАНТИНА
СКВОРЦОВА**
Вечер ведёт заслуженный артист РФ,
Лауреат Государственной премии РФ
Юрий Пронин

Метро:
«Библиотека им. Ленина»,
«Арбатская», «Боровицкая»,
«Александровский сад»
ул. Воздвиженка, дом 3/5,
подъезд 3, этаж 3

ВХОД СВОБОДНЫЙ

Константин СКВОРЦОВ

МАТУШКА ПЕЛА

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.

Зимами злыми над прорубью белой,
В стылрой воде полоская бельё,
Вся коченяя, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой — ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли её лёгкое тело
На вековечное поле-жильё.
Всё мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.

На горячем ветру,
Уземли на краю
Села бабочка вдруг
На ладонь, на мою...
И сидит, не дыша,
Мир собой заслона, —
Это чья-то душа
Отыскала меня.

Торопись, мотыльё!
Скоро дождь, скоро снег.
Этот тёплый денёк —
Твой единственный век.
Не вершится ничто
На миру просто так.
Это, видно, Господь
Посылает мне знак.

То ли, вправду, я слеп,
То ли путает бес...
Это — мама моя
Опустилась с небес.
Что-то хочет сказать

ВЕК

В списках лишенцев не состоял...

Шефнеры, выходящи из немец-ких земель, поселились на Руси ещё при Алексее Ти-шайшем, а шведы Линдестремы, ро-дональщики по материнской линии, обосновались в Санкт-Петербурге в XVII веке.

С той поры флотоводцы, военные инженеры, лейб-медики, гвардейские офицеры занимали достойные места в семейной летописи поэта: наследник столь обяызывающей родословной Шеф-нер пристально вглядывался сквозь пе-лену истории в тех, кто, по его словам, «уже совершил свой жизненный круг, чей опыт стал, так сказать, твёрдой ва-лютой», — с намерением понять и «рас-шифровать себя» как человека, гражда-нина и поэта.

В мемуарной повести «Имя для пти-цы, или Чаепитие на жёлтой веранде» (1973—1975) Шефнер заметил, что ха-рактер у человека закладывается рано и самые тяжёлые камни людям прихо-дится ворочать в детстве.

12 января 2015 года исполнилось 100 лет со дня рождения Вадима ШЕФНЕРА. Потомственный петербуржец, внук двух ад-миралов Российского флота, он родился в Петрограде, большую часть своей жизни прожил в Ленинграде и скончался в Санкт-Пе-тербурге. Он никогда надолго не покидал родного города и даже в Великую Отечественную войну — от начала до Победы — провёл на Ленинградском фронте. И потому город Петра Великого с его историческими тайнами и неповторимым обликом наряду с лю-бовной лирикой — главные темы шефнеровской поэзии.

Ранние впечатления связаны у не-го с родительским домом на 6-й линии Васильевского острова. Первая миро-вая война. Революция. Переезд вместе с матерью из голодного опустевшего Пи-тера в тверскую деревню. Детский дом. Доверчивый и стеснительный сто-личный мальчишка из интеллигентной семьи, он никак не мог привыкнуть к неласковым приютским порядкам и ощущал свою «заброшенность» и чу-ждость «чуть ли не всему миру». Он, разумеется, не понимал в свои годы масштабов разразившейся в стране трагедии, но подсознательно чувство-вал нависшую над всеми — и над ним самим — неведомую опасность.

Сменив несколько детских домов, он возвратился с матерью на Васильев-ский остров и поступил в 215-ю трудо-вую школу. Затем были ФЗУ и работа кочегаром по обжигу фарфора на «Про-летарии», где в многотиражке было на-печатано его первое стихотворение.

Шефнер признавался: в юности его одолевало необъяснимое непостоян-ство. В середине 30-х годов прошлого века он за короткий промежуток време-ни, без всяких веских причин испробо-вал весьма пёстрый набор профессий: работал на сверлильном станке, был формовщиком в литейном цехе, под-носитчиком кирпича на стройке, библи-отекарем, чертёжником-архивариусом, посещал рабфак Ленинградского уни-верситета, готовясь поступать в меди-цинский институт...

«Сейчас и сам удивляюсь, — сооб-щал он в автобиографии (1960), — тог-дашней своей непоседливости, но в те

годы частая перемена мест казалась мне вполне естественной. Я всё искал чего-то, а чего — и сам не знал. Всё это время писал стихи, но, как правило, никому их, кроме ближайших друзей, не показывал».

А потом он участвовал в литератур-ной группе при городской молодёжной газете «Смена» и в молодёжном объе-динении при Ленинградском отделении Союза писателей СССР. В это время Шефнер знакомится с Юрием Тыняно-вым, Михаилом Зощенко, Анной Ахма-товой, Николаем Заболоцким...

В 1930-е годы советские поэты с эн-тузиазмом воспевали эпоху великих дерзаний, и Шефнер тоже отметился стихами о «гневном и крылатом» ветре «в краю полярной темноты» и други-ми. Но стихов такого плана у него бы-ло немного; для него согласие с приро-дой становилось и этической нормой, и условием нравственного совершен-ствования, что, конечно, не исключало трагических нот в стихотворениях и не отменяло безответных вопросов.

Мысль о кратковременности чело-веческого существования дисципли-нировала и подсказывала: земная жизнь — цель мгновенный, и каждое из них не-повторимо. Чем человек свои мгнове-ния наполнит и как поведёт себя — за-висит от него самого, от его отношения к миру и к другому человеку. Так обо-значилась в лирике Шефнера как ма-гистральная проблема нравственного выбора.

Первая книжка стихотворений «Светлый берег» Вадима Шефнера вы-шла в 1940 году. А потом была война.

Лёгким трепетом крыл
На родном языке,
Что я знал и забыл.
Чтобы маму понять,
Стал я памятью — весь, —
Не исправится ТАМ,
Что напутано здесь.

...Вот и падает снег
На поля не спеша...
Пусть недолг наш век,
Но бессмертна душа...

В глубинке русской посреди разрухи
Унищих окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в пыль...
Остались только песни им... И это
Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клетки сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам живётся? —
Они глаза подняли озорно.
Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождём,
Где б я ещё услышать мог такое? —
Чего не доедим, то допоём!

То допоём!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной.

А.С. Евтихиевой
Где же вы, золотые поля,
Где вы, волны бескрайние хлеба?..
Рожь не сеют. Одна конопля
Затуманила синее небо.

На меже одинокий репей
Распушился, как озенный кочет.
Знойной речи горячих степей
Как и я, он и слышать не хочет.

Он готов уже ринуться в бой,
Но и здешние гуси на речке
Объясняются между собой
На чужом, незнакомом наречье.

Он бросает растерянный взгляд
И кричит, что есть силы и мочи,
Собирая бездомных цыплят,
Что отбились от выцветшей квочки.

Ах, репей — беспокойный петух,
Собираются грозные тучи.
Коль в тебе наш запал не потух,
Значит, выстоим, брат мой колючий!

Поднимай задремавший народ
В той деревне, где все эти годы
Пахнет мёдом и липа цветёт,
Несмотря на прогнозы погоды!

Золотой зверобой,
и горячее поле душицы,
И обивший смородину
сказочный алый цветок,

И родник под скалой,
тот, который доныне мне снится,
И сиреневый полог тумана
вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав,
из ручьёв, от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как венок из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зелёной травинке,
Потому что в тумане
всё время мерещилось мне:
Может быть, это ты
в серебристой, как сон, паутинке,
Той, что ветер принёс,
словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
оставив и горы, и поле...
И в ущелье домов,
где не встретишь живого огня,
Ты по улице шла
в золотых светляках зверобоя.
Я узнал тебя сразу.
Но как ты узнала меня?

Помолчим. И послушаем Жизнь.
Блики солнца в воде отмерцали.
Тихий сумрак стирает межги
Меж стучащими робко сердцами.

Звёзды с ивы упали на дно
Водоёма: ни всплеска, ни мути...
И два сердца вдруг слились в одно,
Как две капли дрожащие ртутки.

В не прикрытое кем-то окно
Залетела случайная птица.
Больно бьётся она о стекло,
А ты шепчешь, что сердце стучится.

Ей объятья рассвет распростёр,
Манит пленницу небом напиться...
Но не вырваться ей на простор.
Бог не дай мне вот так же разбиться.

Помолчим. И послушаем жизнь.

Дождь идёт — значит, будут грибы!
Красной птицею туча парит.
От слепого удара Судьбы
Тихо дерево в роще горит.

Робкий зверь стороной обошёл,
И окончен охотничий сон.
И, промокший, с пустою душой
Я бездумно смотрю на огонь.

И, привыкший идти напролом,
Не могу отойти от огня.
Это дерево сизым крылом,
Как любовью, созрело меня.

Что за чудо ниспослано мне,
Словно в стужу тепло шалаша?
Гибло дерево в синем огне,
Но моя возрождалась душа.

Это ж надо — сгореть на корню!
Чуть дымит почерневшая медь...

Может быть, я вот так же сгорю,
Мне бы только тебя обогреть!..

Осенний лес и неба синева.
Огонь осин и вспылки дикой вишни.
С деревьев тихо падает листва,
В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
Разлиты по земле, как Божья милость...
И где-то хохотнула вдруг сова
Средь бела дня... Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
Впячет глаз прозрачный и меткий
Туда, где расписные доскутки
С дичьным страхом покидают ветки?

И между нами, как меж двух страниц,
Лишь этот удивительный гербарий.
И пахло от дерев, лежащих ниц,
Сухой травой и свежими грибами.

Любимая! Вот жизни краткий миг...
И, к нам не проявляя интереса,
Прошёл с корзиной полною грибок.
Ему мы показали частью леса!

С корзиной полною — вот счастья знак.
Какого мы ещё искали знака?
И никогда я не смеялся так...
И никогда, друг мой, я так не плакал!

АВАЛЛОН

Аваллон — город магов, друидов и жриц...
Из письма

Сегодня снился странный сон,
Хоть я не увлекаюсь снами...
Приснился остров Аваллон
На бирюзовом океане.

Вдоль синей каменной гряды,
Как память об усердных предках,
Качались райские сады
И яблоки на тонких ветках.

И в каплях утренней росы
Туманы прятались в низинах.
И нимфы яблоки несли
Навстречу в ивовых корзинах.
Когда б не сон мой, как на грех,
Я убежал бы опрометью,
Поскольку знал: в корзинах тех
Лежали яблоки бессмертья!

И некто, о любви трубя,
Был довершенем карнавала...
И вдруг я узнаю тебя,
Но ты меня не узнавала...

И я стоял, как в кандалах,
Не в силах сдвинуться... Не скрою,
Ты яблоко мне подала,
Сказав: «Расплатишься Любовью!»

— Не надо вёсел кораблю! —
Ответил я... — Будь трижды смертен,
Я всё равно тебя люблю,
И заберу своё бессмертье!

Да, смертен, и судьбы иной
Я не желаю! Верьте, люди!..
.....
И я проснулся...

Предо мной
Лежало яблоко на блюде!

НОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ «ЛГ»

Не упустите шанс!

«Литературная газета» объявляет об откры-тии нового информационно-рекламного проекта «Литературная ярмарка».

Приглашаем к участию поэтов, прозаиков, драма-тургов, желающих опубликовать свои произведения на страницах «ЛГ», разместить информацию о выходе новой книги. Также возможна публикация объектив-ных рецензий (не содержащих эстетической оценки). Если учесть, что книги сегодня выходят мизерным тиражом, то тираж «ЛГ», переваливший за сто тысяч экземпляров, позволит узнать о вас многим и многим читателям всего мира.

Авторам не только представляется уникальная воз-можность опубликоваться на страницах старейшего и авторитетнейшего культурологического издания, но и получить возможность привлечь внимание издате-лей и критиков, сделав более яркой свою литерату-рную судьбу.

«Литературная ярмарка» будет выходить на коммер-ческой основе, что позволит автору самому определять объём собственной публикации в рамках проекта.

Произведения присылать в отдел «Литература» «Ли-тературной газеты» по электронному адресу: kons@lgz.ru с пометкой в теме письма: «Литературная ярмарка».

Подробности по телефонам :
8 (499) 788-02-05; 8 (499) 788-02-09.
А также на сайте «ЛГ»: lgz.ru

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Эдуард Лимонов.
Дед: Роман
нашего времени:
Роман. — СПб.:
Лимбус Пресс,
ООО «Издательство
К. Тублина», 2014. —
352 с. — 4000 экз.

Автобиографическая книга Эдуарда Лимонова «Дед», как и все книги этого автора, страстная и искренняя. Сам писатель говорит в предисловии, что его персонаж Дед — «лидер политической партии, любовник, большой чудак и любитель поразмышлять». На страницах романа от лица непосредственного участника написаны недавние бурные события: бунты рассерженных горожан, «оболотные» митинги и другие события, связанные и с личной жизнью героя, и с политической жизнью страны. Любопытна и глава о героине, известной по поэтическому сборнику «Стихи к Фифи», Лимонову вообще удаются разнообразные портреты любимых им женщин. Смесь вулгарности и нежности странно завораживает. Итонационно же Лимонов, как всегда, резок и субъективно убедителен, насмешлив, brutalен и в то же время чуть сентиментален. И уж с чем точно не поспоришь, так это с тем, что читать Лимонова всегда интересно, чего не скажешь о многих современных авторах.

ПОЭЗИЯ

Ольга Медеян.
Был взгляд. — М.: Вече,
2014. — 112 с. — 2000 экз.

Ольгу Медеян можно отнести к числу удачливых поэтических дебютанток. Её творчество неизменно на виду, её не обходят стороной премии, на её выступлениях всегда вдоволь поклонников. В её стихах прежде всего подкупает сплав высокой поэтической культуры с мощной энергетикой. Она сразу же заявляет в полный голос, что её творческое «я» шире привычной девичьей тематики. Её занимает мир во всех его проявлениях, преломлённый через поэтическую ритмику:

*Завещаю вам, мои подруги,
муз моих заветные услуги.
Завещаю тополь у крыльца,
что к ногам склонялся без конца.*

Радует, что автора книги «Был взгляд» не заподозришь в следовании обязательным либеральным постулатам стиха. Её генеалогия в классике и, что самое главное, находится в той части мироведения, что не приемлет пошлость и намеренную снижение тона.

*Выцвел скатерти розовый куст,
Выются сизые тени вокруг.
Стол велик и предательски пуст.
Слышен грифель каторжный звук.*

Впереди у Ольги Медеян путь. И наблюдать за этапами её литературного странствия будет, по всей видимости, интересно.

БИОГРАФИЯ

Игорь Михайлов.
Роман с жизнью Эрнеста Хемингуэя. — М.: Художественная литература,
2014. — 352 с. — 1000 экз.

Книга журналиста и писателя Игоря Михайлова — о жизни и творчестве выдающегося американского писателя XX века, лауреата Нобелевской премии Эрнеста Хемингуэя. В книге рассказывается о многих малоизвестных фактах из жизни писателя, о его участии в войнах, путешествиях, сердечных привязанностях. Есть попытка заглянуть в творческую мастерскую Хемингуэя, понять, из какого шествия сделаны его произведения и почему он умер трагической смертью... Автором использованы уникальные материалы: рассекреченные документы ФБР, письма, мемуары и фотографии. Надо заметить, и это подчёркивает Михайлов, что огромное влияние на формирование эстетических взглядов Хемингуэя оказали русская классика, знакомство с произведениями Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова. Интересны и портреты современников писателя, тех, с кем он встречался, поддерживал дружеские отношения: Г. Стайн, С. Фицджеральд, П. Пикассо, М. Дитрих, Ф. Рузвельт...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мы встретимся в
солнечном луче:
Письма Констан-
тина Бальмонта к
Дагмар Шаховской:
1920–1926. — М.:
Русский путь. —
624 с.: ил. —
2014. — 1000 экз.

Константин Бальмонт — фигура, оставившая заметный след в русской литературной истории, но нуждающаяся сегодня в некоторой реабилитации. Некий флёр жеманства, покрывший его имя, мешает воспринимать его творчество во всём объёме. Книга «Мы встретимся в солнечном луче» — это прекрасно подготовленный сборник писем Бальмонта к своей любимой женщине Дагмар Шаховской. Книга снабжена достойным литературоведческим аппаратом, а вступительная статья Роберта Бёрда и Фариды Черкасовой «Любовь и изгнание» воспринимается как шемцаящая документальную новелла. Сборник ещё раз подтверждает, как важны в издательском деле скрупулёзность, научность и как важно избегать шарлатанства, когда дело касается переломных моментов нашей истории и личностей, определяющих такие переломы на уровне художественного сознания.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

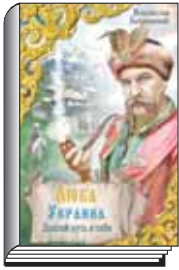
Александр Андерсон.
Элизиум. Аликс и монеты. — М.: Росмэн, 2014. — 384 с. — 5000 экз.

Это первая книга серии фэнтези «Элизиум». Автор Александр Андерсон, победитель конкурса «Новая детская книга». Книга рассчитана на детей 10–13 лет. По сути, это современная сказка с умело использованными элементами фэнтези и серьёзным философским подтекстом. Героиня — девочка Аликс — в поисках пропавшей семьи проникает в таинственный мир Междустения, у которой есть и другое, тайное, название — Элизиум. Проводник по этому миру — таинственный Шут. Он помогает Аликс, но за помощь берёт непомерную плату — волшебные монеты, с каждой отданной монетой сокращается жизнь Аликс. Оправдает ли Аликс возложенные на неё надежды, сможет ли она не обмануться ложными целями и правильно распорядиться своей жизнью? На эти и другие, не менее сложные вопросы придётся вместе с героями повествования ответить маленьким читателям. Книга призвана не только привлечь, но и научить размышлять, разбираться в себе, поможет понять, что есть зло, а что — добро.

КНИЖНЫЙ РЯД

Всем нужен мир, а мира нет

Учит ли история кого-нибудь? Похоже, не очень. Открываешь исторический роман, вроде оказываешься в XVII веке, а там — то же самое, что в прошлом выпуске новостей. Не буквально, конечно, но параллель прослеживается. Впрочем, роман «Люба Украина. Долгий путь к себе» и не должен ничему учить. Владислав Бахревский — автор — себе такой цели явно не ставил. У него и герои — не исторические типажи, а живые люди — своеобразные, изменчивые, несущие в себе оба заряда — положительный и отрицательный. Жили в другом тысячелетии, носили другую одежду, в интернете не сидели, а в остальном — почти как мы с вами. Влюблялись, радовались, запутывались, предавали... жили и умирали. Но жить и умирать можно, конечно, по-разному. Книга Бахревского — эпичная панорама эпохи, вставившая в себя и маленькие, незамеченные историей судьбы крестьян, обывателей, воинов и жизни личностей, навсегда оставшихся в народной памяти. В центре — Богдан Хмельницкий, казачий гетман, решивший поднять свой народ против Речи Посполитой и через годы рваной, изматывающей войны привести его к России. История о выборе между Западом и Востоком, весьма актуальная по нынешним временам, обозначена автором как «путь к себе». К себе ли — вопрос для многих спорный, но писательский взгляд и не навязывается — в романе нет места

Владислав Бахревский.
Люба Украина. Долгий путь к себе:
Исторический роман. —
Москва: АСТ, 2014. — 800 с.

школьному восприятию истории с однозначно правильными и однозначно неправильными трактовками. Главный посыл книги — стремление разобраться в истинном положении дел, будь то целая эпоха, народ или человек. В середине романа автор приостанавливает события и прямо разяясняет читателю это своё намерение. Не рисовать «эталонную икону», а признать серьёзные ошибки Хмельницкого, пытавшегося удержаться и не стинуть в омуте чужих политических интересов вместе со своей мечтой о спокойной и достойной жизни на Украине. Это сильный, но уставший и немолодой уже человек; гордый, но умеющий хитрить и изворачиваться; уверенный, опора целого народа — и глубоко сомневающийся в верности своих действий... Никакого разяснения здесь не нужно. Эта противоречивость и стоит за живостью образа, ощущением достоверности и честности автора перед своими героями.

И не только перед главными. Через призму своих представлений Бахревский раскрывает мир польских аристократов и просто зажиточных панов, богатевших за счёт труда украинцев, мир молодых и отчаянных казаков — простых людей, мир молдавский, татарский и русский... Масштаб романа как будто определяет и стиль: подробный, местами витиеватый, похожий на сказ, с тяжеловесными иногда метафорами, но при этом довольно динамичный по содержанию, всё набирающий скорость. Каждая личная история мгновенно втягивается в общее движение к развязке — соединению двух народов, но не теряет своей жизненности и интереса на политическом фоне. Помимо ощущения, что глобальные человеческие проявления — качества, мотивы, события — не слишком меняются, именно частные, обыкновенные чувства — обида, неприязнь, зависть, страх, любовь, влечение — и есть ниточка между нами и далёким прошлым. Писателю удалось её протянуть — и это, пожалуй, главное достоинство романа. Далеко не каждый читатель разделит авторское видение истории, будь то перипетии войны или зарисовки мирной жизни. К тому же в потоке наций, лиц, событий, тайн, намерений «от святых до разбойных» у каждого своя правда. Но найдётся в романе одна мысль, которую можно, пожалуй, считать одной на всех истинной: «Всем нужен мир, а мира нет». Значит, впереди долгая дорога к нему.

ВАЛЕРИЯ ПАКСЯЛИНА

Эдуард Балашов.
Спрятанная жизнь.
Медитации. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2013. — 480 с. — 500 экз.

Тот, кто надеется найти в этой книге стихотворения в традиционном их смысле, будет... удивлён. Потому что «Спрятанная жизнь» — это не стихи и не проза, а, как верно обозначил жанр своей книги Эдуард Балашов, — медитации. Что же это такое? Дать определение медитации довольно трудно. Скажем так: это сокровенные размышления о самом главном, художественно оформленные. Подобные размышления ничего общего не имеют с дневниковыми записями, фиксирующими происходящее. Медитации — некий пульс духовной жизни, синтез философии, религии и поэзии, совершенно новая форма бытования слова. Иногда они ритмизованы, порой и метафоричны, но чаще — просторно и свободно располагаются в одной мысленно. Медитации невозможно просто пролистать, их нужно осмыслить и прочитать сердцем. Иные из них кажутся совсем простыми, но когда начинаешь вдумываться, то всегда обнаруживаешь потайной смысл, прорастающий гораздо глубже самих слов. «Спрятанная жизнь» — неявная и кропотливая работа человеческого духа, но она-то и есть самая важная. «Медитации» — это личный опыт божественного единения». Каждая медитация легка и тяжела одновременно, читать надо неторопливо, словно покачивая-проговаривая каждую фразу по несколько раз.

*Не ищи в голове, понимание
в сердце живёт:
Просторы сердца обитаемы.*

И действительно, понимание происходит только через сердце, рассудок здесь нечем поживиться, рассудок даже может заявить,

что ничего нового он тут не обнаружил. Но это не так. Иногда появляется ощущение, что ты давно всё это знаешь и понимаешь, да только сейчас, прочитав ту или иную медитацию, ухватил мысль за хвост.

*Если идёшь, то только делать добро:
Не стоит напрасно тратить шаги.*

Да, да именно! Сколько же мы делаем напрасных, ненужных шагов... И как трудно делать те самые, нужные. Несомненно, Эдуард Балашов — учитель в самом высоком смысле этого слова. И его слова и наставления не воспринимаешь как морализаторство, скорее — как помощь в пути. Как необходимый совет. В этой книге есть совесть, есть доброта, есть свет.

*Слышишь, Истина весть подаёт,
Голосом совести миру вещает.*

Абстрактные понятия становятся вдруг близкими и понятными, и им даже можно дать определение:

*Счастье — когда семь радостей
В одну живую рабугу слились.*

И, конечно, в книге есть медитации о жизни и смерти, содержащие, как ни странно, подлинное утешение, помогающее преодолеть самый большой страх — страх смерти.

Смерть — лишь шаг из жизни в жизнь.

*Смерть над радостью не властна.
Готовность к смерти — знать,
что смерти нет.*

*Сказавший «Смерти нету» —
Сказал посмертно это.*

*Молись, молись —
И смерти не заметишь!*

Это не значит, что «Спрятанная жизнь» совершенно оторвана от реальности, она впол-

не актуальна, только в ином измерении, не сиюминутном, а, если угодно, провидческом.

*У Америки — сметный доллар,
у России —
Несметная неразменная Мысль!*

Написаны эти строки задолго до унизированной сегодняшней ситуации с санкциями и непомерной долларовой гордыней, выраженной в нынешнем курсе. И как-то верится: Россия всё преодолет, несмотря ни на что. Нас никто не смог поставить на колени, а уж доллару тем более такое не под силу. Одна из книг Эдуарда Балашова, безусловно, горячего патриота своей страны, называлась «Россия — радость» — о том, что у России свой, особый путь, и именно в этом её спасение. Медитации Балашова укрепляют в душе, влияют на читающего и готового к восприятию человека светлую силу, обладают мощным катарсическим действием и даже, да простит мне учитель, психотерапевтическим эффектом.

Но ничего не получится без доверия. Без доверия нет прития. Отторгнуть легче, чем впустить. Но впустивший становится сильнее и счастливее.

*Доверься Учителю — вот
вдохновения провод!*

*Незримый Учитель с тобою всегда
и везде.*

Здесь, конечно, речь идёт о божественном Учителе, причём для Балашова он един, это и Христос, и Будда, и любой Провидец. В этом нет никакого кощунства, а есть понимание того, что божественное начало, понятия о добре, любви, страданиях и совести одинаковы для всех народов и для всех религий. А для меня Эдуард Балашов и учитель жизни, и мастер Литературного института, где я училась у него на семинаре поэзии. Балашов не только объяснял, какова ценность поэзии, но и направлял в мудрости, не каждойодной, а той, с которой нестрашно жить и нестрашно умереть. Той, которая ничего не стоит без доброго сердца: «Высшая мудрость — доброта».

АНАСТАСИЯ ЕРМАКОВА

ОБЪЕКТИВ

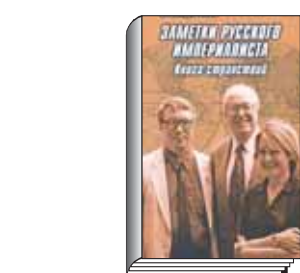
Дорожная дума

Домашняя дума в дорогу не годится.
Владимир Даль

Есть в этой загадочной поговорке невыразимая русская широта и жажда вырваться из четырёх стен, мысленно обогатиться. Путевая проза — один из великих жанров русской литературы, который ныне вырождается в гламурные издания и плоские путеводители без глубоких мыслей и свежих чувств. Как известно, многострадальный российский туризм переподчинили Министерству культуры. Как это сказалось на отрасли? — ну, все помнят прошлогодние кидания и мошенничество фирм, страдания брошенных туристов. Это всё уголовно-экономические и юридические нестроения, но как отразилось переподчинение отрасли на её культурной, духовной составляющей? Ровным счётом — никак! Яркий пример: в Год культуры не появилось даже ярких рубрик на ТВ, в Год литературы нет своей книгоиздательской государственной программы. А как нужны новые книги о ратных полях России в год 70-летия Победы, о Русском Севере и Кавказе на фоне немисливо выросших в цене зарубежных туров, о дорогах по постсоветскому пространству в подтверждение разговоров о Евразийском союзе. Даже и о загранич-

ных дорогах с поиском Русского мира и благодатных примеров. Михаил Пришвин, который в своей путевой прозе и очерках, будь то северная повесть «В краю непуганых птиц» или подмосковные «Башмаки», остаётся для меня непревзойдённым и вдохновляющим образцом писательского постижения Отчизны, оборонил парадоксальную на первый взгляд фразу: «Русский, восхищаясь другой страной, так выражает смертельную любовь к своей родине». После бесконечных дорог по стране и многим по зарубежью мне сполна открылся смысл высказывания. Русский, восхищаясь, не столько завидует или по еврейской привычке мысленно подбирает место обитания (мол, где хорошо, там и родина), сколько искренне любит, жадно постигает, а главное — пытается сравнить, перенимать всё лучшее, задумывается: почему же на родине не так? — ну, вот же отличный пример! Лучшим подтверждением этого глубокого высказывания Пришвина и продолжением слов Достоевского о нашей всемирной отзывчивости стала для меня новая книга Владимира Бондаренко «Заметки русского империалиста. Книга странствий». Только прочитав сводную книгу странствий, понял до конца его признание пер-

вопроходца: «Скажу честно: я всю жизнь болен страстью к путешествиям. Помню, когда работал инженером в научном институте бумаги, с удовольствием ездил в каждую дыру, будь то Боровичи или литовский Григишес, Сызрань или эстонский Вильянди. Коллеги отказывались под любым предлогом: семья, дети, спорт, болезнь, спокойный диван дома, а я мчался на любой край света... То же самое происходило и после моего перехода на журналистику, в «Литературную Россию» в 1977 году. Многие журналисты тоже предпочитали и предпочитают отсиживаться в Домжуре или ЦДЛ, а не ездить в теплушках, не летать на вертушках, не ночевать непонятно где, от сеновала до нетопленного рабочего общежития. Ведь сразу в журналистскую элиту с люксами и пятизвёздочными отелями не попадёшь ни у нас, ни в Америке, ни в Европе, сначала надо доказать, что ты можешь». Бондаренко давно доказал, в книге собраны «почётные» вроде бы путешествия по высоким приглашениям. Например, он выступал на юбилейном съезде НТС во Франкфурте-на-Майне, читал лекции о «литературе врага» в логове американской военной разведки в Гармиш-центре среди баварских Альп. «Помню, известный тогда

Владимир Бондаренко.
Заметки русского империалиста. Книга странствий. — М.: Вече, 2014. — 1000 экз.

«огоньковский» журналист Феликс Медведев встретил меня в Мюнхене на радио «Свобода» и поразился, что пустил сюда этого красно-коричневого? Мой друг Петя Паламарчук даже боялся подходить к Гармиш-центру, я прочёл там цикл лекций о русской литературе. Когда прочёл несколько лекций о русской литературе, разразился скандал». Его пригласили в поездку по всем крупнейшим университетским центрам Германии с лекциями и дискуссиями, но он оказался с инфарктом в немецком госпитале Кёльна, где и провалялся около месяца. Но дороги продолжились. «Кстати, ни разу, ни в советское, ни в антисоветское время я не ездил за границу за счёт Союза писателей. Чем-то не подходил высокому литературному начальству ни в советское, ни в антисоветское время. Хотя, по правуюсь, один раз я ездил за рубеж за счёт Союза писателей СССР. По

рекомендации Александра Проханова был в составе писательской делегации из двух человек (вместе с Юрой Скопом) в воюющий Афганистан». Но они вырвались из правительственной особняка в Кабуле и объехали все горячие точки. В воюющей Сербии и Черногории он был несколько раз, беседовал с Воиславом Шешелем, с Радованом Караджичем. Попадал как делегат и на съезд ку-клукс-клана в Атланте, где успешно выступил, а затем и на встречи правых республиканцев в Нью-Орлеане. Вместе с Владимиром Жириновским летал в Тунис и далее — на машинах через пустыню в Ливию, в шатёр к растерзанному позже Кадаффи. Володю не устраивало, что в Венецианском университете, в Оксфорде, в Кёльне — везде — царил либеральная цензура. Кроме профессорско-либеральной четвёрки — Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева, а затем сразу же Солженицын и Бродский — больше никого не знали. Ни Блока, ни Платонова, ни Есенина, ни Шолохова, ни Клюева, ни Хлебникова, ни Кузнецова, ни Рубцова. А уж о нынешних русских прозаиках и не слыхивали. Но главное открытие и откровение — Китай! С полным основанием бескомпромиссный критик пишет: «Мои заметки не столько о Китае, что увидишь в этой имперской твердыне за две недели? Сколько о своих впечатлениях и о Китае и о России на фоне Китая, в отражении Китая. Китай — это упущенные возможности России... Как можно, увидев наяву ре-

альные пути развития, шанхайские дорожные развязки, небоскрёбы и новейшие научные центры, врать с телеэкранов о стабильном росте экономики России? Сырьевую колонизацию умело назвали энергетической экономикой, но даже нефть гоним в необработанном виде, лес отправляем брёвнами, даже алмазы не научились как следует обрабатывать, доверив это Де Бирсам». Нескольо лет прошло с этой тирады — увы, мало что изменилось. США в замшелой резолюции Конгресса 758 снова сделали ставку на допотопную радиостанцию «Свобода», она переехала в Прагу, но суть и состав не изменились. Как писал автор: «Значит, и впрёд на всю Россию будет влиять многосотенный коллектив, где на сегодняшний день нет ни одного этнического русского». Тогдашний руководитель русской службы Юрий Гендлер и его помощник Фима Фильштейн уверяли гостя, что необходимо провести мутацию русского духа, если таковой вообще нужен. Изменили же, мол, союзники немецкий дух, и немцы довольны. Так и с русскими требуется поступить. Эта программа нам по собственным СМИ печально известна, главный вопрос Года литературы: поддержит ли государство писателей — столпов русского духа, русской дорожной души, постигаемой в пути?

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Русский «Гамлет» XXI века

В завершение 2014 года МХАТ им. М. Горького выступил с впечатляющей премьерой — Валерий Белякович выпустил грандиозный спектакль «Гамлет» У. Шекспира. Ошеломлённые зрители стоя приветствовали артистов долгие полчаса по окончании феерического действия, публике удалось вызвать на сцену и скромницу — Мастера, которого восхищённые и благодарные зрители утопили в цветах. Зададимся вопросом: почему «Гамлет» спустя более чем 400 лет после первого представления не перестаёт интересовать общество, к какому бы народу оно ни принадлежало, почему каждое прикосновение к «Гамлету» волнует душу, заставляет напряжённо сосредотачиваться ум, возбуждает художественное воображение? Думается, на этот вопрос справедливо ответил И.С. Тургенев в своей знаменитой речи, произнесённой 10 января 1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и учёным.

Речь названа интригующе: «Гамлет и Дон Кихот», и с первых же слов в ней заявлено: «В том и состоит особенное преимущество великих поэтических произведений, которым гений их творцов вдохнул неумирающую жизнь, что воззрения на них, как и на жизнь вообще, могут быть бесконечно разнообразны, даже противоречащи — и в то же время одинаково справедливы».

И далее: «Сочувствует Гамлету всякий, и оно понятно: почти каждый находит в нём собственные черты...» История взаимоотношений Валерия Беляковича с «Гамлетом» интересна и поучительна, впервые он поставил спектакль «Гамлет» в начале 80-х прошлого века, сам играл в нём Клавдия. Роль Гамлета исполнил актёр редчайшего магнетизма, ученик Беляковича Виктор Авилов. Спектакль был приглашён на Эдинбургский фестиваль, покори публику, вслед состоялись гастроли в Глазго, Ноттингеме и Бредфорде. А в 1997 году состоялся триумфальные гастроли русского «Гамлета» по Америке. Позже Белякович ставил дважды этот шекспировский шедевр в Токио. Теперь, уже в наступившем и показавшем свои клыки XXI веке, становится совершенно очевидным, что в русском обществе снова родилась насущная потребность встречи с «Гамлетом» Уильяма Шекспира. И она состоялась на сцене МХАТа им. М. Горького в конце 2014 года!

Премьеры ждали с нетерпением, хотя хорошо знали: Белякович запросил на подготовку спектакля всего два месяца. Удивительный режиссёр, мастер необыкновенного дарования и неисчерпаемых возможностей Валерий Романович Белякович любит сцену этого театра — масштабная, наполненная энергетикой свободы творчества, она даёт волю размаху фантазии, и актёры смотрятся здесь крупно, выпукло, масштабно. Белякович любит работать с актёрами этого театра, с большинством из них здесь, на этой сцене, он поставил не один замечательный спектакль. Достаточно назвать «На дне», «Мастер и Маргарита», «Ромео и Джульетта», которые и сегодня в репертуаре театра. Что же увидел зритель, заполнивший зал в день премьеры? Как всегда, у Беляковича сцена оформлена скупно, но впечатляюще. Редкими, почти незаметными, но чрезвычайно выразительными коллоннами обрамлено сценическое пространство, и в переплетении с музыкой и игрой света создана атмосфера, точно отразившая замысел постановщика: волнуемая, вмиг увлечшая публику, атмосфера эта настолько захватывающая, что зритель воистину ощущает себя в таинственном и пугающем замке Датского королевства. Этому способствуют и впечатляющие, исторически оправданные костюмы, впрочем, имеющие и другое назначение, о котором мы скажем ниже.

Звенит последний звонок, властно звучит гонг, и на затаявшуюся в ожидании чуда публику обрушивается картина, полная экспрессии, насыщенная вздыбленным актёрским темпераментом, передающая истовое напряжение борьбы сил добра и зла, картина, незамедлительно включающая в свой круговорот зрителей зала, всех без остатка. Вспышка за вспышкой бьющегося света, то кроваво-красного, то ослепляюще белого, резко заставляет зрителя прозреть, выйти из предпримёрной благодати и вдруг ясно понять, что режиссёр

ввёл вас в атмосферу тревожно-го времени, НАШЕГО времени, напичканного атомным оружием, пережившего испытание ядерным взрывом, кичащегося безрассудством политиков и интриганов. Зададимся вопросом: отчего всё, что происходит на сцене, становится архиважным, вызывающим к немедленному и справедливому разрешению? Белякович как художник славы своей активной позицией возбудителя добра. В современном мире, готовом сорваться в бездну войны, он всеми силами своей души и таланта старается пробудить волю народную к активному действию в защиту гуманизма. Народность — главное содержание творчества этого гениального режиссёра, народ — главное действующее лицо всех его созданий.

Спектакль «Гамлет» не исключение. И всё же, почему он так властно и неизменно захватывает зрителя? Почему зритель напряжённо следит за ходом действия спектакля? Почему люди плачут? И у кого-то вдруг серьёзно прихватывает и болит сердце? И здесь позволим себе немного отвлечься от дня нынешнего. Заглянем в историю постановок «Гамлета» в России. И прежде всего в Московском худо-

Александр Хатников – Гамлет

жественном театре. Почти столет русская сцена жила «Гамлетом» Мочалова и Каратыгина, и когда в начале века XX К.С. Станиславский задумал постановку этой гениальной пьесы, он хорошо понимал, что новый век потребует новых форм. На Западе входила в моду новая режиссура, в частности Гордон Крэг, и Станиславский предложил ему сотрудничество в этом многообещающем проекте. «В 1909 году Сулер привёл к нам удивительно красивого, весёлого, легко и изящно грациозного и свободно элегантно человека. Это был Эдуард Гордон Крэг... — написал позже в книге воспоминаний В. Шверубович. — По плану роль Крэга должна была быть главным образом постановщика, истолкователя Шекспира. А функция воплотителя, режиссёра-учителя должна была оставаться за Константином Сергеевичем... Отец как-то много позже, вспоминая работу с Крэгом, говорил об общности для них, актёров, художников, людей мыслящих и творящих, этого стремления эпатировать, удивить, поразить и сразить парадоксами. Это могло быть необходимо Крэгу при полемике с европейскими мешаннами, с английскими фарисеями, но с художниками самой свободной страны (какой Качалов считал даже и тогдашнюю Россию) можно и нужно говорить «без запроса». Слишком много он видел в Крэге самовыявления, стремления поразить собой, своей мудростью, своей фантазией, своей глубиной, своей смеельностью... Он ставил спектакль не только, может быть, даже не столько ради спектакля, сколько ради декларации своих постулатов. Это было глубоко чуждо искусству, которое исповедовал Художественный театр... Зритель хотел увидеть привычную ему и любимую в этом театре правду. Путь же к ней шёл через тяжёлую борьбу с формой спектакля, с его надуманной символикой, с его рационалистической фи-

лософичностью, такими чуждыми и Шекспиру (в его русском восприятии), и театру, и так мучительно неорганичными актёру, мыслителю и человеку Качалову, ...который не раз говорил о необходимости серьёзности, недопустимости, неинтересности изыщества ради изыска, остролесвия ради изыска. Нам, русским, это просто скучно, потому что чуждо, потому что мы уже тогда (1909—1911) переросли это, а теперь мы и подавно слишком взрослые, слишком зрелые и, главное, слишком световодные для этого. Нас смеель и воельность мысли, даже парадоксальность не шекочет, нам нужна глубина веры и мысли, нужна серьёзность... Он считал умственную и душевную честность, способность к активной вере, способность, раз поверив во что-нибудь, быть готовым на всё ради этой веры, ради того, во что веришь, отдать и всем пренебречь — свойством преимущественно, главным образом, русским».

Простите за столь громоздкое цитирование, но ведь архиважно то, что здесь сказано. Важно для понимания сути режиссуры Беляковича на фоне современной увлечённости западными образцами (далеко

даже не Крэгом). Белякович — мастер своей режиссуры. Главное в его спектакле — любовь и боль. Любовь к Родине, подведённой ныне к краю пропасти. Боль за русского человека, столь несправедливо оплёванного в наши дни. Что подразумеваем мы, когда говорим о мастерстве режиссуры Беляковича? В первую очередь его веру в талант и способность к творчеству зрителя. Он даёт в спектакле штрих — а зрителю больше и не надо, всё понятно. Например: в центре круга свиты две фигуры — Гертруда, дитя порока, и Клавдий — исчадие ада, преступник-царевич. Они, стоя друг против друга, изображают губами страсть. А зрителю всё уже ясно, и не надо пошлости на сцене, ни грязи, ни похоти. Но это из личного... Белякович создал спектакль масштаба государственной значимости. Свою страсть в любви к терзаемому сегодня Отечеству он выразил через образность сцены, и как выразил! Вспомните! Да это и невозможно забыть, раз увидев! Вспомните шагающий легион, ровное каре надвигающегося зла, которое раздавит, уничтожит, сожмёт всё на своём пути. Этим полчищем в лоснящейся коже (во и второе назначение символики костюмов — образ космического), вражеской силе, открывает границы преступник Клавдий! А разве в нашей недавней истории не было подобного? Удивительный талант режиссёра так честно и откровенно и так доверительно говорит со зрителем! Образ народа, выведенного на площадь, в этом спектакле архиважен! И глас отмиания в образе Призрака! Как сложен и многогранен его призыв! Как влияет на Гамлета его призренная Тень!

Но, может быть, самой трудной в этом спектакле оказалась участь принца Гамлета. Ничего нового в этом нет. Так задумано Шекспиром ещё 400 лет назад — самые честные и праведные, самые чи-

стые и искренние — кому многое дано, с тех и высший спрос — несут самую тяжёлую ношу. В нашем случае Гамлет — актёр Александр Хатников. Характерный для русского человека облик, изящество пластики. Ясный, открытый взгляд. В суровом кружеве режиссуры Беляковича львиная доля творческих исканий возложена на него, молодого актёра, сумевшего уже в каждой своей работе на сцене МХАТа им. М. Горького проявить незаурядную творческую инициативу и достойное мхатовской сцены умение. Театр в данном случае доверился его таланту и внутренней силе, а также художественному вкусу и интуиции.

В истории русской культуры создан внушительный ряд непревзойдённых трактовок и пониманий: что есть Гамлет? Мочалов, Каратыгин, Качалов, Смоктуновский, Марцевич, Высоцкий, Авилов.

Хатникову предстояло найти свою нишу в лабиринтах русской мысли, услышать в бении сердца шекспировского Гамлета ту мелодию, которая станет близка каждому, кому дорога современная Россия в её исканиях и трагедиях. Премьера спектакля, пока что единственного в этом сезоне, торжественно завершившая 2014 год, показала, что Гамлет у нас ЕСТЬ! Найдено зерно той личности, которая явится миру как русский человек XXI века. И этот человек, как Гамлет Шекспира, духовно богат, многогранен.

Режиссёр и актёр нашли это зерно в чистоте и честности личности, излишней ранимости юноши, скрывающего свою боль под маской сарказма, так свойственного русской натуре ёрничества, нежелания жить напоказ, доверить драму своей души окружающим, страх, наконец, перед мстество и отращение к ней. Всё это увидели мы в рисунке роли Гамлета — Хатникова. Такой образ воспринят сегодня молодёжью с готовностью, да даже и теми, кто видел и любит Гамлета Смоктуновского или Высоцкого, а может, Авилова?

Мы не выбираем времени, когда Господь приводит нас в жизнь. У каждого поколения свои герои. Но есть, есть образ национального героя, и есть его черты в Гамлете Хатникова — изначальное добро и глубина души, его неумело спрятанная нежность, лишь только мать позвала, как ему показалось, с любовью. Или та растерянность и тревога, когда колеблется и не находит в себе силы к отмищению:

*Ничтожный я,
презренный человек,
Бесчувственный —
молчу, молчу, когда я знаю,
Что преступление
погубило жизнь и царство
Великого властителя отца!*
(перевод Б. Пастернака)

Эмоциональная сила, впечатлительность, темперамент, искренность, доверие к зрителю — этими качествами наполнен образ, созданный Хатниковым. Его личность в этом спектакле отстраняет и выявляет все, что рядом с ним: Гертруда — Татьяна Шалковская, грациозная, красивая и безжалостная мать, сражённая пороком; Офелия Елены Коробейниковой, божественное создание, не смирявшееся с мерзостью жизни, вступившее в борьбу и унесённое шальной волной полнолунной реки; Клавдий — Валентин Клементьев, исчадие ада в своей отравной личности; Полоний Михаила Кабанова, явление яркое, необычное, сумевшее воплотить человечность и мягкость и липкость порока с талантом создателя; Лазрт — Максима Дахненко, фигура страстная, лихая в своей необузданной боли и израненной любви. И, конечно, недоожинная, вдохновенная творческая энергия Валерия Беляковича.

И всё-таки самое потрясающее впечатление этого премьерного вечера — поведение зала. Он замер с первых же аккордов спектакля, он более трёх часов внимал каждому слову, летящему со сцены, он жил в унисон с каждым движением воздуха сцены и тихо дышал... Он был очарован и изумлён художественной правдой искусства и выплеснул свою любовь, свой восторг и благодарность, благоговение и поклон Мастеру, актёрам, театру с чувством правды справедливости. Да здравствует русский «Гамлет» XXI века!

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВА

*Фоторепортаж с премьеры —
на сайте «ЛГ»*

ВЫСТАВКА

С лёгкой руки императрицы

Во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (ВМДПИ) в рамках перекрёстного года России и Великобритании проходит выставка фарфора и ювелирных изделий, изготовленных в уникальной технике Веджвуд — по имени художника, изобретателя и предпринимателя, основавшего легендарную мануфактуру в 1759 году.

Лучшая в мире коллекция веджвудского фарфора впервые покинула залы Национального музея Ливерпуля. Но в Белом зале ВМДПИ к 140 британским «гостям» примкнули экспонаты из российских музеев — Петергоф, «Кусково», «Коломенское», «Царское Село». В общей сложности представлено более 500 предметов. Немного непонятно, к чему относится название выставки «Непревзойдённый Веджвуд» — к экспонатам марки или к отцу-основателю британского фарфора? В любом случае столь значительное внимание этому

Тонкий матовый фарфор разных оттенков синего и зелёного цветов или редкого антрацитового тона (портландская ваза сделана по античному оригиналу цветного стекла) обсыпан миниатюрными молочно-белыми или золотистыми барельефами в стиле классицизма. Древнеримские антики и медальерное искусство послужили основными идейными донорами для этих изделий. Первым русским клиентом мануфактуры Джосаи Веджвуда стала Екатерина Великая, чутко следившая за европейской модой. В 1774-м она получила свой заказ — обеденно-десертный сер-

виз из фаянса на 50 персон (952 предмета) «Зелёная лягушка», украшенный 1244 видами (по условию контракта, без повторов) английских замков и парков, а сама лягушка присутствовала на рыцарском щите как шуточный герб, помещённый на каждом предмете. Следуя вкусам императрицы, всё нарастая, возникла в России англомания. И на этой волне британцы изготовили внушительного размера овалы медальоны с профильным изображением Петра I и Екатерины II — не просто элемент декора, а знак почтения перед российской короной. На выставке представлены точными копиями плакет-

ки, когда-то украшавшие спальню Екатерины Великой и преподнесённые Елизаветой II в подарок ВМДПИ.

История не сохранила имени мастеров, которым сам Веджвуд обязан своей славой. Но помимо старинного фарфора различного назначения (посуда, вазы, настенные рельефы) можно увидеть и современные образцы марки (во многом, но менее изящно повторяющие оригиналы), а также предметы мебели и костюмы, живопись и графику XVIII—XIX вв. В числе уникальных экспонатов — один из трёх известных в мире мраморных каминов с плакетками в голубой яшмовой массе работы Флаксмана, сохранившийся в первозданном виде; фарфоровые пласти с живописью художника-анималиста Джорджа Стаббса; шедевр позднего творчества Томаса Гейнсборо — живописный «Портрет герцогини Кумберлендской» из коллекции Музея Леди Ливер (в России находится лишь одна работа мастера)...

Конечно, английский стиль, который у нас принято считать совершенством с далёкого XVIII века, сегодня отчётливо видится как эклектичное заимствование от культур других стран, угнетённых английской монархией или свободных от неё. И веджвудский фарфор как одно из традиционных воплощений британского вкуса свидетельствует как раз об этом, как и five o'clock с индийским чаем...

АРИНА АБРОСИМОВА

*Выставка работает
до 1 февраля*

ЭПИТАФИЯ

Другой не будет никогда...

12 января в 13 часов по московскому времени остановилось сердце народной артистки Советского Союза, одной из самых ярких оперных певиц и актрис XX века Елены Васильевны ОБРАЗЦОВОЙ.

Когда в 14.00 первой новостью часа радио объявило об этом, моё сердце застучало, закричало, завопило: «Не-е-т!!!» Невозможно было поверить своим ушам и этому ужасному радио, которое нейтральным голосом каждый следующий час всё повторяло и повторяло одно и то же: что Елены Прекрасной, Елены Великой, невероятной, непревзойдённой, поразительной и потрясающей, а главное, такой любимой, с нами не будет больше никогда.

Елена Образцова — человек-вселенная, личность непостижимой необъятности и глубины, она, как и её героиня Марфа, владела силами потайными, силами великими, тайнами всех миров — нашего, не нашего, подземного, подводного — любого. Поэтому и петь она могла любую музыку, играть любую роль, точнее, не играть, а проживать. Недаром Елена Васильевна часто говорила, что она каждый раз на сцене проживает жизнь, и прожила она разных жизней множество неисчислимо. И нас, зрителей и слушателей, в них погружала — то в развёрзшие от тения её Азучены недра земли, то в поднебесье, где парит душа, обтывшая в мир неведомый в романсе Рахманинова на стихи Апухтина «О, не грусти по мне». А великую тайну Графини из «Ликовой дамы» Елена Образцова только приоткрывала нам — много раз и по-разному на каждом спектакле, но так и не открыла никогда, потому что это была и её тайна тоже. А не менее великую тайну любви Елены Великой (браво Ирине Евгеньевне Таймановой, когда-то, почти в другой жизни, назвавшей так свой чудесный фильм о Елене Образцовой) старалась преподнести нам на каждом своём спектакле, будь то «Кармен», «Аида», «Царская невеста» — «уж сколько их упало в эту бездну!» А романсы? Каждый концерт романсов Елены Образцовой — это школа жизни, школа любви. Те, что часто ходил на её концерты или много слушал её записи, мог научиться у Елены Васильевны всему. Буквально всему, потому что отдавала она себя на концертах и спектаклях без остатка, а отдавать ей было так много чего, ведь она сама — «бездна звёзд полна». Вселенная, словом. Поэтому, когда в 1981 году малую планету № 4623 назвали «Елена Образцова», Елена Васильевна отнеслась к этому с юмо-

ром, наверное, понимая в душе, что та планета — малая, а сама она — планета большая. Но не единожды приглашала нас туда, на свою малую планету. Теперь тем, кто совсем не может без Елены Великой и Прекрасной, придётся стать инопланетянами, чтобы посещать её там. Но ведь любовь не умирает с теми, кого мы любим, и искусство не умирает, тем более ТАКОЕ искусство, которое дарила нам незабвенная Елена Образцова.

Жизнь — самое хрупкое, что есть в этом мире, и самое невосполнимое. Елена Образцова прожила великую жизнь, потому что пела она почти до последнего своего дня на Земле. А для неё петь было, по её собственным словам, высшим наслаждением в жизни: «Когда ты поёшь и не думаешь ни о технике, ни о публике, ни о чём... и ощущаешь, что Господь забирает тебя в какие-то параллельные миры». Он забрал и больше нам её не отдаст.

Давным-давно, когда ещё ничего не предвещало беды, Елена Образцова любила повторять, что сначала хочет умереть, а потом перестать петь. Так и случилось. Но петь она не перестанет, пока живы мы, пока живо искусство. Её искусство. А искусство, как и душа, бессмертно. Елена Образцова это знала всегда.

И всё же боль потери очень горька. Как сказала великая певица современности Мария Гудкина, «но даже сквозь эту боль поднимается в душе благодарность за то, что Елена БЫЛА, ЕСТЬ И БУДЕТ, что дарила свою любовь всем нам! Какое счастье, что мы при её жизни УСПЕЛИ сказать, КАК любим её! Что она — ОБРАЗЕЦ! Что она — ВЕЛИЧАЙШАЯ ОПЕРНАЯ АКТРИСА! Царствия Небесного!»

Людмила ЛАВРОВА

Как Бенкендорф «Литературную газету» закрывал

«Литературная газета» барона А.А. Дельвига существовала в течение 1830-го и полови- ны 1831 г.г. и была органом группы выдающихся русских писателей, считавших литературное поприще своим призвани- ем — и призыванием многообязывающим. Группировались они около Пушкина и ба- рона Дельвига, и художественный вкус двух поэтов-друзей был — за редким исклю- чением — непреерекаемым мерилом значительности того или иного произве- дения. Сознаяв всю беспринципность таких «литературных предпринимателей», как Булгарин и Греч, и чувствуя нравствен- ную обязанность бороться с их взглядами и литературными оценками, проникавши- ми в широкую публику, Пушкин и его дру- зья всё более проникались убеждением, что без собственного органа борьба эта недействительна.

Начал было её Н.А. Полевой в своём «Московском Телеграфе» (с 1825 г.), луч- шем журнале того времени, — но продол- жать это недолго: оскорблённый не- сколько презрительным и насмешливым отношением к себе «литературных аристо- кратов», — вызванным нападками журнала на Карамзина, резкой критикой произве- дений лучших писателей того времени и поверхностно энциклопедичностью са- мого издателя, — к концу 1820-х гг. По- левый занял дружественную позицию по отношению к «Северной Пчеле» и «Сыну Отечества».

Много надежд возбудил сначала и «Мо- сковский Вестник» (с 1827 г.) М.П. Пого- дина. Пушкин, принимавший деятельное участие в организации журнала, горячо заботился и о поддержании издания, от- давая в него целый ряд своих произведе- ний и усиленно привлекая к сотрудниче- ству лучших писателей того времени. Но и в этом случае надежды быстро рассея- лись и наступило разочарование: в журна- ле хотели видеть орган группы писателей, считавших своею обязанностью распро- странять правильные и беспристрастные воззрения на литературу. Погодин же до- пустил резкие выпады Арцыбашева про- тив Карамзина и вообще не хотел счи- таться с мнениями некоторых ближайших сотрудников. Имя Пушкина и его друзей всё реже стало появляться на страницах «Московского Вестника», и без того мало- популярного, и журнал заметно клонился к упадку, с тем чтобы в 1830 г. погибнуть окончательно. Но параллельно зарожда- лись новые планы, и чем более хирел «Мо- сковский Вестник», тем сильнее Пушкин и его друзья сознавали необходимость создания собственного органа, в котором можно было бы без помех и планомерно бороться с пристрастными, предвзятыми и намеренно-ложными взглядами «ли- тературных предпринимателей», к числу коих полемический задор заставлял уже присоединить и Н.А. Полевого. В конце 1829 г. мысль о таком органе созрела, бы- ли предприняты соответствующие шаги и, при помощи Жуковского, также сочувство- вавшего этой идее, разрешение на изда- ние «Литературной газеты» было получе- но. Весьма трудно было решить вопрос, кому поручить исполнение редакторских обязанностей: Пушкину, князю П.А. Вяземскому, П.А. Плетнёву и др. мешали различные жизненные условия, и в конце концов за редакторство пришлось взять- ся Дельвигу, хотя он менее всех по свое- му характеру был способен к этому делу; в помощи же ему дали О.М. Сомова, недавнего сотрудника изданий Булгари- на и Греча, но к тому времени бывшего уже элейшим их врагом. Дело было орга- низовано, и 1 января 1833 г. первый но- мер «Литературной газеты» вышел в свет.

Новое издание появилось в тяжёлое время, время расцвета николаевского ре- жима и усиленной деятельности тайных и явных пружин созданного Бенкендорфом III отделения собственной Е.И.В. канцеля- рии. На литературу, особенно периодиче- скую, было обращено усиленное внима- ние, и Бенкендорф открыто третировал издателей журналов, не церемонясь с ними: так, например, в январе 1830 г. он посадил на гауптвахту редактора «Славя- нина» А.О. Воейкова, за напечатание в 1-м номере журнала стихотворения «Цензор». Не церемонился он впоследствии и с бар. Дельвигом при объяснении с ним по по- воду напечатанных в «Литературной га- зете» стихов Казимира Делавина. Внушения и выговоры цензорам следовали один за другими, и вызываемое этим рвение за- ходило нередко так далеко, что Главное управление цензуры прямо отказывалось понимать доводы цензоров о необходи- мости запрещения того или иного про- изведения, той или иной фразы. Даже Главное управление цензуры получало выговоры, хотя в главе его стоял ми- нистр народного просвещения: так, на- пример, по настоянию Бенкендорфа оно получило высочайший выговор за пропуск статьи «Общий статистический взгляд на Петербург», напечатанной в 120 и 121-м номерах «Северного Меркурия» за 1830 г. и представлявшей сатирическое изобра- жение русского чиновничества. В статьях и литературных произведениях запре- щено было употреблять целый ряд слов, и, например, в корректурах «Литературной газеты», чтобы не задерживать выхода номера, приходилось слово «respубли- ка» заменять словом «общество», а вме- сто «мятежники» писать «злодеи».

Кроме Дельвига и Сомова в издании «Литературной газеты» ближайшее уча- стие принимали Пушкин и кн. Вяземский, а обязанности секретаря редакции испол- нял В.Н. Шастный; помошжи же в газете свои произведения: Боратынский, Кате- нин, Гоголь, Языков, кн. В.Ф. Одоевский, кн. А.И. Одоевский, А.А. Перовский (По- горельский), И.А. Крылов, И.И. Козлов, П.А. Плетнёв, А.С. Хомяков, Н.В. Стан- кевич, Д.В. Давыдов, А.И. Подолинский, Ф.Н. Глинка и др. С первых номеров газе- ты цензоры не решались пропускать по од-

но, то другое произведение, и внимание цензоров, а иногда и Бенкендорфа, при- влекали произведения Пушкина, кн. Вяземского, Катенина, В.И. Туманского, кн. А.И. Одоевского, Сомова и др. Настоящим очерком мы и имеем в виду дать сведения о цензурных судьбах журнального пред- приятия Пушкина и его друзей.

В № 5 «Литературной газеты» от 21 января была помещена статья «О поэзии еврейской», представлявшая отрывок из «Размышлений и разборов» П.А. Катени- на, известного критика и поэта, убеждё- ного поклонника и знатока классической литературы. Статья эта привлекла, оче- видно, внимание какого-либо духовного лица, посчитавшего необходимым обра- тить внимание начальства на её характер, т.к. лишь 1 марта министр народного про- свещения обратился к непосредствен- ному начальнику Санкт-Петербургского цензурного комитета попечителю округа Бороздину со следующим неофициаль- ным письмом:

«Милостивый государь Константин Матвеевич! В № 5 «Литературной газеты» помещена статья «О поэзии еврейской», в которой рассуждается о книгах священ- ного писания, как о пиитических и разби- раются они хотя с похвалой в сем от- ношении, но как сочинения обыкновенные, человеческие, что ослабляет должное и истинно христианской душе свойственное уважение к святости слова Божия. Посе- му я покорнейше прошу ваше превосход- дительство предложить Спб. цензурному комитету, чтобы впредь все статьи, заклю-

падае. Июльская революция во Франции, вызвавшая замену одной династии дру- гою и введение иной формы правления, испугала правительство и у нас, вызвав ряд репрессий и предупредительных мер. Делалось все возможное, чтобы отклики парижских событий и последовавших на- родных волнений в разных концах Европы не проникали в Россию, и прежде всего, конечно, было обращено внимание на пе- чать. Уже 4 августа генерал-адъютант кн. Ливен официально сообщил своему брату, министру народного просвещения, что по высочайшему повелению всякие извест- сия о Франции могут быть заимствова- ны лишь из немецкой газеты «Preussische Staats Zeitung», все нужные сведения из которой будут помещаться в официальном издании: «Journal de St.-Petersbourg». Ми- нистру народного просвещения кн. Ливен 4 же августа сделал соответствующее пред- писание цензурным комитетам, а 27 авгу- ста напоминал попечителю Спб. учебного округа Бороздину, что политические све- дения могут печататься только в «Север- ной Пчеле» и «Сыне Отечества».

Между тем в конце № 61 «Литературной газеты» от 28 октября 1830 г. была поме- щена следующая заметка: «Вот новые че- тыре стиха Казимира де-ла Виня, на па- мятник, который в Париже предполагают воздвигнуть жертвам 27, 28 и 29 июля»:

*«Франция, скажи мне их имена?
Я их не вижу на этом печальном па- мятнике. Они так скоро победили,
что ты была свободна раньше, чем
успела их узнать».*

Пушкин и Дельвиг в Михайловском

чающие в себе рассуждения о книгах свя- щенного писания, не были пропускаемы к напечатанию без предварительного со- общения их цензуре духовной. С соверш. почтением. кн. Карл Ливен».

Письмо министра было прочитано Бо- роздиным в заседании комитета 4 марта и «принято к сведению и исполнению». Но ещё ранее внимание цензора Щеглова уже привлекали произведения, назначен- ные в «Литературную газету». Так, в засе- дании комитета 4 февраля рассматри- валось стихотворение Дениса Давыдова «Зайцевскому, поэту-моряку», в котором Щеглов не хотел пропускать два стиха:

*О будьте вы оба отечества щит,
Перви вековой Держави...*

Щеглов находил, что стихи эти име- ют «смысл весьма преувеличенный», од- нако «не нашёл себя в праве запрещать подобную гиперболу, как воольность, по- зволенную поэзии, и потому определил допустить к напечатанию»; 10 февраля стихотворение появилось без пропусков в № 9 «Литературной газеты».

Внимание «усердного» цензора при- влекло, между прочим, и одно анонимное стихотворение декабриста кн. А.И. Одо- евского, бывшего тогда в ссылке в Чите. Вопреки утверждению биографов поэта, указывавших, что с 1825 по 1838 г. в пе- чати не появилось ни одно произведение князя, в «Литературной газете» было на- печатано несколько его стихотворений, но, конечно, без подписи. Без подписи было и стихотворение «Пленики, элегия В.И. Ланской» («Что вы печальны, дети снова...»), представленное в цензуре в марте 1830 г. В заседании цензурного комитета 28 марта «Щеглов представил одною (статью) на разрешение комитета, находя весьма тёмною по содержанию, так что трудно усмотреть действительное намерение сочинителя. При сём г. цензор надворный советник Гаевский объявил, что он, со своей стороны, полагает не- приличным такую статью печатать в газе- те, обращающей во всеобщем употре- блении: но г. представитель (Бороздин) и гг. цензоры Бутырский и Щеглов (sic!) большинством голосов решили допустить к напечатанию, как не заключающую в се- бе явного смысла, противного правилам устава о цензуре». Появилось, однако, стихотворение лишь в № 52 «Литератур- ной газеты» от 13 сентября 1830 г. и без посвящения В.И. Ланской.

Особенно бдительное внимание долж- на была проявлять цензура по отношению к статьям и литературным произведениям, так или иначе касавшимся политиче- ских событий, разыгравшихся на За-

зеты», указывавшей на недостоверность официальных сведений, сообщённых «Северной Пчелой».

В заседании 3 ноября Главное управле- ние цензуры выслушало и приняло к све- дению сообщение князя Ливена «о неко- торых упущениях цензуры», замеченных Бенкендорфом, а на следующий день в заседании цензурного комитета Бороз- дин ознакомил членов его с ходом дела и «предложил комитету иметь наблюдение и осмотрительность, дабы, согласно с пред- писанием Его Светлости, как вообще не- уместных каких-либо статей, так и в осо- бенности ослабляющих доверие публики к официальным известиям, отнюдь допуска- емо к напечатанию не было». В том же за- седании цензурного комитета 4 ноября — цензор Семёнов, не ожидая выяснения результатов возбуждённого дела, просил, «дабы в облегчение его при рассмотре- нии разных повременных сочинений, благоволено было поручить кому-нибудь другому из господинов цензоров рассма- тривание «Литературной газеты»: решено было опять поручить это Щеглову.

Бенкендорф не удовлетворился, ко- нечно, объяснением Дельвига, тем бо- лее что не далее, как в конце августа, он уже вызывал его к себе, чтобы сделать строгий выговор за помещённую в № 45 «Литературной газеты» анонимную замет- ку Пушкина: «Новые выходы противу так называемой литературной нашей ари- стократии»... И на этот раз А.А. Дельвиг получил «приглашение» явиться в тре- тье отделение. Об этом свидании его с

тературной газеты», касательно до поме- щённых в 61 номере сей газеты стихов Казимира де-ла Виня, я должен признат- ся перед Вами, милостивый государь, что нахожу сие объяснение не только недоста- точным, но даже непростительным для че- ловека, коему сделано доверие издавать журнал. Личный мой разговор по сему предмету с бароном Дельвигом и само- надеянный, несколько дерзкий образ его извинений меня ещё более убедил в сём моём заключении. Можно ли назвать «чи- сто литературною» новостью, «без всяко- го применения к обстоятельствам», стихи, при напечатании коих издатель сам поме- стил следующие замечание: «Вот новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, *на па- мятник*, который в Париже предполагают воздвигнуть *жертвам 27, 28 и 29 июля*». Предоставляю сие собственному суду Ва- шей светлости. Между тем, не осмелил- ся я ещё довести о сём обстоятельстве до сведения Государя Императора, ибо Его Величество непременно желает знать, кто именно представил сии стихи к напеча- танию? По сему уважению, обращаю вновь с покорнейшею просьбою к Вам, милости- вый государь, почтить меня уведомлением о Вашем заключении, дабы я уже согласно с оным мог всеподданнейше донести Его Императорскому Величеству. С совершен- ным почтением... А. Бенкендорф».

Давление в сторону репрессии бы- ло слишком очевидно, и кн. Ливе- ну пришлось первому высказать мысль о закрытии «Литературной газеты» — в ответном письме от того же 8 ноября:

«Милостивый государь Александр Хри- стофорович! На отношение Вашего Высокопревосходительства от 8 сего ноября, № 4328, имею честь ответить, что, по получении первого отношения Ваше- го от 30 минувшего октября, я, согласно оному, потребовал объяснения в рассу- ждении известных стихов де-ла Виня, как от издателя «Литературной газеты», так и от цензора, рассматривавшего оную; и как дело о сем дошло уже до Вашего Высокопревосходительства и Вы имели намерение доложить о сем Государю Им- ператору, то я не полагал от себя никако- го заключения и счёл обязанностью моею ограничиться только доставлением оных отзывов в подлиннике, ожидая, как Его Императорскому Величеству благоугод- но будет решить сие дело. С моей сторо- ны я совершенно согласен с заключением Вашего Высокопревосходительства, что помянутые стихи, по содержанию оных, не следовало печатать в «Литературной га- зете», тем более, что на основании устава о цензуре журналист не может включать в состав своего издания статьи и сведе- ния, относящиеся к политике, иначе, как по получении на то особого Высочайшего соизволения. Посему объяснение г-на из- дателя «Литературной газеты» ни мало не оправдывает его и представляет неудов- летворительное извинение. Так как Ваше Высокопревосходительство изволите тре- бовать моего по сему предмету мнения, то я полагаю, что за нарушение вышеозна- ченного правила надлежит воспретить г-ну издателю продолжать издание «Лит- ературной газеты». Цензор, дозволивший напечатание упомянутых стихов, конечно, не может быть оправдан; но как доселе, сколько я знал его по службе, он всегда старался исполнять свои обязанности в точности: то пропуск помннутых стихов я не могу приписать ничему иному, как не- обдуманной поспешности. Сообщая сие мнение моё, с совершенным почтением... князь Карл Ливен».

Получив, наконец, желаемое «мнение» министра, Бенкендорф представил его Го- сударю, а результаты сообщал 13 ноября в письме:

«Милостивый государь, князь Карл Андреевич! Почтеннейшее отношение Вашей Светлости о цензоре Семёнове и издателе «Литературной газеты» бароне Дельвиге, по случаю напечатанных в сей газете стихов Казимира де-ла Виня, дово- дию я всеподданнейше до сведения Госу- даря Императора; и Его Величество, со- гласно с заключением Вашей Светлости, Высочайше повелеть изволил: «Семёнову сделать строгий выговор, а Дельвигу за- претить издание газеты». Извещая о сём Высочайшем повелении Вас, милостивый государь, для должного исполнения, имею честь быть... А. Бенкендорф».

На следующий день кн. Ливен сообщил о Высочайшей резолюции попечителю округа, который 15 ноября писал г-ну кол- лежскому асессору барону Дельвигу:

«Г-н министр народного просвещения известил меня, от 14 текущего ноября за № 1197, что г-н генерал-адъютант Бен- кендорф объявил ему Высочайшее Его Императорского Величества повеление о запрещении издавать Вам «Литера- турную газету». Сообщая Вам о таковой Высочайшей воле Государя Императо- ра, покорнейше прошу уведомить меня о получении сего сообщения. Причём нуж- ным почтаю присоединить, что я, со своей стороны, уведомил об оном так же г-на цензора, рассматривавшего вашу газету, дабы номера, следующие к изданию по- сле сего числа, пропускаемы им не были. Попечитель С.-Петербургского учебного округа К. Бороздин».

Бар. Дельвиг отвечал: «Милостивый Государь Константин Матвеевич. Объявленное мне высочай- шее Его Императорского Величества повеление о запрещении мне издавать «Литературную газету» я получил, и о сём честь имею уведомить Ваше Превосхо- дительство, пребывая к вам с истинным почтением и глубочайшею преданностью, Милостивый Государь, Вашего Превосхо- дительства покорнейший слуга барон А. Дельвиг. 15 ноября 1830 года».

В тот же день попечитель сообщил кн. Ливену, что бар. Дельвиг и Семёнов из- вещены, а издание «Литературной га- зеты» приостановлено, в заседании же цен-

зурного комитета 18 ноября ознакомил с результатами возбуждённого дела членов комитета. Главное управление цензуры в заседании своём 25 ноября также выслу- шало сообщение Бенкендорфа о Высо- чайшей резолюции и приняло её к сведе- нию, «поелику надлежащее исполнение сего Высочайшего повеления уже сдела- но в своё время».

Между тем бар. Дельвиг, глубоко оскорблённый бесцеремонной грубостью Бенкендорфа и возмущённый несправ- едливим запрещением издания «Лите- ратурной газеты», решил подать жалобу Государю; только после долгих уговоров Отказался он от своей идеи: товарищи ми- нистра внутренних дел Блудов несколько раз приезжал отговаривать его, гово- ря, что «можно жаловаться Государю на всех, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа», и что подобная жалоба по- ведёт Дельвига только к большим непри- ятностям, а он, имея жену и дочь, обязан их избежать. Блудов при этом брал на се- бя объяснить всё Бенкендорфу и довести его до того, что он приедет извиниться перед Дельвигом и что дозволено будет продолжать издание «Литературной га- зеты». Скоро, действительно, от Бенкендор- фа явился чиновник третьего отделения, сообщивший, что сам Бенкендорф не мог приехать по нездоровью, а прислал его извиниться в своей горячности при объ- яснении с Дельвигом, и Бенкендорф со- общал также, что издание «Литературной газеты» будет разрешено, но только под редакцией Сомова, так как уже состоялся Высочайшее повеление о запрещении Дельвигу продолжать издание. Дельвиг передал тогда официально свои права на издание Сомову следующим письмом: «Милостивый государь Орест Михай- лович! По распоряжению Высшего На- чальства, сообщено мне запрещение издавать «Литературную газету»; но как запрещение сие относится лично ко мне, а не к изданию помянутой газеты от дру- гих лиц, то я, сообразно изъявленному Вами желанию, предоставляю Вам право испрашивать позволение на издание оной газеты от Вашего имени. Вместе с сим, передаю Вам все сделки по оному изданию, счёты с типографией и бумаж- ною фабрикой Действительной Статской Советницы Кайдановой, требования Га- зетной Экспедиции С.-Петербургского Почтамта, с именами подписчиков на сей и на будущий 1831 год; во всех же поне- сённых мною издержках, признаю себя вполне от Вас удовлетворённым. — С ис- тинным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой — Барон Дельвиг. — 1830 года, 19 ноября».

Сомов представил это письмо попечи- телю округа Бороздину вместе со своим прошением:

«По предоставленному мне от Надвор- ного Советника Барона Дельвига праву, желаю я продолжать издание «Литера- турной газеты» от моего имени; почему всепокорнейше прошу Ваше Превосхо- дительство позволить мне продолжать издание оной газеты, утвердив за мною права и обязанности ответствующего из- дателя. — Дворянин Орест Сомов. — Нояб- ря 24 дня 1830 года».

Бороздин 24-го же препроводил про- шение Сомова и письмо барона Дельвига к министру народного просвещения при отношении к № 262: изложил просьбу Сомова и указав, что, по его мнению, Вы- сочайшее повеление действительно от- носится к бывшему издателю, а не к са- мой газете, он спрашивал, «благоугодно ли будет предписать комитету о выдаче г-ну Сомову просимого им дозволения?» Представление это, содержание коего Бороздин сообщил членам цензурного комитета в заседании 25 ноября, 25-го же рассматривалось в заседании Глав- ного управления цензуры, но лишь 1 де- кабря, по-видимому после переговоров с Бенкендорфом, кн. Ливен отвечал по- печителю округа, за № 431, что «Главное управление цензуры, приняв в уважение, что прекращение издания «Литературной газеты» оставило бы неудовлетворённы- ми подписчиков на оную, согласилось на дозволение дворянину О. Сомову продол- жать сие повременное издание». В засе- дании цензурного комитета 9 декабря предписание министра было выслушано, а 12 декабря Бороздин писал, за № 285, в Главное управление цензуры, что коми- тет постановил «выдать позволение г-ну Сомову». В письме от 14 декабря, № 289 цензор Бутырский сообщил и Сомову о согласии Главного управления цензуры на продолжение им издания «Литератур- ной газеты» и о предоставлении цензиро- вания её Щеглову.

Наконец, в заседании своём 15 дека- бря Главное управление цензуры выслу- шало сообщение попечителя о «выдаче позволения Сомову», приняло его к све- дению и этим кончило дело.

Эпизод с злополучным четверостиши- ем не только вызвал запоздание послед- них номеров «Литературной газеты» за 1830 г., но подействовал и на здоровье барона Дельвига: потрясённый грубой вы- ходкой Бенкендорфа, «он, всегда хворый и постоянно принимающий лекарства, заболел сильнее прежнего, так что поль- зовавший его доктор запретил ему выхо- дить из дома. Нравственное состояние Дельвига было самое грустное. Он впал в апатию, не хотел никого видеть, кроме са- мых близких, и принимал посторонних лиц весьма редко». Появились в доме даже карты, не допускавшиеся ранее. Вскоре присоединилась ещё простуда, и 14 янва- ря 1831 года бар. А.А. Дельвига не стало.

Н. ЗАМКОВ

Статья «К истории «Литературной газеты» барона А.А. Дельвига», опу- бликованная в мае 1916 года в жур- нале «Русская старина», публикуется с сокращениями.

ТЕЛЕПРАЗДНИК

Зеркало для сурка

«Таких ёлок не было уже сто лет!» — звучал рефреном всю новогоднюю неделю голос из рекламного ролика. «Это ты, брат, забываешь!» Нынче у нас каждый год только такие ёлки и бывают», — хотелось сказать в ответ.

В самом деле, если бы кто-то чудесным образом заснул 31 числа 2013 года и проснулся бы год спустя, то особой разницы не заметил, не понял бы, что целый год прошёл. Те же фильмы, те же лица. Каждый новогодний праздник на российском телевидении не то «День сурка», не то «Зеркало для героя». Из года в год в новогоднюю ночь тот же набор действующих лиц, то же натужное веселье.

Советская песенная и кино-классика без остатка растворилась в нынешней пошлости и безликости. У российского ТВ оказался прочный желудок. Оно охотно и не без удовольствия (ведь придумывать, творить и пробовать нет необходимости) переварило всю чистоту и высоту, свежесть и лёгкость советских песен и фильмов. Мы ещё раз убедились в том, что современная российская эстрада и телевидение обладают уникальным даром превращать в омерзительное и избитое всё, к чему они прикасаются. Поэтому первоначальный восторг от возвращения советских фильмов и песен на экран сменяется раздражением и досадой.

Передачи новогодних дней напоминали громадный, затянувшийся корпоратив. Все атрибуты налицо: узкий круг принадлежавших к тусовке, шампанское, праздничная атмосфера, массовое использование караоке. Только почему он прошёл за наш счёт именно сейчас, тогда, когда президент попросил любителей вечеринок оплачивать их из своего кармана. И зачем его транслировали?

Одним и тем же составом, при всей обширности Родины, не таком уж маленьком населении, обилии творческих коллективов с одного канала на другой кочевали те же самые исполнители: Киркоров, Буйнов, Басков, Лещенко, Аллегрова, Ани Лорак, Зара и т.д. Один и тот же репертуар, годами наработанные однообразные ужимки. Трудно было разобрать, что за передача перед тобой. Это уже началась «Точь-в-точь», или ещё «Новогодняя ночь на Первом» продолжится? Идёт «Песня года» или «Легенды Ретро FM»?

На общем фоне глубокого погружения в узкокорпоративное празднование по мотивам советской песни, мелодий и ритмов зарубежной эстрады, как ни странно, неплохо смотрелась «Анатомия года» на НТВ. Только там можно было увидеть не вульгарный ремейк 80-х и не аляповатую картину вечеринки «для тех, кому за 60», развернувшейся на первых двух каналах,

а что-то новое, по крайней мере не такое затасканное. На общем фоне это само по себе уже выглядело неплохо. Не до жиру, быть бы живу. Царила атмосфера, более созвучная времени. Ну да, мальчишки и девочки со смартфонами, в хипстерском прикиде. Но на дворе всё-таки не восьмидесятые и не девяностые. Было хотя бы понятно, что ты не задержался в преддверии XXVI съезда КПСС или в эпохе «голосуй или проиграешь». Нельзя сказать, что и здесь репертуар был на высоте. Но и он, и выдаваемая каналом картинка хотя бы соответствовали времени на часах. 2015 год, XXI век.

Выскажу крамольную, но во все не такую уж невероятную мысль. Наверное, если бы СССР сохранился, новогодний вечер, скорее всего, выглядел, вероятно, так, как «Анатомия года». Ведь как бы ни ругали старцев из Политбюро и Комитета по теле- и радиовещанию, товарищами Огурцовыми они не были, и в годы своего владычества не составляли программу «Голубого огонька» из бесконечных каверов и ремиксов песен времён Гражданской войны.

Чем манил телевизор в новогоднюю ночь советского времени? Надеждой на то, что ты увидишь и услышишь что-то новое. Ждали новогоднего подарка, сюрприза, а не унылого повтора всего того, что слышал и видел в предыдущие десятилетия. Новогодний праздник на

советском телевидении дарил нам новые песни, новые фильмы. Там была перспектива, а не ретроспектива. Ничего подобного, никакого подарка и сюрприза по российскому телевидению в очередной раз не было. Центральные телеканалы различались между собой только тем, что одни вроде РЕН откровенно показывали напролёт весь день и ночь заезженные и затрёпаные песни и советские фильмы, а другие (Первый) пытались подсунить залежалый товар в новой гламурной обёртке.

На НТВ, в отличие от первых двух каналов, можно было увидеть молодые лица и услышать

Когда-то песня у нас занимала центральное место на любом празднике. Такой уж мы народ. Тем печальнее было лицезреть и, главное, слушать то, что происходило в новогоднюю ночь. Шоу-бизнес, кажется, окончательно сварил русскую и советскую песенную традицию, что называется, вкрутую, а до так называемых мировых стандартов так и не дотянулся. Уровень вокала, собственного исполнительского мастерства был удручающим, вновь и вновь наводя на мысль о том, что перед нами состязание любителей в караоке. Одни уже в силу возраста петь не могли, а другие, появившиеся на эстраду невест какими путями, никогда и не знали, как это делается. «Голоса» же, выводимые в рамках конкурирующих первыми каналами шоу из года в год, либо остались за пределами праздничной программы, либо растворились в общепринятой атмосфере.

Отремел сам Новый год, и за ним пошли уже ставшие традиционными в последние годы постпраздничные дни телемеханика, ушедшего в запой прямо на рабочем месте. Повторы, повторы, повторы. Сомневаюсь, что многочасовые сериальные забеги по всем каналам можно считать чем-то похожим на праздничную программу. Не изволите ли по четыре часа «Балабола» каждый день? «Россия 1» в праздничные дни тяготела к еле различимым друг от друга «мыльным операм». Мелодраматические сериалы сменяли один другой. Все предрождественские дни на нём соперничали между собой за зрительское внимание «Гюльчатай» и «Варенька». «Телезрители снова могут встретиться с полюбившимися им героями». Бррр! Телезрители устали от безликих героев отечественных сериалов уже во время первого просмотра.

Кажется, в полном пренебрежении к праздничным дням на календаре трудно было зайти дальше. Но «Первый» и здесь оказался в лидерах. Не хотели ли «Анжелику» в Рождество? Впрочем, и «Россия 1» не ударила в грязь лицом. Празднование Рождества ограничилось вставленным посреди «Вареньки», подвергающейся испытаниям любви, рождественским интервью патриарха Кирилла. Знают ли они, что сейчас Рождество? Это время любви, но не той, что показана в «Люби меня» или «Принцессе на бобах».

При этом наши телеканалы трудно упрекнуть в однообразии — программы и телефильмы там на любой вкус и цвет, кроме, естественно, хорошего.

Вспомнив о советской традиции, выкроили в первые январские дни время и для детей. Правда, кто бы из ребят нашёл в себе силы и мужество подняться в шесть утра для того, чтобы посмотреть прекрасный, действительно новогодний, рождествен-

ский по духу фильм «Хроники Нарнии»? Оригинальнее всего с детской аудиторией обошёлся канал «РЕН», сперва разогревший подрастающее поколение вульгарным российским анимационным новеломом, а потом обрушивший на подготовленного таким образом зрителя поток «бумеров» и «братьев», поучающих морали 90-х.

Конец 2014 года был отмечен разговорами о санкциях и импортозамещении. Как показал новогодний эфир, трудных импортозамещения лежат не только в продовольственной области, но и в области духа. Мы много и справедливо ругаем западное кино за вульгарность, поверхностность, слащавость, подмену содержания спецэффектами. Но простое сопоставление двух вроде бы одноформатных праздничных картин, шедших параллельно по «Первому» и «России 1» — российских «Ёлок» и американской «Один дома», говорит не в пользу российского продукта. Там доброе семейное кино, с чётким сюжетом и актёрскими работами. Здесь беспорядочный и невнятный набор эпизодов, уныло обыгрывающий все мелодраматические пошлости, какие только можно представить. Там, пусть и коммерчески выверенный, но оригинальный продукт, оригинальный сюжет, здесь заимствования из советского кинематографа, эксплуатация советского музыкального наследия и обзор событий, произошедших за год, вместо оригинального сценария. Всё тот же «День сурка» и «Зеркало для героя». Нынешняя премьера «Ёлок 1914» в кино заставляет ещё больше содрогнуться от ужаса. Неужели это будет длиться вечно и они год за годом будут спускаться по временной ветке до времён Владимира Красное Солнышко?

Неутешительный вывод последних лет остаётся неизменным: у нас нет праздничного телеэфира. У нас нет заботливо выстроенной праздничной телепрограммы. Сердца, ума, человеческого тепла не хватает и в обычные дни. Но в праздники их отсутствие на телевидении становится особенно явственным. Экран дышит безразличием, а то и презрением к телезрителю, помноженным на самолюбование и самовлюблённость. Атмосфера праздника безвозвратно утеряна. Самое печальное — сознание бессилия, что, как ни пиши, как ни ругайся, всё повторится на следующий год вновь. Нас опять будет ждать всё тот же самый зубодробительный коктейль из отданных на поругание советских песен, шансона и пошлости, очередной псевдопраздничный корпоратив. Неужели мы обречены вечно смотреть в зеркало для сурка? Есть ли выход из петли времени?

СЕРГЕЙ МОРОЗОВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Мы англичане. Какой восторг!

Вслед за США, Францией, Италией и Германией Владимир Познер и Иван Ургант подвизались исследовать Англию. Путешествовать там особенно негде — множество серий было посвящено не природе, красотам и городам, а восхищению давней и недавней историей, а также нравами этого небольшого островного государства. Слёзы подступали к глазам российских телезвёзд (и маститого, и самого популярного), когда речь заходила о королеве Елизавете, Черчилле, Тэтчер, Диане, и в прямом смысле пролились они в серии, посвящённой «Битлз». Чрезмерность потоки (даже в сравнении с другими восторженно «отрецензированными» странами) подвигала к мысли, что ведущие мечтают перебраться на ПМЖ именно в Великобританию.

Когда собеседники российских интервьюеров (в том числе знаменитый последователь Оскара Уайльда, скандально парадоксальный актёр и писатель Макс Фрай) заговаривали о России, Познер морщился и не поддерживал сравнительный анализ народов и стран уточняющими вопросами. История взаимоотношений России и Англии ему не интересна. Про Россию он всё знает и не хочет ничего слышать из того, что могло бы разрушить сложившийся образ «раши-параш», своё отношение к ней он уже много раз высказывал — не любит, и всё. Также не было вопросов (и собеседников, способных на них квалифицированно ответить), о тех качествах британских правителей, благодаря которым Англия стала могущественной империей. Об их жестокости и коварстве, в сравнении с которыми действия опричников Ивана Ужасного (terrible — именно так называли Грозного царя в фильме) — гуманная полицейская акция. Обогораживании при Тюдорах, о геноциде ирландцев, сопровождавшем британскую историю до XIX века, о беспощадном грабеже колоний, вхождением в кричащее противоречие с действиями царей на окраинах Российской империи. О пиратстве и работорговле. Об информационно-дипломатической войне с Россией, которую с XVI века вела британская корона.

Разумеется, Познер не коленопреклонённый раб Великобритании, но он отражает отношение к ней российской бизнес-элиты, точнее, той её части, что живёт в Великобритании, руководя экономикой России по скайпу.

Рекордно многосерийный фильм этот смотреть было особенно странно, зная о сегодняшней рекордно оголтелой антироссийской пропаганде Лондона.

В общем, подвиг Владимира Познера и Первого канала, показавшего **«Англию в общем и в частности»**, достоин высших наград королевства, в частности ордена Подвязки.

А.К.

Резали по живому

Документальный фильм журналиста Андрея Медведева и режиссёра Виталия Максимова **«Проект «Украина»** на канале «Россия» смотрел, испытывая почти физическую боль. Авторы затронули давно кроветочащую тему раздела единого народа на русских и украинцев. По недоумию одних и злой воле других удалось противопоставить две части одного народа. Это было выгодно австрийцам, которые проводили политику геноцида русских в Галиции и на Волыни, политику перекордирования русских (малороссов) во враждебных им украинцев. Роковую роль в реализации этого проекта среди малороссов сыграли русские историки Костомаров и Грушевский, а также идеологи украинского национализма Михайовский и Донцов.

Поразительно, в XIX веке слова «Украина» не знали, а в XX веке стали создавать историю Украины.

Очень больно было смотреть также на кадры о том, как в 20–30-е годы в Малороссии и Новороссии проводилась политика украинизации, закладывавшая мина замедленного действия, которая не могла не разорваться. Нынешним последователям Франца Фердинанда, Грушевского и Донцова необходимо создать русофобский буфер на юго-западных границах России. Этому нужно противостоять. В том числе и такими фильмами. Жаль, что в Киеве это не скоро увидят.

СЕРГЕЙ МАРЧУК

А НАМ ПРИСЛАЛИ

Удар таланта

С большим интересом смотрела сериал **«Палач»** на Первом канале. Сочувствовала всем, сострадала мукам главной героини, не навидела зловную фашистскую подстилку в исполнении Юлии Пересильд. Каково же было моё удивление, когда в последних сериях всё перевернулось. «Подстилка» оказалась партизанкой, а нежная мать, заботливая жена — Тонькой-пулемётчицей, которая убила тысячи наших пленных солдат во время войны и безжалостно убирала всех, кто мог её выдать, в мирное время. Такого удара я от нашего ТВ не ожидала и долго не могла прийти в себя. Конечно, глупо принимать всё так близко к сердцу, но право же создателям сериала надо бы быть помилосерднее к своим зрителям. А Виктория Толстоганова, сыгравшая главную роль убедительно и страстно, безусловно выдающаяся актриса.

ОКСАНА ГОРКИНА

Изысканные подарки

«Любовь, сеньоры, это гений...»
Лопе де Вега

В этом году телеканал «Культура» преподнёс зрителям неожиданный сюрприз — «Новогодний вечер с Владимиром Спиваковым». Темой концерта была объявлена любовь, и приглашены настоящие звёзды, прекрасные музыканты, оперные дивы, певцы, известные не только в России, но и за её пределами. Смешение жанров — задача не из лёгких, но выглядело всё гармонично и изысканно.

В самом деле, трудно представить более разные музыкальные характеры, чем Смольянинова и Гарик Сукачёв. Барышня и Хулиган. Но старинный русский романс в их исполнении о тройке удалой делает присутствие последнего очень даже уместным. Уникальный тембр Смольяниновой нежен и возвышен, а грубоватый, надтреснутый голос Сукачёва подчёркивал народный колорит песни.

Слушая шутливую арию «Кошки» Дж. Россини, которую исполняли оперные певицы Светлана Шилова и Анна Аглатова, конечно, вспоминала сестёр Карину и Рузанну Лисициан, которые в своё время замечательно исполняли эту копящую арию. Вспомнила неслучайно, ведь Рузанна Лисициан была педагогом Анны Аглатовой в музыкальном училище им. Гнесиных. И вот она, преемственность поколений, и бережное отношение к классике.

Оперные арии перемежались исполнением популярных пьес, любимыми всеми песен Дунаевского, Соловьёва-Седого. Удивительно по-новому прозвучала песня Пахмутовой «Огнянись, незнакомый прохожий...» в исполнении Дмитрия Хворостовского. В памяти прочно укоренилось исполнение этой песни Александром Градским — на нерве, в каком-то отчаянном истиснуении — и вдруг совершенно иной характер. Мягко, нежно и вместе с тем мудро. Меняются времена и нравы, обогащается наш жизненный опыт, на

смену старому поколению приходит новое, и хочется надеяться, что оно будет лучше, сильнее прежнего.

Разумеется, полностью согласна с Сати Спиваковой, что в опереттах есть столь привлекательные арии, о которых мечтают даже оперные дивы. И всё же, мне кажется, далеко не каждая певица может себе это позволить. Но Анна Нетребко не устает восхищать своих поклонников, ей удаётся всё — ария Сильвы из оперетты Имре Кальмана была исполнена блестяще. Температурная, ослепительно красивая, артистичная, она, конечно же, была украшением этого праздника.

Надо сказать, успех новогоднего вечера на телеканале «Культура» в полной мере заслуга и ведущих: Дениса Мацуева, Сати и Владимира Спиваковых, которые при этом и сами успевали участвовать в концерте. Виртуозные импровизации Дениса Мацуева показали, что он способен извлечь из рояля любые эмоции — и грусть, и бурное веселье, и пламенную страсть. В роли ведущего, в паре с Сати Спиваковой, он смотрелся безупречно: артистичный, весёлый, остроумный. Что же касается самой Сати, то она была замечательна: с прекрасным чувством юмора, хорошей долей самоиронии, чего сегодня так не хватает на телевидении; при этом ещё красива и умна. Она держала именно ту ноту, единственно правильную интонацию, чтобы находить контакт со зрителями. Ну а душой вечера, конечно же, был Владимир Спиваков. То дирижируя оркестром, то играя на скрипке, то танцуя с оперными дивами вальс и чарльстон, он успевал ещё разыгрывать и экзотичные сценки, по ходу действия перевоплощаясь то в грозного военного, то в добродушного моряка в тельняшке, а то в подвыпившего гуляку и создавая тем самым достоверную, уютную атмосферу вечера.

Но не только талантливые ведущие в этот вечер были на должной высоте; этому способствовала и сложнейшая тех-

ническая оснащённость концерта. Особоенные восхищение вызвали световые декорации и плазменные эффекты. Каждый новый номер сопровождался своей собственной картинкой и своим освещением, то есть это была ювелирная работа целой армии людей, которых мы никогда не видим, но их присутствие ощущаем: и декораторы, и осветители, и режиссёры, и сценаристы.

Завершился концерт старой, известной всем нам песенкой «Солнечный круг», подарив не только тёплые детские воспоминания, но и напомнив ещё раз, как хрупок этот мир и насколько мы все за него в ответе. И я снова вспомнила Лопе де Вегу:

*Любовь, сплотив людей в народ,
Жить учит мирно и достойно,*

*И то, что разрушают войны,
Она опять воссоздаёт...*

И как важны для этого всем нам культура, просвещение и творческое вдохновение...

И всё же на высокой ноте закончить эту заметку не удастся. Видимо, много времени ещё пройдёт, прежде чем наше ТВ станет по-настоящему гуманным и просвещённым. Прекрасное настроение от новогоднего концерта было испорчено на следующий день. «Культура» почему-то поставила на всю новогоднюю неделю шведский сериал «Год 1790». Причём в вечерний прайм-тайм. Сериал тяжёлый, страшный, с огромным количеством убийств и беспроблемными ужасами. Спрашивается, зачем? Неужели не нашлось других фильмов?

ИРИНА САДОВСКАЯ

СУДЬБА

Любимец партии и народа

Я был близко знаком с Юрием Петровичем Любимовым с 70-х годов, мы жили по соседству, Людмила Васильевна Целиковская даже приглашала нас с женой к себе в гости. Хочу поделиться дорогами для меня воспоминаниями о талантливом, ярком и сложном человеке. Тем более что его жизненная и творческая биография излагается ныне с большими купюрами и неприличными конъюнктурными искажениями.

Характерная деталь: в десятках материалов о Любимове, печатных и интернетных, даже в «Википедии», претендующей на энциклопедичность, ни словом не упоминается о том, что он был коммунистом. А он был! В партию вступил уже ведущим артистом Театра имени Вахтангова в 1952 году, при Сталине, в год его последнего XIX съезда. Играл Олега Кошевого — такую роль не каждому доверял. Активно участвовал в партийной жизни, в Театре на Таганке неизменно избирался в состав партбюро, делегатом партийных конференций разного уровня. После запрета КПСС Ельциным партию не клая, партбилет не сжигал, а, увидев этот аттракцион в исполнении Марка Захарова, сказал только: «Какая примитивная режиссура!»

Может, я пропустил, но и о Людмиле Васильевне Целиковской, с которой он прожил немало счастливых ещё молодых лет, нет упоминаний. А ведь она была его музой, скромным, но очень важным соавтором всех постановок на Таганке. Знаменитый пушкинский спектакль «Товарищ, верь!» — по её пьесе.

Ходили упорные слухи, что знаменитые таганковские поэтические композиции и инсценировки повестей и романов (в театре их пренебрежительно называли «болванками») писала Целиковская. Именно на их основе Юрий Петрович поставил свои самые лучшие спектакли. На премьере «Деревянных коней» Фёдор Абрамов сказал: «Этого спектакля не было бы, если бы на отдыхе в Прибалтике Людмила Васильевна не прочла мою книгу». Та же история приключилась и со спектаклем «А зори здесь тихие» — за одну ночь Целиковская прочла в свежем номере «Юности» повесть Бориса Васильева, и к утру болванка была почти готова.

В показанном в траурные дни интервью с Эрнстом мастер простодушно поставил себя в положение человека, подобострастно гордящегося мимолётным вниманием сильных мира сего. В его возрасте это извинительно, но многоопытного интервьюера, ловко подставившего Любимова, как пел Высоцкий, «не извиняю».

Среди известных людей, с которыми свела Юрия Петровича жизнь, им упоминался Пётр Леонидович Капица. Но он забыл сказать, что великий учёный входил в состав созданного при театре художественного совета, состоявшего из умнейших и талантливых людей — учёных, прозаиков и поэтов, кинорежиссёров, критиков. Там были академик Флёров, Твардовский, Вознесенский, Евтушенко. Доктор философских наук, автор трёхтомной биографии Ленина Вадлен Логвинов, консультировавший «Десять дней, которые потрясли мир», не раз рассказывал мне, как члены совета словом и делом помогали театру. Их коллективная эрудиция не имела себе равных.

Как Любимов оказался на Таганке? В 1963 году директором умиравшего тихой естественной смертью Театра драмы и комедии назначили артиста-фронтовика, имевшего уже опыт административной работы, Николая Лукьяновича Дупака. Он начал с поисков нового главного режиссёра. Помог случай. Его сосед по дому Юрий Зодиев как-то обмолвился, что у него в гостях будут Целиковская и Любимов, уже поставивший к тому времени силами своих студентов в Шукшинском училище «Доброго человека из Сезуана». Дупак попросил пригласить и его. В тот вечер произошла историческая встреча двух людей, создавших потом Таганку, подобная знаменитой встрече Станиславского и Немировича-Данченко. И очень похожая по взаимоотношениям в дальнейшем на взаимоотношения великих предшественников. Именно тогда Дупак официально предложил Юрию Петровичу занять пост главного режиссёра.

23 апреля 1964 года премьерой «Доброго человека» открылся новый театр, который его создатели назвали Театром на Таганке, хотя по документам он ещё долго проходил под старыми именами.

В 1964 году я был скромным журналистом и не мог мечтать попасть на премьеру. Но спектакль мы с женой вскоре всё-таки увидели, и, хотите верить, хотите нет, он у меня до сих пор в памяти наряду с «Мёртвыми душами» и «Горячим сердцем» во МХАТе, «Мадам Бовари» с Алисой Коонен в Камерном. Зинаида Славина не забываемся. Будь у неё репертуар, она бы выросла в великую тра-

гическую актрису. Но в новом театре неограниченные возможности были только у главного. Актёров он держал, что называется, в чёрном теле.

Группа Таганки работала самозабвенно, Юрий Петрович, получив полную свободу для творчества, жил в театре, уходил домой только поспать. Выпускали по несколько ярких премьер в год. И каких! Со сцены звучали Шекспир, Мольер, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Чернышевский, Достоевский, Островский, Горький, Есенин, Маяковский, Дин Рид, Брехт и наши современники Вознесенский, Евтушенко, Быков, Васильев, Трифонов, Бакланов.

То было время могучего расцвета советского театра. Любимов работал одновременно с Завладским, Симоновым, Товстоноговым, Ефремовым, Эфросом, Гончаровым, Плучеком и с первых своих работ стал с ними вровень, создав собственный, ни на кого не похожий сценический стиль. К нему тянулись молодые режиссёры. Пётр Фоменко, например, участвовал в создании «Павших и живых».

Всё новое приобретает как горячие поклонников, так и недоброжелателей. К сожалению, среди последних оказались работники отдела культуры ЦК, Министерства культуры СССР. Они попортили Любимову и Дупаку немало крови. Но театр был городским, непосредственно им неподвластным. А горком партии как главная московская инстанция в обиду

помощью билетов на Таганку можно было решить любой бытовой вопрос.

В 1976 году произошёл весьма неприятный эпизод, после которого контакты Любимова с Гришиным прекратились. Виктор Васильевич с женой приехали на спектакль «Пристегните ремни!». Спектаклю предшествовала беседа с руководителями театра. Начало приближалось, а они всё не отпускали гостей в зрительный зал. Гришин, человек исключительно точный, начал беспокоиться. Тем более что в театре не было гостевой ложи, а их места находились в середине длинного ряда кресел. «Без вас не начнут», — успокаивал его Юрий Петрович. Но начали. И как раз в тот момент, когда Гришины пробирались к своим местам, со сцены прозвучала реплика: «К нам приехала комиссия». В зале раздался смех... На следующее утро Любимов и Дупак были в горкоме ещё до приезда Виктора Васильевича. Гришин их принял, молча выслушал извинения и сказал: «Больше мы к вам в театр не придём. Но помогать вам я буду по-прежнему».

На следующий год Любимов исполнилось 60 лет. Юбилей продолжался три с половиной часа. Юрия Петровича, кроме делегаций театров, приехали поздравить первый замминистра культуры СССР Попов, министр культуры РСФСР Мелентьев, представители ЦК и МКГ ВЛКСМ, заводов «Сатурн», 1-го часового, 1-го подшипникового, Минлетгпрома.

Кроме правительственной от Президиума Верховного Совета РСФСР поступило бесчётное количество телеграмм, особенно дорогая — от космонавтов. Юбиляр был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Творческая энергия Любимова поражает. В 1974 году он поставил балет в Ленинграде. Потом осуществил драматические постановки на Кубе, три в Венгрии, три оперные в Милане, где работал с Клаудио Аббадо. По приезде из Италии с восторгом рассказывал об этом выдающемся музыканте, о совместных дальнейших планах. О новых работах в своём театре речь как-то не заходила. Я спросил, нельзя ли, пока он так занят, подготовить моноспектакль Высоцкого, который наверняка имел бы успех. «Ну что вы, разве он может вытянуть спектакль...»

Тем разговор и закончился. Юрий Петрович очень строго относился к Владимиру, со стороны казалось, что слышном строго, но, видимо, в тот период его жизни по-другому было нельзя. Люди, как известно, не ангелы.

Каждое лето Таганка, как и другие московские театры, выезжала на гастроли. Сначала по стране, потом в Париж, Будапешт, Варшаву.

В Будапеште произошла встреча, перевёрнувшая всю жизнь Любимова. Приставленная к нему переводчицей Каталин Кунц, женщина темпераментная и на 30 лет моложе, заставила его забыть и дом, и семью. По возвращении в Москву Юрий Петрович ушёл от Целиковской, с которой прожил 17 лет, и обратился в горком партии с просьбой предоставить ему по этому случаю квартиру. (Людмиле Васильевне было тогда 56 лет, у неё рос большой полиомиелимитом сын. Простите, но порядочные люди жён в такой ситуации не бросают.) Квартиру Любимову выделили — разумеется, бесплатно.

Новый брак совершенно его переродил. Кунц приехала в СССР с нескрываемым неприятием советского образа жизни. Говоря о нашей стране, она неизменно употребляла матерный эпитет: «в вашей ё...и стране». Только так, и не иначе. Молодожёны теперь стали всё больше времени проводить за границей, благо Любимову постоянно приходили приглашения на оперные постановки. Он совсем забросил театр, два года в нём не появлялся. Группа роптала, изнывая без работы над новыми спектаклями. Дупак без устали призывал главного режиссёра вернуться к своим прямым обязанностям, но куда там: в Лондоне жить не худо. И в Милане тоже. Кэт там очень нравилось.

На этом рубеже наши встречи с Любимовым прекратились. Я из горкома в 1980 году перешёл в «Литературную газету», на работу по основной специальности. О последующих событиях в жизни мастера, с которым мы за 10 лет сблизились, узнавал только со стороны, поэтому и описывать их не берусь, тем более что начался сплошной негатив.

Советского гражданства его лишили за активное участие в международной антисоветской кампании. А с должности главного режиссёра сняли за двухгодичное отсутствие на рабочем месте, невыполнение должностных обязанностей, за предательство коллектива, брошенного им на произвол судьбы.

Юрий ИЗЮМОВ

В 1980—1990 гг. первый заместитель главного редактора «ЛГ».

АКТУАЛЬНО

Убить каплю – убить жизнь

Вот уже примерно сорок лет я регулярно фиксирую в своих записных книжках падавшие мне на глаза сведения, точнее, новости о проблеме давно начавшейся «вселенской жажды», о проблеме питьевой воды на нашей планете. Замечу, что тогда, сорок лет назад, нас было на Земле что-то между четырьмя и пятью миллиардами жителей. В последней четверти XX века было очень модно, что ли, говорить и писать о всякого рода экологических, экономических, демографических и прочих показателях, с которыми человечество войдёт в XXI век, или, как часто горделиво подчёркивали — в третье тысячелетие. К чести учёных мира можно не без гордости отметить, что многие показатели подтвердились.

На стыке двух веков или двух тысячелетий, нас, как сказал поэт, — современников, одновременно, соседей по эпохе было уже шесть миллиардов. По окончании нулевых годов XXI века — уже семь миллиардов. Сегодня, когда пишу эти строки, нас стало больше ещё на полмиллиарда. Недалёк час когда этот показатель дойдёт до восьми миллиардов, что почти в шесть раз больше, чем было в начале XX века. А как же обстоят дела с питьевой всдой? По данным ООН, сорок лет назад около полмиллиарда людей жили в условиях постоянного дефицита пресной воды и около миллиарда страдали от так называемых сухих сезонов. Сегодня из научного материала В.И. Данилова-Даниеляна, со ссылкой на всё ту же ООН, я узнал, что эти показатели увеличились больше чем в два раза.

Я вовсе неслучайно, как говорилось выше, долгие годы занимаюсь этой темой. В течение вышеуказанных сорока лет я только в «Литературной газете» печатал десятки пространств статей на тему проблемы питьевой воды. Большая часть материалов была посвящена трагической судьбе священного Севана, являющегося последним родником Армении. Именно так называется моя книга об армянском озере. Дело в том, что я готовлю материал об уникальной акции Союза писателей в 1987 году. Речь о создании и деятельности Международной экологической организации «Байкальское движение».

Инициатором первой встречи на Байкале был сам Валентин Распутин, который накануне гости в Японию у коллег, пишущих на экологические темы. Тогда же он предложил собраться на берегу Байкала группой советских и японских писателей и общественных деятелей. Собраться не только для того, чтобы вести тривиальный разговор о пользе чистого воздуха и чистой воды, а чтобы начать результативно действовать. Вскоре первая встреча состоялась на Байкале, где и было официально создано «Байкальское движение». До распада СССР мы успели организовать ещё четыре встречи у хозяев пресных озёр: на Арале, на Севане, Биве (Япония), Хубсугуле (Монголия). Была договорённость уже с североамериканскими и канадскими коллегами о встрече

на берегах Великих озёр (Верхнее озеро, Гурон, Мичиган, Эри, Онтарио). Увы, всё сорвалось в связи с распадом СССР.

Надо признаться, что «Байкальское движение» успело на протяжении целых трёх лет обнародовать довольно серьёзные исследовательские материалы о печальных прогнозах судьбы питьевой воды в масштабе всей планеты.

В первом репортаже о «Байкальском движении» в «Литературной газете» были приведены данные о том, что за 25 миллионов лет существования озера Байкал, в котором содержится одна пятая часть всей питьевой воды на планете, по данным учёных, остались почти неизменными все параметры озера. Всегда, например, было 386 притоков, из них 28 довольно крупных рек. Но вот за последние 25 лет исчезло (из-

высоты, что сам народ взялся за спасение своего будущего. Небольшая, но трогательная деталь: каждая, без исключения, японская женщина, живущая в бассейне Бивы, пользуется исключительно только хозяйственным мылом.

Глава японской делегации ветеран афро-азиатского писательского движения Хироши Номачи труды по охране окружающей среды вошли в серию «Жизнь и смерть», в своём выступлении сказал: «Если мы сегодня не решим проблему Бивы, то невозможно представить наше будущее. Бива для нас — как Байкал для России, как Севан для Армении. Спасти эти и другие пресноводные озёра можно только объединёнными усилиями». И, переводя дыхание, громко повторил: «только и только объединёнными усилиями».

РИА «Новости»

за неумеренной вырубке леса) около 150 рек и ручьёв. Нечто подобное, если не сказать точнее, произошло с озером Севан. Приведу небольшую цитату из моей книги «Последний родник»: «Севан рождён вулканом тридцать веков назад... Тридцать веков он оставался неизменным. Однако за каких-нибудь тридцать лет всё катастрофически изменилось. Уменьшилась площадь зеркала озера, объём воды сократился почти наполовину. Прозрачность ухудшилась на 70%. Уровень воды упал на двадцать метров. Тридцать веков существовал на озере редкостной красоты остров, за тридцать лет он стал полуостровом».

На Байкальской встрече профессор Киотского университета, известный специалист по проблеме озера Бива Норио Исида рассказывал, что до 50-х годов XX века огромное население бассейна Бива смело и безбоязненно употребляло питьевую воду непосредственно из озера. Но потом началась этакая эра химических порошков для стирки. И вскоре смертельно угробили национальный родник жизни тем, что 90 процентов всех вод, используемых в бассейне, стекало в озеро. Казалось, мы уже потеряли наш естественный источник жизни. Но, к счастью, писателям, учёным, экологам удалось поднять общественное мнение до такой

Василий Белов начал своё выступление довольно страстно: «Мы эгоисты. Мы живём за счёт будущего, за счёт наших внуков... хотим мы того или нет, а придётся человечеству вернуться к парусу и ветряку». Виктор Астафьев завершил своё выступление словами: «Остаётся нам не только поклониться родничку, каждой капле питьевой воды, но и действительно бороться за них». Японский писатель, лауреат премии Лотос Кадзую Экомаку был озадачен тем, что «наряду с нарушением экологии природы нарушается и экология души человека».

Один из репортажей в «Литературной газете» я озаглавил «Убить каплю — убить жизнь». И я хочу вновь использовать это название.

Ныне весь мир почему-то страшно озабочен проблемой нефти. Глупость всё это. Нефть сегодня нужна в первую голову, как мы видим, для гонки вооружения. При этом забывают, что человечество и всё живое на земле миллионы лет обходились без нефти, но ни одного дня — без пресной питьевой воды.

Зорий БАЛАЯН

В 1975—1998 гг. собственный корреспондент «ЛГ» по Армении.

КНИЖНЫЙ РЯД

Павел Шестаков. **Неизбежность.** — Таганрог: Ньюс, 2014. — 220 с. — 200 экз.

Домысел, а не выдумка

Казалось бы не имеющие друг к другу отношения отдельные истории в конце книги завяжутся в такой тугой узел, что остаётся только удивляться хитросплетениям сюжета. Домысел? Не выдумка?

Павел Шестаков даже не дал названия этому своему роману. Издатель озаглавил книгу «Неизбежность», следуя, видимо, мысли самого автора: «Всё что угодно должно было произойти с живым человеком. Я не оговорился. Нет, не может, а именно должно произойти рано или поздно. Считается, что если рано, это трагедия, а если поздно, закономерность. Чепуха, это просто неизбежность». Неизбежны рождение и смерть, встреча и разлука, любовь и разочарование, взлёт и падение.

Все события, происходящие с каждым человеком, — камушки в мозаике жизни, так считает автор. Камушки эти щедро разбросаны по страницам книги. Бирюзово-синее небо над Невой. Янтарно-жёлтые глаза девушки, украдкой пославшей герою прощальную жест пальцами из-под руки спутника — эти глаза и этот жест он будет помнить долгие годы. Опалово-белые мазанки на фоне изумрудной зелени на дедовом хуторе, где мальчик проводил лето. Обь, сверкающая «бирюзой, акамаарином, изумрудом луговых трав на обрамлённых золотыми песками островах» под крылом самолёта.

Но... Рубиновые капли крови на гимнастёрке майора, на глазах мальчишек застрелившегося из-за несчастной любви. Угольно-чёрный пепел

мазанок, подожжённых оккупантами. Тяжёлым камнем лежащие на сердце смерть близких, разочарования в любимых женщинах, предательство друзей. Да и «вся жизнь подобна песочным часам — осыпается неминуемо счастье, и как только покидает человека последняя песчинка — всё, незачем больше жить, и человек уходит...».

Проза Шестакова безупречна. Каждая фраза отточенная, гладкая, словно отполированная морским прибоем галька. Каждая мысль облачена в ювелирную огранку из слов, неизбежных именно для этой мысли. Вдумайтесь: «Все мы были одной маленькой веточкой большого дерева, которое появилось задолго до нас и обновляется из года в год, а мы уходим, недолговечные побего, покрытые недолговечными листьями, и среди них я, недавно только осознавший, что я всего лишь один из них, что, как и я, они зеленели, желтели и опадали, как и я, чувствовали и надеялись, трепетали и страдали...»

Писатель Шестаков прочно вошёл в историю русской литературы, как и собкор Шестаков в историю «ЛГ».

Владимир БОНЧ-БРУЕВИЧ

С 1970 г. — руководитель корсети, заместитель главного редактора, в настоящее время советник главного редактора «ЛГ».

Славянский треугольник

Как дальше пойдёт развитие трёх славянских стран-соседей, которых ещё недавно называли братскими? Наш собеседник – политолог, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» Андрей СУЗДАЛЬЦЕВ. Он родом с Дальнего Востока. В 1989 году в Москве защитил кандидатскую диссертацию. С 1993 по 2006 год работал в Республике Беларусь.

– Андрей Иванович, события на Украине нам многое открыли, поставили немало вопросов. Если не о единстве славянском, то по меньшей мере о славянской солидарности. Какой период переживают наши связи? – *(Улыбается.)* Похоже, что феодальный. Солидарность, братство, общая неделимая этничность – это вообще во многом иллюзии. Например, есть понятие германский народ. Но какая там солидарность? Был период раздробленности, даже враждебности внутри германского мира. Ещё совсем недавно рядом существовали ГДР и ФРГ. А каков этот мир сегодня? В него входят Австрия, Германия, частично Дания, Голландия, Швейцария... Все они в рамках единой Европы, но каждый и сам по себе, нередко жёстко конкурируют. А разве нет противоречий внутри романского мира? Или латиноамериканского? Там тоже масса противоборств, когда во главу угла ставятся свои интересы. Нет солидарности в африканском мире. Как и в арабском. Это, может быть, ужасно. Но это данность.

Мы – последний крупный народ, который вышел из степей и оказался на пространстве Европы и Азии. Вокруг нас жили и живут небольшие по численности народы, в частности, прибалтийские, которые примыкали то к нам, то к германскому миру. На протяжении веков шли динамичные и часто разнонаправленные процессы. Это живая ткань меняющейся действительности.

– Но в период Киевской Руси славянские племена стали сближаться, обрели общую веру, получили крещение...

– В реальности, если объективно оценим тот период, то близкие вроде бы племена и народы подчас сражались друг с другом не на жизнь, а на смерть. Пространство, на котором расположен славянский мир, очень разнообразно. Есть те, у кого, к примеру, благоприятный климат, но нет ресурсов, или наоборот. Нельзя не учитывать обычных черт человеческой сущности, скажем, зависти, эгоизма. Всё это находит отражение на взглядах и действиях политических элит. Так было в древности, так и сейчас. Не надо этого недооценивать.

Иными словами, говорить о братстве и солидарности, на мой взгляд, можно с допущениями. Солидарность чаще всего возникает при общей угрозе. И объединение в таких случаях возможно даже с противниками, как это было в сороковые годы. Мы с Великобританией были вместе! Уму непостижимо! Поэтому, если вдруг появится глобальная угроза Украине и России, уверен, многое будет забыто, и мы будем вместе. Тогда и славянские корни сыграют роль.

– Но уж лучше бы без глобальных угроз...

– Лучше бы. Но при этом, полагаю, в случае, если угроза уйдёт, ничто не помешает снова разойтись. Я это к тому, что обсуждаемые нами категории имеют хрупкий характер. Как бы то ни было, мы переживаем период, когда три независимых русских государства во многом разошлись. И пусть на меня никто не обижается за такое определение – государства по своим корням русские.

Разошлись, видимо, надолго. Не следует искать только внешние факторы, не надо преувеличивать роль заокеанских обкомов. Видимо, внутри трёх наших стран появились и объективные политические и экономические факторы, подталкивающие к размежеванию. В этой новой реальности придётся жить. Полагаю, прежде всего что-то случилось в экономическом развитии, вернее, обнажились все (для каждой страны свои) слабости, которые эту раздробленность усугубляют.

– Пятнадцать лет назад распалась Югославия. У России усложнились отношения со многими её «осколками». Но недавно президента России как главного гостя принимали в Сербии, которая тяготеет к единой Европе. Не всем это понравилось, но это ли не подтверждение глубины славянской общности?

– Знаете, международники всё чаще используют такое понятие, как феномен поразительного сжигания времени. На нашей памяти мобильный телефон в семье был предметом гордости, сейчас с ним ходят даже дошколята. Связь, коммуникация ведут к колоссальным сдвигам.

Что касается Югославии, то там был не просто раскол, там была жестокая гражданская война. Да ещё и с участием внешних сил. Но как-то всё утихло, наметились перемены. Есть более-менее нормальные

отношения между Хорватией и Сербией, Боснией и Македонией. И речь не только о межгосударственных отношениях, но и человеческих – опять создаются межнациональные семьи. Мне рассказывали, что за общий стол стали садиться даже косовары с сербами. Постепенно обстановка гармонизируется. В этом можно найти оптимизм, если обратиться к отношениям с Украиной. Правда, наши страны более крупные, это нельзя не принимать во внимание.

– Как и ряд других факторов. Например, конфессиональные, исторические, ментальные различия между нами, восточной и центральной Украиной и её западной частью.

– Согласен. Да, конфликт сербизов, трансформации на Украине не могут не настораживать, всех последствий не предсказать. Именно

это я имел в виду, когда говорил о сроках. Но и сжимания их нельзя исключать.

– Интересные явления можно наблюдать в Белоруссии. Прежде всего впечатляют спокойствие и порядок, настрой на созидание, трудолюбие людей, их достижения, умелое использование своих сильных сторон. Однако наблюдаются некоторые новые моменты. Я имею в виду неоднозначность действий Минска во внутриукраинском конфликте, когда он сразу признал новые власти Киева, которые, если оценивать с точки зрения права, пришли в результате государственного переворота. Что, это попытка дистанцироваться от России?

– Нет. Для Белоруссии сохраняет свою силу постсоветская формула власти: реально её там может держать тот, кто в силах выстраивать хорошие отношения с Россией. До десяти процентов ВВП Белоруссии обеспечивается поддержкой России – это очень немало. Без помощи РФ экономика республики может столкнуться с серьёзными проблемами. Ведь Беларусь живёт от кредита до кредита, ситуация традиционно сложная. Зарплата 200–300 долларов в городах считается нормальной, а на 500–600 долларов в Минске (сколько получает большинство) трудно прожить.

Словом, без опоры на Россию белорусам трудно жить и развиваться. Такой вывод может кому-то и не понравиться. Но это факт.

Надо учитывать, что 82 процента экономики Белоруссии – госсектор, хотя больше денег в бюджет дают частные производители и поставщики услуг. Госпредприятия поддерживаются за счёт государства, в том числе и за счёт наших преференций. И тут появляются издержки. Например, на рынке тракторов МТЗ остался монополистом, а Россия потеряла собственное тракторное производство. При этом надо признать, что белорусские управленцы – жёсткого склада, очень настойчивые, профессионально подготовленные. Отдадим им должное: экономический механизм работает слаженно. Хотя модернизация проходит медленно.

– У нас она тоже всё больше на словах. Если бы не санкции, так бы и жили в ленивой надежде, что нефть и газ покоряют...

– Согласен. Но у Белоруссии нет такого сырьевого поплачка. Они могут брать только производством конкурентоспособной продукции. Под модернизацию два года назад Лукашенко обратился за деньгами к России. Его спросили: значит, мы должны забрать деньги у наших предприятий, а почему? И отказали, что, по-моему, справедливо. Хотя рассматривался вариант вы-

делять деньги с допущением нас на белорусские предприятия. Минск это не устроило... В целом же наблюдается нечто тупикивое.

– Что вы имеете в виду?

– На мой взгляд, в республике сформировался довольно жёсткий авторитарный режим. Прямо по учебнику по политологии, классический. А в таких случаях плюсы обычно перевешиваются минусами. В последнее время наблюдается новый тренд. Он в простой формулировке может быть отражён так: чтобы Россия всё больше брала на себя ответственность за экономику республики. При этом всё чаще на пресс-конференциях белорусский президент даёт оценки, что в России хорошо, а что плохо. Иногда делает вид, что чего-то не понимает. Недавно одна корреспондентка заметила ему, что в России поднимается рождаемость. Он сделал вид, что не понял... Не может быть у кого-то лучше, чем у него.

– Думаю, он всё понимает. А его открытость, которую кто-то может называть прямолинейностью, это, на мой взгляд, скорее плюс, чем минус. Главное же: при всех нюансах нельзя не видеть, что по принципиальным позициям мы с Белоруссией действуем в унисон. И Белоруссия помогает нам сейчас решать пробле-

мы дальше доить Россию. Пока ведь сами не работают. И Яценюка можно понять. Ситуация такова, что отдать свою государственность они не могут, а жить самостоятельно – тоже. Надо, чтобы кто-то спонсировал. В Европу они ринулись не потому, что так её любят. Послушайте Тягнибока, его сторонников: Европа – позорище, что нам надо, чтобы нас тут всех голубыми сделали и мы сдохли? Грубо, но в чём-то правдиво.

Мы иногда поверхностно оцениваем суть происходящих процессов. Однолинейно. Сводим к войне в Донбассе, войне, на самом деле чудовищной. Но многое другое обходится стороной.

В понимании какой-то части украинцев да и белорусов мы, русские, не славяне, а некая орда. Отдельные украинские эксперты высказывают мнение, что Россия должна распасться, а они будут в первых рядах наследников. Но это выявляет лишь то, что они нас не знают. У них в сознании много штампов: допустим, Дальний Восток или Казань ненавидят Москву. Что чужое. Есть традиционные провинциальные недовольства, характерные для любой страны.

Или ещё штамп: Россия – проигравшая в холодной войне держава. Поэтому лучше пойти в Евро-

пу и там всё получить. Или вместе с Европой получить. Смотрите, по цене за газ мы уступаем, поддаёмся давлению. А нам нельзя отступать...

Что касается определённых недоумений по поводу Лукашенко. Почему снабжал АТО горючим, грузовиками? На мой взгляд, это попытка получить дополнительные очки у Запада. Белоруссия-де станет такой своего рода приёмной перед унижаемой санкциями Россией. А нам вряд ли нужны такого рода посредники.

– Нужны надёжные союзники. Пока в этом смысле, как мне кажется, нам особо не в чем упрекать Белоруссию. Да и на информационном поле там нет русофобства, которое почти двадцать лет по нарастающей взращивалось на Украине. Насколько я знаю, вы отслеживаете белорусскую прессу. Как она проявляет себя, например, в освещении украинского противостояния?

– С 2005 года я со своими студентами записывал все новостные программы белорусского ТВ. Только пару лет назал свернули работу. И за это время не так уж много там было добрых сюжетов о России. Иногда даже чудные проходили репортажи о каких-то московских бомжах, которые мечтают о приходе в Россию Лукашенко. Или про очереди за молоком из Белоруссии. Сейчас картина несколько поменялась. Но многое из наших достижений, хотя их в экономическом развитии не так уж много, в местных СМИ умалчивается.

Украинский кризис освещается скупо. Ведь этот кризис в каком-то смысле шанс для Лукашенко смягчить отношения с Западом. Учитывает он и внутреннюю ситуацию...

– Его можно понять. Опытный политик...

– Возможно. Но, видимо, он руководствуется тем, что не следует даже косвенно обострять ситуацию у себя в стране, разумнее занять позицию миротворца... Так что там старается лишний раз не беречь эту тему.

– Как, на ваш взгляд, надо себя вести России в этой обстановке?

– О чём-то я уже сказал. Проявлять твёрдость и гибкость, не поддаваться на давление и провокации. Опыт показывает, что только тогда, когда Россия жёстко заявляла о своих национальных интересах, говорила – нет, мы решаем так! – только тогда роё её авторитет у населения, у политических классов, элиты.

Когда мы ведём себя принципиально и жёстко и прежде всего заботимся о своей стране, когда борьба с коррупцией не напоминает скоротечные набеги половцев, когда бюджет не разворачивается, а строятся дороги, жильё, люди богатеют, это самый прочный оборонительный редут, самая надёжная защита.

– Андрей Иванович, не кажется ли вам, что Россия так себя, по сути, и ведёт – твёрдо?

– Иногда некая раздвоенность чувствуется. Скажем, явно пытаемся заигрывать с Европой – кто-то, видимо, лоббирует её интересы. А такого рода подталкивания к уступкам есть подталкивание к чужой игре. Конечно, сотрудничество с Западом нужно. Но надо соблюдать достоинство, избегать шараханий.

С другой стороны, мы чувствуем твёрдую руку. Скажем, предоплата за газ.

Надо не сходить с этого курса. Тогда нас будут уважать. Мы должны снять налёты, что санкции нас вгоняют в тулуп. Если так себя вести – значит, нарваться на новые санкции.

Я вижу долгосрочные планы в отношении, допустим, евразийской интеграции. Понятно, что мы готовы терпеть большие и тяжёлые потери, в том числе экономические. Фактически мы отдали свою границу нашим партнёрам по интеграции. В итоге – не хотим пропускать продукты из ЕС, а границ нет...

При этом, конечно, нельзя забывать о глобальной задаче – без своей интеграционной группировки мы не великая держава. Надо не упустить и глобальную задачу в отношении Украины. Она должна быть государством, близким к нам, суверенным, богатым, находящимся с нами в каких-то союзных отношениях. Среднесрочная цель: должна быть государством хотя бы терпимым (чтобы не получить противостояния типа Индия – Пакистан), федеральным, нейтральным в смысле блоков. А вот краткосрочные цели в отношении Украины у нас, на мой взгляд, плывут. Мы просто реагируем на происходящее. Вот, скажем, избрали Порошенко. Мы говорим: на него будем опираться. Почему? Только потому, что мы его знаем, он был с нами в диалоге?

Мы твердим везде и всюду, что там есть партия мира и партия войны. На самом деле все вошедшие в Раду политические силы – партия войны. Разница только в методах, средствах и времени реванша. И они не боятся нашего ядерного оружия. Полагают, что могут даже пойти войной на Крым, и мы его не применим, поскольку для нас это всё наши народы.

Эти угрозы мы должны ясно видеть. Я согласен с Путиным, когда он сказал, что будапештский протокол не действует в отношении теперешней Украины, потому что произошёл разрыв в эволюции украинского государства – та модель, которая была, ушла 22 февраля, и пришла новая модель. Мы должны понимать, что бывлой Украины нет. Строится новая, этнически чистая страна. Там воцаряется подход, что Украина для украинцев. Все народы, которые там живут, должны быть украинцами. И они будут этого добиваться. Формируется государственная идеология на основе этнического национализма. В этой идеологии русскому народу, а тем более российским властям места нет. К этому надо быть готовыми.

– Важен ещё и точный образ России у соседей.

– Все наши проекты по созданию хорошего имиджа России за рубежом, поддержке пророссийских сил не дали ожидаемого эффекта. И это не только потому, что деньги попали не в те руки. И не в одних дипломатах дело. У американцев и у Европы тоже большие проблемы с этим. Но за ними долгое время стоял вполне определённый имидж их государств, успехи. У нас этого не было. Но Крым стал переломным моментом. Я не побоюсь сказать: народ к нам кинулся. Давайте без иллюзий. Если бы русские жили на Украине лучше, чем русские в России, они бы там остались и не поднимали бы голоса. Но сейчас оттуда детей к нам отправляют на учёбу, многие едут работать. В нынешней ситуации нарастающего кризиса этот тренд надо удерживать.

Чем больше сами будем успешны, тем выше будет наша притягательность для соседей. Речь идёт о нашей экономике, совершенстве законов, судебной и правоохранительной систем, жизненном уровне, удобствах быта. Ну, сколько мы ещё будем болтать о повороте нашей экономической политики? Что мы ничего делать не умеем, кроме трубопроводов и оружия? Умеем! Но надо доказывать. Петух жареный клонюл. Ключ к успеху – наши внутренние достижения.

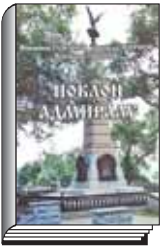
– Всё же хочется выразить надежду, что на Украине в результате всех испытаний найдутся здравые силы, которые осознают: происходящее не в интересах украинского многонационального народа, его будущего. А белорусы, их лидер, помогут всем нам обрести для начала хотя бы взаимопонимание и настрой на поиск верных путей дальнейшего развития. Сколько можно радовать тех, что с корыстными целями подливает масла в огонь извечного спора славян между собой?

– Надежда умирает последней. Банально, но факт.

Беседу вёл Владимир СУХОМИЛОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Жил отважный адмирал

Владимир Гаманов, Даниил Смирнов, Владимир Тыцких.
Поклон адмиралу. – Владивосток: Изд. Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, 2014. – 320 с. – Тираж не указан.

В 2013 году состоялся морской поход в честь 200-летия адмирала Невельского, «человека, вернувшего России Приамурский край». Участниками были и авторы книги «Поклон адмиралу». Маршрут похода: Владивосток–Невельск–Холмск–Николаевск-на-Амуре–Де-Кастри–Советская Гавань–Владивосток.

Жанр книги: путевой очерк с историческими отступлениями. Авторы рассказывают о дальневосточных портовых городах, спорят с философом Карлом Поппером, прямо выводя из его «открытого общества» конкретные причины российского развала, сверяют свой труд книгами великих предшественников: «Фрегат «Паллада» Гончарова и «Остров Сахалин» Чехова... Но главное в книге, конечно, фигуры адмирала Невельского, его жены Екатерины.

Приамурский край, освоенный великими усилиями первопроходца Ерофея Павловича Хабарова, был потерян Россией на двести лет из-за чиновника-коррупционера Зиновьева. Но именно адмирал Невельский вместе с губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым-Амурским сотворили настоящее чудо: гигантский Приамурский край возвращается России без единого выстрела, с Приморьем в придачу...

Отправленный в 1851 году Муравьевым для основания зимовья на берегу Охотского моря, Невельский прошёл по Амуру и принял в русское подданство амурских туземцев. Жена его, Екатерина Ивановна, будучи больноу, добиралась к мужу, проделав вершок более тысячи вёрст в 23 дня – по топким болотам, дикой гористой тайге, ледникам...

Сподвижник Невельского расказывал: «Обыкновенно в жилище было 5 градусов тепла, люди умирали от цинги... Но не слышал ни одной её жалобы, упрёка... Напротив, спокойное сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей providение».

Чехов писал о Невельском: «Это был энергический, горячий темперамента, образованный, самоотверженный, гуманный человек... На восточном побережье и на Сахалине он потерял дочь, которая умерла от голода, состарилась и потеряла здоровье его жена, «моладенькая, хорошенькая и приветливая женщина», переносившая все лишения героически...»

А вот воспоминания Марии Угличаниновой, подруги Екатерины Невельской по Смольному институту: «Этой женщиной должна гордиться вся Россия... Невельская была сама радость и веселие при большом уме и собой очень хороша. Она не жалела своих цветущих годов, прошедших в такой ужасной жизни, напротив, была счастлива, что поддерживала бодрость и энергию её мужа и всех участников экспедиции. На её руках умерла крошка-дочь, для спасения которой нужно было молоко, а у них была только солёная рыба, которую не принимал желудок ребёнка. Могила их ребёнка была первой русской могилой в этом крае...»

Любая патетика померкнет перед сей простой констатацией.

В книге рассказывается и о советском периоде освоения Дальнего Востока, когда молодые энтузиасты чувствовали себя духовными наследниками Невельских.

Из многих героев повествования авторы выделяют видного советского учёного Вячеслава Седых, создателя Морского государственного университета им. адмирала Невельского и его нынешнего главу Сергея Огая.

В книге немало тревожных размышлений о сегодняшнем состоянии края. «Кто думает о природе, когда приходится решать: как выжить семье? Мощные когда-то колхозы развалены, поля заброшены, рисовые чеки заболотились. Женьшень почти весь выкопан, море скудеет и загаживается. Для уверенного, цивилизованного развития Приморья потребно 15 миллионов человек, а нынешнее население – менее двух...»

Нынешние жители присоединённого адмиралом Невельским края живут нелегко. Может быть, потому, что нет пока фигур, сопоставимых с легендарным освотелем.

Игорь ШУМЕЙКО

ЖИЗНЬ В СЕТИ

Любите ли вы Фейсбук?..

Мир радикально изменился за последние лет сорок и продолжает меняться с нарастающей скоростью. Не призраком уже он бродит по планете, а стал реальной действительностью — информационализм теперь — новая историческая форма общества. Понимаем ли мы это во всей полноте? Насколько каждый из нас разобрался в происходящих переменах, успевает ли за ними?

Когда начался принципиально новый период в жизни человечества? В 1957-м, когда СССР запустил спутник, Министерство обороны США решило, что на случай войны государству нужна надёжная система быстрой передачи информации. Учёным поручили разработать компьютерную сеть, они создали сеть Арпанет, в 1969-м объединили в неё четыре научных центра и передали по сети всего три символа — «ЛОГ». Тот день 29 октября можно считать днём рождения интернета (его ещё называют Сеть) и, наверное, старта новой эпохи — информационализма. Ещё тогда в 70-х далеко смотревшие учёные предрекали, что начнётся радикальное изменение общества.

Сеть сегодня стала незаменимым средством для обмена информацией. Теперь, когда в неё стало можно входить с помощью смартфона или телефона, можно все 24 часа в сутки быть в интернете.

Общество стало сетевым. Впрочем, оно было всегда таковым, хотя люди об этом и не задумывались — так же, как персонаж Мольера говорил прозой, но не знал об этом. Власть в государстве была и есть сеть коммуникаций, чтобы управлять, надо накинуть на территорию управленческую сеть. Есть разные сети — церковные, партийные, мафиозные, банковские... Но принципиально иным общество стало с появлением электронных коммуникаций через интернет.

Сеть всё сильнее влияет на сущность общества. Через электронную почту мы можем мгновенно связаться в любое время с любой точкой планеты, где есть доступ к интернету. Оттуда получаем новости. Общаемся меж собой без учёта расстояний, пересылаем книги и фото. Покупаем товары и услуги, заводим знакомства. Работаем дома, на фирму, находящуюся где угодно, да хоть в Австралии. Читаем редкие книги, смотрим фильмы, слушаем песни. Всего не перечислить, что нам дал и даёт интернет.

Учёные, лидирующие ныне в изучении сетевого общества, М. Кастельс (США), Я. ван Дейк (Голландия) и другие, утверждают, что сети стали базовыми ячейками общества, а люди — его основными узлами. В сетевом обществе и один человек — воин, способный влиять на социум. Там можно основать и развивать политическую партию. Создать сообщество по любому интересам. Задать новые направления в любой сфере человеческой деятельности. Творить новое мировоззрение. Новую культуру. И даже новую этику.

Интернет вообще изменил все сферы общественного бытия. Влияя на политику, экономику, религию, образование, культуру, здравоохранение, философию, искусство — да буквально на всё. Меняются заметно и роль и влияние привычных прежних СМИ.

Возник новый тип медиа: Инет объединил средства массовой информации, вобрав в себя и ТВ, и радио, и газеты бумажные и электронные, и библиотеки, и архивы, и форумы. Медиа стали интерактивными — в океане информации пользователь сам выбирает канал подключения к ней. Можно не спешить к телепередаче, а записать её и посмотреть позже и по частям, если хочется. И посмотреть передачу 50-летней давности. И почитать газеты и журналы позапрошлого века.

Но самое главное: можно вмешиваться активно в деятельность СМИ. Оставить на сайте газеты комментарий сразу по прочтении статьи и написать его так, что он будет интереснее самой статьи для многих читателей. Страница в социальной сети — по сути личное СМИ, из которых газеты и сайты нередко заимствуют материалы. Фейсбук стал коллективно составляемым медиа — его лента, которую каждый формирует для себя сам, состоит часто из информации, которая делает её интереснее любого издания. Социальные сети по скорости и качеству информации способны конкурировать с гигантскими медиаимпериями.

В соцсетевых медиа можно сразу же обсудить всё взволновавшее с теми, кто для вас значим. И высказать своё мнение, рвущееся наружу. Недавнее позорное выступление Яценюка в Германии в социальных сетях разоблачилось быстрее, чем в СМИ. Известные политики не проявили быстроты в комментировании. Политики — тем более, их комментариев и не заметили.

Земляки, живущие за пределами моего родного города, признавались, что знали о происходящем в нём из общения на городском форуме больше, чем их родители, живущие там. Знакомая рассказывает: мама входит к ней в

комнату с новостью из ТВ, а в ответ слышит: «Да я знаю уже из Фейсбука!» Многие начинают день не с ТВ и радио, а с прочтения фейсбучной ленты — её можно настроить так (включая и газеты с информативностями, имеющие свои странички), что ничего не пропустит из того, что нельзя пропустить.

Говорят, что сети много времени забирают. Но от чего забирают? И жизнь забирает у нас все 24 часа. А социальные сети — это жизнь, и не виртуальная, а реальная, как реальные разговор по телефону или переписка на бумаге.

Строгие работодатели следят за тем, как работники тратят время на сети. Плохо, если тратят на цели личные, но отлично, если в интересах работы. Журналист нынче без интернета просто безоружный. Да и в других профессиях так. Даже люди, занятые сельским хозяйством, его используют для обмена опытом. А кулинарам какое раздолье! Самые законсервированные, когда подоплёт, сдаютос перед преимуществами Сети. Она поможет — свяжетесь с нужными людьми, подскажут, как решить проблему.

Где сетевое общество сливается с тем реальным, к которому мы привыкли? А уже не различить — везде, где есть интернет, там и соединяется. Сетевое общество одновременно и глобальное, и локальное, определяемое как «glocal» (glocal+local — думай глобально, действуй локально). Для принятия личных решений нередко надо задачу рассматривать в глобальном контексте. Один курс доллара чего стоит — живёшь в деревне, но должен следить за мировой экономикой, если не хочешь, чтобы твои сбережения обесценились.

В общественно-политической жизни теперь огромные возможности. Исследования показали, что люди, активные в социальных сетях, — активнее и в реальной жизни, и общественно-политически активнее, чем те, кто не пользуется сетями. Странно, что этого до сих пор не учитывают политические партии в РФ и пассивные в Фейсбуке или Живом Журнале.

Сетевое общество — гипербесшественное. Интернет даёт возможность одновременно общения тысячам и даже десяткам тысяч (отчего нет?) человек. Возникает в городе проблема — люди собралось, обсуждают, пишут бумаги, тыкаются с ними в инстанции — и без пользы. Подсказывают им — а если объе-

диниться в организацию? Как? А через Сеть, можно и свой сайт создать и уже не надо находить место и время сбора — интернет всегда к вашим услугам, оставляет сообщения, когда вам удобно, — прочтут, когда будет удобно другим. Сеть же поможет и выделить активистов, и уже не надо собираться всем обязательно.

А скептики утверждают, что наша общественная жизнь мало меняется. Да когда было ещё такое? Конечно, КПД социальных сетей пока мал. Но в том обществе само виновато, что недоиспользует возможности Сети.

Говорят, меньше становится живого общения. Да, видеть глазами человека лучше. Но много ли для того возможностей? Люди давно уже мало общаются даже с соседями по лестничной клетке, а интернет-то и возвращает общение. И соседи вы скорее встретите в Сети, чем зайдёте к нему в квартиру. Социальные сети удобны для определения, кто для вас «свой». Познакомившись поближе тут, можно продолжить общение в иных форматах — через Скайп, личную переписку, или, как теперь говорят, в реале.

«Информационно-технологическая революция спровоцировала возникновение информационализма как материальной основы нового общества. При информационализме производство благ, осуществление власти и создание культурных кодов стали зависимыми от технологических возможностей обществ с информационной технологией как сердцевинной этих возможностей» — такой вывод делает социолог М. Кастельс.

В мире происходят перемены, не сравнимые с прежними временами. Пожалуй, ни изобретение книгопечатания, ни паровые машины, ни поезда с самолётами, ни телефоны с телевизорами не меняли мир так радикально. И он меняется по нарастающей. Недавно интернет был доступен относительно малому числу людей, сейчас более трети населения Земли пользуются им.

В самых разных формах. Это удалённое управление фирмой, форумы, блоги, вики-проекты (в частности, «Википедия»), интернет-магазины, аукционы, социальные сети, почта, платёжные системы, Интернет-радио и ТВ, IP-телефония, поисковые системы и многое-многое другое. Инет-переводчики дают возможность читать тексты почти на всех языках. Со временем, наверное, можно будет разговаривать через электронный перевод.

Под влиянием интернета меняются принципы организации производства. Фирмы объединяются в сети разной конфигурации, структуры которых стирают различия между крупными корпорациями и малым бизнесом.

Создают «сетевые предприятия». Их работники могут быть разбросаны по всему миру, то есть происходит новое распределение труда. Но кто же тогда выступает в качестве капиталистов? «Вряд ли в их число входят юридические владельцы средств производства, которые могут оказаться, к примеру, ваш или мой пенсионный фонд либо прохожий на улице Сингапура, вкладывающий средства в растущий аргентинский рынок с помощью банковского автомата», — считает М. Кастельс. В сетевом обществе надо пересматривать экономические теории, в нём действует принципиально иная экономика.

Авторитеты в сетевом обществе тоже будут меняться. Политики теперь все на виду, их обсуждают, на них собирают досье, напоминают об их вранье, промахах, проступках. Пока это ещё мало сказывается, но дайте время — с каждым годом влияние на выборы Сеть будет оказывать всё больше.

Репутация будет иметь всё большее значение. Репутация всего — и людей, и фирм, и товаров, и услуг. На форумах активно обсуждают качество вещей, выявляя минусы и плюсы. Вам нужен новый смартфон — почитайте, что пишут знатоки, вопросы задайте, всегда найдётся доброты ответить.

Общество сетевых структур создаёт новый социальный порядок. Однако он не станет лучше автоматически — от нас зависит, как мы используем новые возможности. Печальный станок тоже может распространять великие мысли, но может — клевету и порнографию.

По-новому начинают действовать прежние ценности. Ещё непонятно как, ибо немного социологов и учёных из иных наук изучают сетевое общество. Но — изучают, и сама Сеть этому способствует фантастически эффективно.

Информация стала важнейшей составляющей общества. Идеи и образы уже не ждут разрешения начальства для опубликования — каждый решает, что он хочет сказать и показать миру.

Владимир ПОЛЯКОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

Ах, Орлуши, Орлуши

В номере 45 «ЛГ» опубликована статья В. Устинова «Аберрация» о русскоязычной прессе Германии. Названные в этой статье газеты и журналы не имеют своих корреспондентов ни на Украине, ни тем более в Донбассе и вводят своего читателя в заблуждение, подавая информацию из украинских СМИ как единственно правдивую, хотя не могут не понимать, что российские СМИ запрещены на Украине именно потому, что в них много неудобной Киеву правды.

Автор статьи удивлён тем, что редакторы этих изданий — «эмигранты с Украины, принятые Германией в качестве беженцев, бежавших, по их же утверждению, от украинского национализма и антисемитизма...».

Я тоже эмигрант, вернее иммигрант, правда, не украинский, хотя я там родился и учился. Мне довелось сотрудничать с большинством упомянутых в этой статье газет и журналов, и поначалу меня тоже приводила в недоумение явно русофобская позиция некоторых изданий. Ещё задолго до майдана мне стало казаться, что часть украинских иммигрантов не столько любит свою бывшую родину Украину, сколько страсть как почему-то не жалуют Россию и её народ, что и определяет их политические пристрастия. Да, да, именно народ, награждая его всякими неудобопроизносимыми эпитетами (в кулуарах, конечно) и продолжая считать себя при этом интеллигентами.

Тех, кто с ними не согласен, кто пытается возражать, презрительно называют «большиками за Россию». И не любят они «хохом всех русских, хотя публично будут опровергать это утверждение с пеной у рта. Не любят,

Акция производителей молока у здания Еврокомиссии в Брюсселе

вероятно, потому, что после парада суверенитетов выяснилось, что не Украина кормила Россию, Россия всегда поддерживала бездельное существование братской республики, а позднее и отделившейся страны.

А больше всего не любят каких родственников? Да тех, кому многим объяснены. Я просто не нахожу другого объяснения.

Даже этнические немцы, приехавшие из России или Казахстана, у которых есть больше поводов обижаться на былую несправедливость по отношению к ним, не пытаются таким откровенным недружелюбием к бывшей общей родине, как «немечки украинцы», никогда не говорившие на «мове» и у которых даже в анкетах написано «родной язык — русский». Вероятно, эти мыслители никогда не задумывались о том, что язык, на котором они мыслят, коим они в конце концов либо заработают, либо подрабатывают к социобию и по сей день, создан отнюдь не интеллигентами, а тем самым народом, о котором они столь язвительно отзываются. Язык, который объединяет их с этим народом («сильный, чем кровь»), по убеждению Иосифа Бродского.

В своё время честный и талантливый Виктор Некрасов откровенно признавался, что надо как-то жить и посему приходится клеветать на свою бывшую родину. Зачем обеспеченным Германией иммигрантам заниматься этим недостойным занятием, непонятно. Видимо, по зову сердца, потому что существуют в Германии издания и откровенно антироссийские, такие как журнал «Литературный европеец», обвинивший меня в организации «Содружества русскоязычных литераторов Германии» и обозвавший «пропутинцем» за сотрудничество с «Русским домом науки и культуры», хотя «Содружество» создал не я, а Рудольф Ерёмченко (кстати, постоянный автор «Русской Германии»). И «Содружество» наше не занимается политикой, а только сохранением имиджа русского языка в немецкоязычной Европе, в чём должны быть, по-моему, заинтересованы все русскоязычные СМИ.

Упомянутая в статье «Аберрация» новая, издающаяся в Берлине газета «Еврейская панорама» тоже редактируется выходцем с Украины. Газету прислали мне в качестве рекламного экземпляра. При чтении наткнулся я на стихи некоего русского, судя по фамилии, поэта Орлова (кличка Орлуша). Но не буду лукавить, об Орлуше я слышан, а главного редактора газеты

хорошо знаю и упрекнуть лично его в нелюбви к России оснований у меня не было до прочтения первого номера «ЕП».

Следует заметить, что местные газеты стихи печатают крайне неохотно, а здесь в первом же номере! И чему повсешены? Сбитому малайзийскому «Боингу».

Ну прям-таки «На смерть «боинга». Русский поэт Орлуша, не ожидая никаких расследований, в стихотворной форме оповещает читателей, что ему доподлинно известно, кто сбил этот несчастный лайнер, кто виновник трагедии. Не «террористы» даже и уж, конечно, не доблестные украинские артиллеристы, увы, имеющие подобный печальный опыт. А русские. Просто русские. Видимо, получившие наводку прямо из Кремля. Русскому поэту Орлуше стало стыдно, что он русский!!! Такое вот лишающее разума сопереживание с погибшими. О вине не закрывшей воздушное пространство Украины — ни слова.

Интересно, жила ли у Орлуши мать. Вот уж поистине маму родную не пожелал.

Пусть мерзко, зато пиаристо... Но вопрос ещё и в другом: почему главный редактор газеты позволяет себе безнаказанно публиковать подобные, по сути клеветнические, стихи? А потому как раз, что безнаказанно, и соответствуют, надо полагать, его личному ныне отношению к России. Не по этой ли причине он назвал одиозным украинского политика Олега Царёва (одиозный, согласно словарию Ожегова, крайне неприятный. Уж сам-то редактор «ЕП» совсем не Ален Делон, однако его так никто публично не называет.)

Да что там редактор малочитаемой «Еврейской панорамы» или иных вышеупомянутых изданий, если задача любой ценой оторвать Украину от России стала приоритетной для европейских демократов, упорно не замечающих девальвацию собственных ценностей. Эта задача продиктована желанием светлого будущего для Украины? Сомневаюсь...

Если считать допустимым для премьеры будущей европейской державы называть непокорившееся население Донбасса «недочеловеками»; если делать вид, что бредовая идея «новой китайской стены» — не клинический сдвиг премьерского сознания, а борьба с агрессивным соседом; если можно с одобрения властей крушить памятники фактического создателя Украины в её нынешних границах, лишь бы продемонстрировать свою ненависть к русским, и всё равно в глазах просвещённой Европы оставаться демократами, то почему русскоязычным СМИ Германии не внести свою посильную лепту в благородный процесс вбивания клина между двумя кровно связанными народами.

Разве в сердца Арсения Яценюка или Бени Коломойского (Беня, как и Орлуша — клички), снаряжающего карательные батальоны, стучит пепел шести миллионов их соплеменников, загубленных и сожжённых в фашистских концлагерях?

Отнюдь. В их сердца стучат миллионы американских долларов, причём в гораздо большем, как я понимаю, количестве.

В былые времена считалось, что «несовпадение взглядов ещё прощается, несовпадение вкусов — никогда...». Но в наши дни несовпадение взглядов не только не прощается, но и наказывается. Понимаю, что в случае публикации рискованную статью не просто нерукопожатным. Тем не менее невозможно больше молчать в тряпочку.

Поэтому, как и поэт Орлуша, вернее в отличие от него, позволю себе откровенность: ни при каких обстоятельствах мне не может быть стыдно, что я еврей.

Мне стыдно, что среди евреев есть такие украинцы, а среди русских такие Орлуши.

И да простят меня Ильф и Петров, слегка перефразируя известную фразу отца Фёдора из «Двенадцати стульев»: «Ах, Орлуши, Орлуши, большие вы...» Далее по классическому тексту!

БОРИС ЗАПЯТИН,
БЕРЛИН

ЗНАЙ НАШИХ!

Лауреаты и юбиляры

Наша коллега, редактор отдела «Общество» «ЛГ» Людмила Мазурова (в центре) принимает поздравления. Она стала лауреатом престижной премии Москвы в области журналистики за прошлый год. В торжественной обстановке в Белом зале мэрии ей в числе других золотых перьев столичной журналистики вручен диплом и медаль лауреата. Людмила Александровна ведёт в газете страницы «Общество» и «Человек», и мы рады, что её труд высоко отмечен.

В начале наступившего года подведены итоги творческого конкурса на лучшее

освещение деятельности Государственной Думы в российских средствах массовой информации за 2014 год. Среди лауреатов конкурса, которым в День российской печати председатель Госдумы Сергей Нарышкин вручил дипломы и подарки, обозреватель отдела политики и экономики нашей газеты Владимир Сухомлинов (второй слева).

В 1985 году, ещё при редакторстве легендарного Александра Чаковского, в «ЛГ» в библиографический отдел пришла работать Виктория Преловская. Наша уникальная редакционная картотека, к которой мы обра-

щаемся регулярно, в большой степени её рук дело. Сейчас Виктория Григорьевна трудится в отделе проверки.

В самом начале 2015-го отметили юбилей и литгазетовец со стажем, заместитель главного редактора Леонид Колпаков. Он трудился в «Вечерней Москве», был в числе первых сотрудников еженедельника «Век», который оставил свой след в истории отечественной журналистики. И вот уже 18-й год он отвечает за выпуск «ЛГ», руководит отделом искусства.

Искренне поздравляем наших коллег — поводы для этого более чем приятные.

ОЧЕРК

Дорога к дому

Пожалуй, самое сильное чувство в человеке – это чувство его малой родины

НЕРАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ

Сюда, в деревню Погост, что на Клязьме, уже лет десять я приезжаю за тишиной. Здесь, в 169 километрах от шумной и светлой Москвы, сказочно былинную тишину оттеняет летом музыкальный стрёкот кузнечиков в пересушенной августовским солнцем траве, зимой – звон хрустящего под валенками снежного наста, сверкающего мириадами искр. А былинную – потому, что спускась к реке, минуешь дубовую рошу, выросшую на склонах и темени холма, где до сих пор, с начала тринадцатого века, сохранились очертания древнерусской крепости Осовец – её мощные валы и глубокие рвы. Жители окрестных деревень называют её – Городок.

Тишина здесь особенная. Обычное треньканье синиц, свист иволги, обморочные, на всю ночь, трели майских соловьёв звучат оглушительно. А как-то весной, в середине дня, сидя вдовне за ноутбуком, я услышал возмущённое, протяжно-громкое горловое курлыкание, непонятно – чьё. Выбежал на крыльцо, увидел низко в небе огромную стаю перелётных гусей, обнявших сизыми (размах – два метра) крыльями чуть ли не пол-неба. Они, спускаясь, со свистом рассекая воздух, скрылись за соседними крышами, и я, оседлав велосипед, помчался следом. И, выехав на асфальтовую дорогу к деревне Жохово, увидел: большое вспаханное поле стало живым и сизым от усеявших его гусей; они там, на свежей пахоте, кормились, и их гогот был похож на переключку уставших путешественников, направлявшихся к местам своей малой родины.

В первые годы моей деревенской жизни экзотика здешних мест казалась мне тайной, не поддающейся расшифровке. Почему обширное пространство между рекой, узкой полоской леса и деревней называют здесь Ханский луг (или вариант – Убитое поле)? Спрашиваю односельчан. Не знают. Сворачиваю к реке с удочками, по крутому спуску, именуемому Гужёвка, мимо дома, стоящего неподалёку, владеlec которого – Гужёв. Интересно у своих соседей: в честь хозяина дома назван спуск? Нет, отвечают, здесь в окрестных деревнях Гужёвых много. Как, например, Зайцевых и Котковских. А про Городок объясняли: хоро- воды там водили вокруг костров в далёкие времена, так старики рассказыва- ют. Да только ли хоро- во? А откуда прорывавшие мечи и наконецники стрел, вымываемых на склонах холма летними ливнями?

И попалась мне в те годы книжка местного краеведа-лю- билителя Родионова Сергея Ивановича («Край мой, любовь моя...»), ходившая по рукам. Оказалось: Ханским лугом (Уби- тым полем) называется место, где хан Батый со своим многотысяч- ным войском, уходящим по за- мёрзшей Клязьме после разгра- бления Рязани, был настигнут Евпатием Коловратом и крепко бит (1237 год). Почти весь не- большой отряд Коловрата по- ги вместе со своим отжатым воеводой в этой неравной и без- надежной схватке. Хан Батый, потрясённый одержимой стой- костью русских, допрашивал из- раненных успешных: «Чего вы хотите?» – «Умереть!» – отве- чали ему, потому что возмездие для них было ценнее жизни. По легенде – Батый распорядился отдать пленникам тело Евпатия, разрешив предать его земле по русскому обычаю.

Так ли это? И если Коловрат похоронен здесь (предположи- тельно – на старом кладбище, расположенном на спуске к реке, с левой стороны от Городка), как и чем это подтвердить? Ведь у рязанцев, поставивших памятник Евпатию Коловрату, свои на этот счёт предположения.

Попытался я найти автора книжки. Оказалось, его уже нет в живых. Поговорил с его доче- рью – заведующей местной би- блиотекой в посёлке Заречное Татьяна Сергеевной Трыки- ной. Она рассказала: отец (че- ловек чрезвычайно дотошный, работал ведущим специалистом на животноводческом комплек- се) все последние годы ездил по архивам, изучал летописи, кон- сультировался с историками-учёными. И оставил после себя эту книжку. Такое вот удивитель- ное наследство.

А тем временем и моя жизнь в деревне всё больше приобретала исследовательский характер. Ме- ня завораживала не только исто- рия деревни, а ещё и особенности

быта и бытия моих односельчан, и я написал о них книгу новелл «День в августе» (издана москов- ским издательством МИК в 2012 году, а в 2014-м получившая ли- тературную премию имени Антона Дельвига). И как-то летом дал книжку соседям – полистать, не очень-то надеясь на пристальное внимание, ведь и горожан и се- лян отаживает сейчас от серьёз- ного чтения агрессивно-развле- кательное телевидение. Книжка же стала путешествовать из дома в дом, и однажды, в погожий лет- ний день, внучка оторвала меня от ноутбука: «Дед, выйди, тут к тебе какая-то делегация». Вы- хожу на крыльцо и вижу: во дворе – толпа. Лица все знакомые, живём-то на единственной здесь улице. Многие из них – персона- жи моих новелл – просят пода- рить (или продать) книгу. Про- давать я не стал – жизнь здесь тесна настолько, что все друг дру- гу становятся близкими людьми, с близким же человеком вступать в товарно-денежные отношения

крыш, и вот этот, зацветающий летом, водоём. Теперь там, где жили люди, росли дети, где ри- сунок каждой тропинки навсегда оставался в детской памяти, сей- час живут одни караси...)

Внук брызгуновского дирек- тора Александр Маслѳв, став учителем, а затем и директором школы в областном городе Вла- димире, увлѳкс исторически- ми изысканиями. Началось, как это часто бывает, с бабушки Ана- стасии Ивановны. С рассказан- ной ею легенды, кочевавшей по окрестным деревням, о том, как возникла крепость Осовец. Буд- то бы князь Владимир, сплав- ляясь на стругах по суходолной тогда Клязьме со своей дружи- ной, выбирал место для будущей столицы, и у нынешнего Постога икона в руках сопровождавшего воинов батюшки «кинула». И князь, осматривая крутой холм, решил: «Значит – здесь!» Разби- ли шатры, но наутро поделился князь своим сном: будто явил- ся ему старец и сказал, что ниже

множеством каких-то крючков и шестерѳнок. Торжественно объясняет: «Это шерстобитная машина! Благодаря ей произво- дилась шерсть, из которой валя- ли валенки – главную нашу зим- нюю обувь».

– Нет, владимирские кре- стьяне не только пахали зем- лю, – рассказывает Александр Маслѳв, – они кормили боль- шие многодетные семьи плот- ницким ремеслом. И – рыбной ловлей. И – пчеловодством. А ещё – плisosрезным промыслом. И – выпойкой телят. Деревни здесь отличались многолюдьем. В Брызгунове в 1905 году, со- гласно статистике, насчитыва- лось 109 дворов и 800 жителей. И так почти в каждой деревне! Люди были главной ценностью нашей страны, и эту ценность в минув- шем столетии истоцили – война- ми, раскулачиванием, указами и постановлениями, урезавшими приусладебные участки, гиганто- манией, сметающей деревни и сѳла... Не потому ли сейчас у нас так

с множеством фамилий, с назва- ниями деревень, стѳртых с лица земли, но – не из памяти.

...И сюжет из позапрошлого века: в деревне Кадыево Влади- мирской губернии жили-были Матвей Васильевич и Лука Васи- льевич Лосевы, два брата-коро- бейника. Блюли строгие нравы, чураясь вина и прочих изли- шеств. Торговали вразнос. Ско- лотили капитал. И за две тысячи пятьсот рублей серебром купи- ли земельный участок – там, где сейчас, вблизи Клязьмы, рас- положен наш райцентровский городок Собинка. Построили текстильную фабрику, для чего «выписали» из Англии не только станки, но и специалистов, учре- див «Товарищество Собинской мануфактуры».

Это предприятие позже, уже под руководством сына Луки Васильевича – Александра Лу- кича, превратилось в одну из са- мых крупных российских фирм. А сам Александр Лукич стал од- ним из известнейших в те годы благотворителей. Император Николай II 3 апреля 1906 года утвердил ходатайство городской думы о присвоении А.Л. Лосеву звания «Почѳтный гражданин го- рода Владимира».

По свидетельству современ- ников, он выглядел так: человек чуть выше среднего роста, брил бороду, оставляя усы, всегда в сюртуке, в белой сорочке с чѳр- ным галстуком-бабочкой. В сол- нечные дни ходил по улицам под зонтиком. Говорил тихо, улы- бался редко. На подчинѳнных не кричал, позволяя себе выразить неудовольствие лишь язвитель- ным тоном.

Размеры его благотворитель- ности трудно вычислить. На его средства было построено и со- держалось училище для слепых, сейчас там школа-интернат для слабовидящих детей. На месте снесѳнного городского ночлеж- ного приюта он выстроил на свои средства Дом дешѳвых квартир. Это был большой трёхэтажный дом из 47 комнат. 29 из них – для бесплатных квартирантов, остальные оплачивались от 3 до 7 рублей в месяц. Там же распола- галась школа рукоделия, где де- ти обучались ремѳслам, огород- ничеству и садоводству. В годы Первой мировой войны бежен- цев, прибывших во Владимир, на первых порах селили в Дом дешѳвых квартир... Можно ли забыть имя человека, чья жизнь была примером подлинного, а не показного патриотизма?

Александру Маслѳву и всем тем, кто интересуется историей этого уголка Владимирской зем- ли, есть чем гордиться. В сель- це Ундол (сейчас это железно- дорожная станция на пути во Владимир) было имение фельд- маршала Суворова, очень лю- бившего заречные сиие дали, свой парк, открытую им школу для крестьянских детей, создан- ный при школе хор (оказывается, обожал петь со всеми!). А в селе Черкутино в 1772 году родился Михаил Михайлович Сперан- ский, великий русский рефор- матор, обособивший необходи- мость отмены крепостного права.

Есть здесь деревня Митрофа- ниха, о которой в писцовый кни- ге 1797 года сказано: «...В дерев- не имеется 41 крестьянский двор, мужчин 145 и женщин 151 – кре- стьян господина надворного со- ветника Ивана Никифоровича Грибоедова...» Это дед Алексан- дра Сергеевича. От родового имен- ния Грибоедовых, к сожалению, остались лишь старые парковые деревья.

Сохранилось в здешней округе несколько усадебных комплек- сов XVIII–XIX веков, принадле- жавших известным дворянским родам России: князьям Оболен- ским, Салтыковым, Zubовым, Ромодановским, Голицыным.

И стоят церкви, построенные на деньги местных жителей, выход- цев из купеческого сословия.

...История проходит сквозь наши жизни, не спрашивая нас, временно живущих на этой земле. Но от нас зависит, оставит ли она след в па- мяти потомков.

Игорь ГАМАУНОВ, ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛ. – МОСКВА

Работает в «Литгазете» 35-й год (с 15 августа 1980 года). Член Сою- за журналистов, Союза писателей Москвы. Лауреат правительствен- ной премии и литературной премии им. Антона Дельвига. Награждѳн орденом Дружбы. Автор громких су- дебных очерков, журналистских рас- следований, романов, повестей и рас- сказов.

Александр Маслѳв в своей мастерской-музее

негоже. Раздал одну упаковку, не хватило. Привѳз из Москвы ещё несколько упаковок, заод- но одарив книгами и местную библиотеку.

И задумался вот над чем: исто- рико-краеведческая литерату- ра сейчас издаѳтся в каждом об- ластном городе и на прилавках не залѳживается; краеведением занимаются не только профес- сионалы-историки, но и люби- тели. Почему? Не потому ли, что наступило в России время обнов- лённого самопознания: кто мы? Какие мы? О чѳм нам надо по- мнить, чтобы не петлять по одним и тем же, давно проторѳнным до- рогам прошлых ошибок?

Втянутыми в этот исследова- тельский водоворот оказались самые разные люди. Расскажу об одном из них.

КОЛОДЕЦ ПОД КРЫШЕЙ

С Александром Маслѳвым я познакомился минувшим ле- том. Вначале – заочно. Прихожу с реки – дожидается меня пись- мо. Весьма церемонное:

«...С некоторых пор я отно- шусь к числу тех, кто прочитал вашу книгу «День в августе», а ранее видел публикацию о Погосте и окрестностях в «Литературной газете». Желание выразить вам признательность подталкива- ет меня поделиться некоторыми краеведческими материалами...»

О себе – коротко: «Я поѳшёл по стопам деда... Дед же мой, Александр Иванович, со- рок два года проработал сельским учителем, из них тридцать пять – директором Брызгуновской на- чальной школы, это в нескольких километрах от Погоста. После затопления Брызгуново и ещё не- скольких соседних деревень в 1979 году наша семья переселилась в Погост...»

(Я видел тот обширнейший, затопивший деревню водоѳм, порождённый эпохой гиганто- мании, – с плоскими илистыми берегами, в погожие дни усеян- ными любителями карасей. Ви- дел траурный обелиск на взгорье с перечислением погребѳнных в воде селений. Такой огромный объѳм воды понадобился по- строенному в 70-е гигантскому животноводческому комплексу, который в 90-х был на грани раз- зорения, с трудом вписался в ры- ночные отношения, он оставил дождям и ветрам большую часть своих ангаров, зияющих сейчас своими стропилами обрушенных

по течению есть более удобное место. И отправилась дружина дальше, туда, где теперь стоит город Владимир. А в месте кня- жеского ночлега была возведена крепость, названная Осовцом, сейчас в окрестных деревнях сѳ называют Городком.

Увлечение историей малой родины привело Александра Маслѳва в областную библиоте- ку и областной архив. «Я не став- лив перед собой задачу заняться серьёзными историческими или литературными исследования- ми, – признавался Александр Владимирович. – Мне просто это было интересно. И я испыты- вал потребность познать что-то чуть больше, чем знают мои зем- ляки, и рассказать им об этом». Сообщил о себе, что сейчас ра- ботает заместителем директора школы при российском посоль- стве в Софии и в Погосте бывает только летом. А заканчивая пись- мо, Маслѳв приглашал меня к се- бе, в «дом перед оврагом», это в конце улицы.

И вот – главное впечатление минувшего лета: спортивно-под- тянутый, сдержанно-улыбчивый человек ведѳт меня по своему са- ду, к обрывистому спуску, за ко- торым открывается ровная ре- чная долина – тот самый Ханский луг, с торчащим у края оврага продолговатым холмом поразит- ельно правильной формы. «Что это? – спрашивает Маслѳв. – Творение природы? Или всё-та- ки – дело рук человеческих?» И я вспоминаю легенду о том, что после боя с Коловратом батыевы пришельцы погребли здесь своих погибших, что захоронению это- му народ дал презрительное на- звание «Вишивая горка».

Мы возвращаемся в дом, вхо- дим в коридор, наткнемся на сруб колодца, и Александр Вла- димирович объясняет: стали здесь, у крыльца, рыть колодец для хозяй- ственных нужд, со дня же вдруг забил ключ с замечательно-чи- стой питьевой водой. Так у них образовался колодец под крышей! Хозяин ведѳт меня дальше, в кры- тый двор, обещая показать свою мастерскую, но попадаем мы в подобие музея. Здесь, на верста- ке и на полках, выставлены все те инструменты, которыми пользо- вались местные столяры и плот- ники, отправлявшиеся каждую зиму в отхожий промысел.

И, наконец, Маслѳв жестом волшебника, смеающего вре- мена, снимает кусок брезента с непонятого, похожего на ро- аль сооружения, оснащённого

много брошенной земли, зараста- ющей ядовитым борщевиком?..

Я слушаю Александра Мас- лѳва и думаю, как же, наверное, он скучает там, в тѳплой Болга- рии, по здешним синим зареч- ным даям, по своему дому с резными наличниками, по му- зейным своим экспонатам, ко- торые собирает уже много лет... Видимо, всё-таки самое живуще чувство в человеке – это чувство его малой родины, то, что он пе- режил в раннем детстве, что под- питывает его настоящей тягу в родные места, заставляя каждую весну повторять маршрут пере- лѳтных птиц.

ОЖИВШИЕ ИМЕНА

Уходил я из дома Маслѳвых (после чая, после знакомства с мамой Александра Владимиро- вича, с его дочерьми – их у него троѳ!) обременѳнный объѳмистой папкой в руках, раздувшейся от собранных им краеведческих ма- териалов. В них – описания нрав- ов и быта далѳких лет, забытые события и имена. Те, что нель- зя забывать. Потому что ведь во все времена, какими бы тяжки- ми они ни были, живут люди, чья жизнь становится примером привязанности к своей малой родине. Судьбой таких людей Маслѳв интересовался давно. Вот два сюжета, извлѳчѳнные им из подшивок старых газет и доку- ментов прошлого.

...Брызгуновский земляк Мас- лѳва – Жукин Василий Михайло- вич, известный в здешних местах строителем, став пенсионером, за- интересовался своей родослов- ной. Нашѳл могилу прадеда – в посѳлке Костерѳво, восстановил над ней полуразрушенную часов- ну. И как многие брызгуновцы, был тяжело травмирован, когда сооружѳнный водоѳм навсегда поглотил драгоценные места его детства.

Остановить затопление он, разумеется, не мог, но как че- ловек действия решил хотя бы увековечить названия деревень. Обзвонил-обѳшёл всех состоя- тельных земляков и знакомых предпринимателей – «с шапкой по кругу». Собрал нужную сумму. Возвѳл гранитный обелиск. И – спохватился: из этих же дере- вень в годы войны ушло на фронт почти всё мужское население, а вернулась примерно одна пятая часть. Как не забыть их имена? И снова Василий Михайлович пошѳл «по кругу». И вот резуль- тат – большая мраморная плита

ФОРУМ

Диалог во имя развития

Несколько сотен делегатов со всей страны – представителей некоммерческих неправительственных организаций, реализующих социально значимые проекты, – приняли участие в работе общероссийского форума «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития», организаторами которого выступили Общественная палата и семь опера- торов президентских грантов. Вместе с членами феде- ральной и региональных общественных палат и граждан- скими активистами обсуждали вопросы взаимодействия социально ориентированных НКО, в том числе и занима- ющихся просветительством, с государством.

В рамках форума были организованы тематические круглые столы, проводимые грантооператорами – Ли- гой здоровья нации, обществом «Знание» России, Ин- ститутom социально-экономических и политических исследований, Институтом проблем гражданского обще- ства, Национальным благотворительным фондом, Рос- сийским союзом молодѳжи и движением «Гражданское достоинство».

Обсуждению актуальных общественных, просветитель- ских и образовательных проблем был посвящѳн круглый стол общества «Знание», состоящий из двух последова- тельных блоков: «Просвещение – основа комплексно- го развития и воспитания личности» и «Популяризация исторического и культурного наследия, русского языка и литературы через реализацию социально значимых проектов». Модерирование круглого стола осуществя- ла вице-президент общества «Знание», ректор Курско- го института менеджмента, экономики и бизнеса Галина Окоркова.

С проблемными докладами выступили доктор эконо- мических наук, профессор Владимир Новиков; предсе- датель Липецкой региональной организации общества «Знание» Андрей Насопрун; член Общественной палаты РФ Роман Дошинский; декан факультета истории, поли- тологии и права Московского государственного област- ного университета, доктор исторических наук, профессор Вардан Багдасарян.

В работе круглого стола активное участие также при- няли начальники управления по общественным проектам администрации президента Павел Зѳнькович, депута- т Госдумы, доктор педагогических наук Николай Булаев; председатель Комитета ГД по образованию, доктор исто- рических наук Вячеслав Никонов; ректор МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН Виктор Садовничий; советник Президента РФ Владимир Толстой.

В заключительном пленарном заседании форума при- нял участие президент России Владимир Путин.

Соб. инф.

ПОЧТА «ЛГ»

Ох, рано встаѳт охрана

В охране зачастую работают пенсионеры, уволенные в запас сотрудники МВД, армии, люди, которым нужен гибкий график, те, кто потерял свою профессию по- сле смены строя (преподаватели истории КПСС, научного коммунизма и т.д.), работники бюджетных сфер – образо- вания, культуры, которым переучиваться было поздно, да они и не считали это нужным. К чему это я?

Наши теле- и радиопропорки частенько бросают фразы типа: страна вахтѳров, охранников и т.д. Но уверите эту категорию – завтра сами же без штанов останетесь. Образ вот такого «дебилизированного» охранника, к со- жалению, создали наши контуженные неожиданным сво- бодой литераторы и кинематографисты в 90-е годы. Я часто бывал за рубежом и видел, какое там отношение к секьюрити – цивилизованное, и платят так же. А если у нас какой-нибудь «чепист» берѳт на работу маргинала и платят ему 600 рублей в сутки – можете поверить – он и сам по своему нравственному уровню недалеко ушѳл.

– Засунуть бы ему эти 600 рз... – возмущается мой знакомый пенсионер, охранник автостоянки Григорий.

Конечно, охрана многолика. Есть подразделения, охра- няющие серьёзные объекты, серьёзных людей. Не о них сейчас речь – там и требования соответственные, и заработок другой. Я закончил гуманитарный вуз, и рад бы работать, как работал при социализме, но... данные виды услуг стали невостребованными, да и денег на них у государства нет. Поэтому при удобном графике охра- ны подрабатываю на сцене театра и пишу статьи. А мой коллега Сергей разводит пѳёл, продаѳт мѳд, делает уди- вительных кукол под заказ...

Старая мудрость гласит: «Любая работа хороша и ува- жается, если она во благо». Думаю, охранять кого-либо и что-либо – благо.

ВАЛЕРИЙ СМРНОВ, охранник, актѳр, журналист

Простое ли это совпадение или важный знак, но 2015 год, объявленный в России Годом литературы, открылся 15 января 220-летним юбилеем Александра Грибоедова. По-моему, главная интрига этого совпадения заключается не в том, что юбилей позволил нам ещё раз вспомнить об авторе бессмертной комедии «Горе от ума», а в том, что эта юбилейная дата заставляет нас взглянуть на историю русской литературы именно через призму жизненного подвига Грибоедова, в облике которого в России явился «гражданин грядущего века», безмерно талантливый и отважный сын своей Родины, ставший «самым могучим проявлениям русского духа» (В.Г. Белинский).

Весь жизненный путь поэта был связан с преданным служением Отечеству, невзирая на хитротолки злопыхателей и адские опасности этого пути. Несмотря на героическую гибель, на Грибоедове до сих пор лежит клеймо чиновника, который якобы не справился со своими обязанностями и оказался сам виноват в разыгравшейся трагедии. А что говорить о звучащей до сих пор критике, будто Грибоедов — автор лишь одного произведения, который «исписался» сразу же после завершения «Горя от ума».

Особенно же «не повезло» Грибоедову в вопросе увековечения его памяти. Достаточно сказать, что, не считая музея в Хмелите Смоленской области, где поэт бывал только в детские годы, его музея нет ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. Для сравнения: в память Пушкина в России открыто не менее 12, а Лермонтова — не менее 5 музеев. В Москве нет также ни улицы (она была ранее, но в 1994 году оказалась переименованной в Малый Харитоньевский переулок), ни площади или даже станции метро имени Грибоедова (в Петербурге есть набережная канала Грибоедова). Правда, в Москве есть так называемый Грибоедовский дворец бракосочетания и памятник поэту на Чистых Прудах, но этого слишком мало для человека, прославившего Москву не только своим рождением и творениями, но и отражением целой эпохи в её истории, которая по праву была названа «Грибоедовской Москвой».

Любопытно, что в Москве открыты и действуют не менее 20 музеев, посвящённых тем или иным мастерам слова, и очень странно, что в этом списке нет Грибоедова. Такое отсутствие особенно разительно, если учесть, что в столице есть музеи В.Л. Пушкина, А. Герцена, В. Брюсова, Андрея Белого, К. Паустовского, М. Цветаевой, Н. Островского и В. Высоцкого, которые, конечно, достойны музейной памяти, но вряд ли более, чем Грибоедов. «Отечество, сродство и дом мой в **Москве**» — так писал поэт о своём родном городе, в котором ему суждено было прожить почти безвыездно, не считая летнего отдыха, почти 17,5 лет до вступления корнетом в Московский гусарский полк. В Москве поэт учился в университете, проявил свой первый интерес к литературе и драматургии. Позже он был в Москве проездом восемь раз в самые важные периоды своей жизни, но самое главное, что с марта 1823-го по май 1824 г. он провёл в столице более 13 месяцев, накапивая наблюдения и завершая «Горе от ума».

Получается, что из короткой жизни Грибоедов провёл в Москве около 19 лет, и как обидно, что в столице не увековечена достойным образом память о её выдающемся сыне. Первоочередными мерами на этом пути представляется решение вопроса о присвоении имени Грибоедова одной из улиц, площадей или станций метро, а также создание в Москве музея поэта (или, возможно, одновременно и музея Грибоедовской Москвы). К счастью, в отличие от несохранившихся московских зданий, где поэт родился и провёл самые юные годы, сохранилось то самое здание по Новинскому бульвару, 17, которое мать поэта Н.Ф. Грибоедова приобрела ещё в 1801 г., а потом, после пожара Москвы при французах, выстроила заново. И хотя это здание за прошедшее время не раз перестраивалось, его можно считать «родным» домом поэта.

ДОРОГИ ПОЭТА: ОТ МОСКВЫ ДО ТЕГЕРАНА

«Прощай, мой друг, сейчас опять в дорогу» — эти слова Грибоедова из письма другу С.Н. Бегичеву можно смело поставить в качестве эпиграфа ко всей скитальческой жизни поэта: из 34 прожитых лет ему выпало почти беспрерывно скитаться более 16 лет после отъезда в армию из Москвы летом 1812 г. И неслучайно сам поэт называл себя «секретарём странствующей миссии» и писал «о частых разъездах, поглощающих пять шестых времени».

Началось же всё со службы корнета Грибоедова до конца лета 1815 г. в Брест-Литовске в Кавалерийских резервах под командованием генерала А.С. Кологривова. В июне 1817 г. поэт был принят на службу в Коллегию иностранных дел на должность губернского секретаря, в декабре 1817 г. произведён в переводчики, а 14 июля 1818 г. назначен секретарём при русском поверенном в Персии С.И. Мазаровиче. В итоге своего «персидского выбора» Грибоедов, выехав из Петербурга в конце августа 1818 г., вернулся в Москву только в начале марта 1823 г., а в Петербурге появился лишь в июне 1824 г. В этот раз он пробыл на Востоке почти четыре с половиной года, в том числе непосредственно в Персии около двух лет и восьми месяцев. Тогда поэт не знал, что его ждёт ещё три периода пребывания на Востоке.

Получается, что поэт провёл на Востоке без малого семь лет, в том числе в Персии около трёх лет и восьми месяцев. А если учесть, что все эти командировки сопровождались долгими поездками по России, то понятным становится, почему поэта многие называли «странником», да ещё с приставкой «персидский». Расстояние от Петербурга до Тифлиса и обратно поэт проехал семь раз, а это 2670 вёрст и 107 почтовых станций в один конец, что в итоге составляет около 20 000 вёрст. Можно сделать подсчёт, что в целом непосредственно в дороге Грибоедов провёл около двух с половиной лет, преодолевая за день в среднем 40–50 вёрст.

Наряду с Московской колоссальную роль в судьбе поэта сыграл **Санкт-Петербург**, в котором он провёл суммарно почти пять лет: в 1815–1818, в 1824—1825, в 1826 и 1828 гг. Здесь он впервые появился

как корнет, затем жил после отставки с военной службы, начинал свои литературные опыты, поступил на службу в Коллегию иностранных дел, отсюда отправился в Персию. Позже он заканчивал здесь «Горе от ума», пережил наводнение, находился под арестом по подозрению в участии в движении декабристов и был прощён императором. Именно сюда поэт торжественно привёз Туркманчайский договор, здесь он сдружился с Пушкиным, отсюда же он в качестве полномочного министра отправился в своё последнее персидское хождение.

Следующим важным для поэта местом стал **Тифлис** (ныне Тбилиси), где Грибоедову суждено было с 1818 по 1828 г. за время нескольких длительных пребываний прожить около трёх лет. Поэт считал этот город почти родным. «Спешите в Тифлис, — писал он после краткого нахождения в городе, — не поверите, что за роскошь!». В этом городе поэт нашёл и применение своему таланту дипломата и государственного деятеля, и вдохновение для творчества, и свою любовь к Нине Чавчавадзе. Особым местом притяжения для поэта стало имение князя А. Чавчавадзе Цинандали в Кахетии. За два месяца до гибели Грибоедов писал: «Прощай нестолковое... ведь это не главная моя статья. Цинандали и Кахетия большего стоят...» И совсем неслучайно упокоится поэту выпало именно в Тифлисе на горе Мташминда, ведь он сам сказал как-то жене: «Не оставляй костей моих в Персии, если умру там, похорони меня в Тифлисе, в монастыре Св. Давида».

Жизнь в эпоху славы

А.С. Грибоедов. Портрет работы В. Сорокина

Проявить свой дипломатический талант Грибоедову пришлось прежде всего в **Тавризe** (Тебризе) — столице иранской провинции Южный Азербайджан, ставшей местом, где Грибоедов провёл в целом почти два с половиной года, так как именно там находилось посольство России. Долгая и уединённая жизнь в этом городе сослужила поэту огромную пользу. Он ещё больше узнал нравы и обычаи Персии, обогатил свой дипломатический опыт, выучил персидский язык, прочёл всех персидских поэтов. Главное же, что именно в Тавризe поэт сделал свой первый шаг к бессмертию — созданию комедии «Горе от ума».

А роковую роль в судьбе поэта сыграл **Тегеран**, куда Грибоедов приехал в первый раз в начале марта 1819 г., оставаясь там до середины августа. Во второй раз Грибоедов провёл в Тегеране всего лишь месяц, вплоть до дня трагедии 30 января 1829 г. Этот город поэту, как свидетельствуют его записи и письма, в итоге так и не понравился.

Стоит подчеркнуть, что почти все странствия поэта, которые он называл «противувольными», протекали в сложнейших условиях того времени, порой в зимнюю стужу или несносную жару, и не могли не вызывать нередко подавленные настроения у поэта: «Нет! Я не путешественник!

Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее; но по доброй воле, из одного любопытства никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года». И как тут было обойтись без мрачных предчувствий, которые постоянно сопровождали поэта. Он сам нагадал себе пророчество ещё в Новгороде по пути в Персию, в письме Бегичеву 30 августа 1818 г., вспоминая судьбу Александра Невского, скончавшегося, возвращаясь из Золотой Орды: «Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто весёлое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался; может и соимённого ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!»

В октябре 1824 г., мечтая об отпуске, поэт, пресытившись столицами, писал П.А. Катенину из Петербурга: «...Я здесь на перепутье в чужие края, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собою: отсюда-ва в Париж, потом в Южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийский Боспором в Чёрное море и к берегам Колхиды». Но судьба распорядилась иначе: в мае 1825 г. он направился на службу в Грузию через Киев и Крым, получив возможность первого в жизни путешествия, не отягощённого служеб-

В этом главном здании комплекса, где размещалось посольство, по всей вероятности, и произошёл главный акт драмы – гибель великого поэта и дипломата

Грибоедовский уголок на территории современного посольства России в Тегеране

ными обстоятельствами. «Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом и скоро еду далее, — писал поэт В.Ф. Одоевскому. — Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением... Природа великолепная... прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского Собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на свет...»

Тут перед нами предстаёт новая ипостась, которую обычно обходят стороной, характеризую творческий облик Грибоедова, православного писателя и мыслителя, просто не успевшего проявить себя в полной мере на этом поприще. «Обязанности мои как сын церкви исполняя ревностно. Если бывали годы, что я не исповедовался и не приобщался святых тайн, то оно случалось непринуждённо», — показывал поэт на следствии по делу декабристов. В.Ф. Одоевский отмечал: «Грибоедов был большой знаток нашей старины и едва ли не один из тогдашних литераторов... прилежно занимался русскими древностями. Летопись Нестора была его настольною книгою. Этим постоянным чтением Грибоедов приобрёл необыкновенную в то время чистоту языка и те смелые русские... идиомы, которыми отличается слог его».

Поэт искал темы для воплощения своего интереса к русской истории и, посетив в Крыму Корсунь (Херсонес), задумал написать трагедию о святом князе Владимире, принявшем там крещение. В Крыму же, как свидетельствовал А.Н. Муравьёв, Грибоедов рассказал ему план трагедии о князе Фёodore Рязанском, посланном в 1237 г. на переговоры с Батыем и злодейски убитым. В 1826 г. поэт признавался одному из знакомых: «Душа моя темница, и я написал трагедию из вашей Рязанской истории». Сохранилась сцена «Серчак и Итляр», которая, вероятно всего, и должна была войти в эту трагедию. В 1828 г. Грибоедов приступил к созданию драмы «1812 год», план которой и одна из сцен также сохранились.

Гадать — неблагоприятное дело, но останься поэт жить, можно представить, куда он мог в дальнейшем направить свои творческие порывы. Об этом могут косвенно свидетельствовать также чудом сохранившиеся комплекты Грибоедова при чтении им таких весомых трудов по русской истории, как «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова и «Древняя Российская вивлиофика». А его собственные «Заметки по исторической географии России» демонстрируют превосходное знание поэтом отечественной истории.

Странствия не только наполняли жизнь поэта, они звучали во весь голос в комедии «Горе от ума». Начнём с того, что главный герой комедии Чацкий тоже странник, причём добровольный, испытывающий

«охоту странствовать» и «ездить далеко», «искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок». Чацкий появляется в комедии в промешутке между странствиями — только «с корабля» и уже через день требует себе карету. И.А. Гончаров оценивал Чацкого как деятельного человека, «передового курьера неизвестного будущего», «русского Гамлета»: «...Ум его играл страдательную роль, и это дало Пушкину повод отказать ему в уме. Между тем Чацкий как личность несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века». Гончаров совершенно справедливо соединял Чацкого с самим Грибоедовым, утверждая, что «они недаром были» — хотя и бескорыстно, не для себя и не за себя, а для будущего и за всех».

М.О. Гершензон в своём знаменитом труде «Грибоедовская Москва» (1914) совершенно справедливо писал, что «в известном смысле «Горе от ума» — эпизод из жизни самого Грибоедова, и сам автор — прототип Чацкого... Чацкий взят в той самой позиции, в какой дважды был сам Грибоедов, — вернувшимся в Москву после долгого отсутствия... Особенно любопытны в этом отношении обмолвки комедии, ещё более приближающие Чацкого к Грибоедову. Чацкий имеет каское-то странное отношение к литературе: он, как сам Грибоедов, — «пишет, переводит». И где он был эти три года? Не в Персии ли?

НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Когда 21 января 1826 г. в крепость Грозную прибыл фельдегерь с приказом арестовать Грибоедова, благодаря содействию генерала А.П. Ермолова поэт успел уничтожить почти все свои бумаги, кроме списка «Горя от ума», чтобы себя не скомпрометировать. Злой рок в первый раз нанёс удар по наследию поэта, ведь тогда погибли не только письма и дневники, но и некоторые стихи Грибоедова. Во второй раз этот же рок привёл к полному уничтожению бумаг поэта в Тегеране во время трагедии, в третий раз во время пожара в доме его вдовы Н.А. Чавчавадзе сгорели письма и часть архива писателя, а в четвёртый раз в огне пожара в доме его дальнего родственника и биографа Д.А. Смирнова в 1877 г. погибли так тщательно собиравшиеся последним материалы к биографии Грибоедова. Вот почему нам до сих пор приходится удивляться, каким скудным оказалось наследие человека, которого Пушкин ставил в первый ряд поэтов российских.

Действительное участие Грибоедова в делах декабристов остаётся до сих пор тайной. Но одно очевидно, что из заточения поэт вернулся почти другим человеком. Он заговорил впервые в жизни о своей «счастливой звезде» и стал утверждать, что «когда характер достойного человека проходит через горнило тяжелейших испытаний, он от этого только лучше становится — поверьте, так говорит нам человек, который знает это по собственному опыту». Россия оказалась 14 декабря на трагической развилке, и то, что Грибоедов с его скептицизмом «глубокого реалиста» оказался, как Пушкин и Чаадаев, не в рядах бунтовщиков, говорит о многом.

И Грибоедов, конечно, никого не предавал, когда продолжал после освобождения служить государю и Отечеству. В эпоху установившегося тогда отчаяния именно в продолжении своей службы он нашёл в итоге лекарство от тоски и безделия, столь свойственных многим его современникам, «пустым и праздным людям» (вспомним образ Евгения Онегина). Он хотел показать всем пример службы «делу, а не лицам». Уже в сентябре 1826 г. Грибоедов снова прибыл в Тифли, вступил в последнюю фазу своей судьбы, которой так завидовал Пушкин. Как человек дела, Грибоедов сам нашёл альтернативу ещё ищущему своё место в жизни Чацкому и как бы подписал «Горе от ума» строками собственного подвига.

Свой главный триумф Грибоедов пережил на стыке войны и дипломати, оконувшись более чем на девять месяцев в самое пекло Руско-персидской войны с «жаждой победы». На этом пути его ждало и личное участие в боевых действиях, и деятельность разведчика-дипломата, и виртуозная работа переговорщика, завершившиеся заключением судь-

боносного Туркманчайского договора между Россией и Персией. 14 марта 1828 г. Грибоедов прибыл в Петербург с этим договором, и «201 пушечный выстрел в крепости возвестил столице о сём благополучном событии». Поэт был принят Николаем I и награждён орденом Анны 2-й степени. Не будем забывать, что, по сути, его подвиг можно назвать военным, ведь проявил он себя именно в военные годы, не раз рискуя жизнью. И если мы представим невозможное, что Грибоедов вообще не написал своей комедии, то одних его заслуг на «персидском фронте» было бы достаточно, чтобы он вошёл в историю в качестве выдающегося дипломата.

Между тем в оценке русских поэтов ещё в дореволюционные, а потом и в советские времена установились странные штампы: чем оппозиционнее и крамольнее был поэт, чем больше он тяготился своими обязанностями на государственой службе, тем он был якобы талантливей и ближе к народу. Это мнение откровенно выразил Н.П. Огарёв: «Грибоедов, спасшись от ссылки посредством родственных связей, примкнул к правительству и на дипломатическом поприще наткнулся на случайную гибель. Но талант его и без того уже был погибшим: он высказал в «Горе от ума» всё, что у него было на сердце, а дальше он ничего не мог развить в себе самом, именно потому, что он примкнул к правительству, этому гробу русских талантов и русской доблести».

А ведь на самом деле получилось как раз наоборот: поэт проявил примеры доблести и таланта именно на государственой службе, и не его вина, что из-за своей загруженности он вынужден был отодвигать в сторону поэтические занятия. Неужели вообще написанная кем-либо поэма или сборник стихов с оппозиционными настроениями могут перевесить на весах истории многолетнюю успешную службу, а тем более реальные заслуги на военном или политическом поприще во славу России? И как же несуразно звучали ещё совсем недавно высказывания советских литературоведов, которые не раз заявляли, что Грибоедову, изменившему идеалам декабризма, надо было уйти в отставку и не заниматься утопиями в духе проекта «Российской Закавказской компании». Такую же тенденциозную оценку можно разглядеть и в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара».

Грибоедову посчастливилось жить в «эпоху славы», когда в России, выполнявшей на Востоке свою освободительную миссию, вновь появилось место для подвига. Он сам писал об этом после Туркманчая, «принёсшего честь» началу царствования нового императора: «Это отзывается Рымникским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет Державина лиры, но дух Екатерины царит над столицою севера». Грибоедов, имевший две аудиенции у императора, был им очарован, кстати, как и Пушкин: «...В разговоре с ним я забыл расстояние, которое отделяет повелителя седьмой части нашей планеты от дипломатического курьера»; «Царь хорош... полслова достаточно в разговоре с ним, он уже наперёд всё постигает»; «Государь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине». В итоге поэт позднее признался: «Я слишком облагодетельствован моим государем, чтобы осмелиться в чём-либо ему не усердствовать».

После этих слов становится понятной готовность Грибоедова служить Отечеству и дальше, несмотря на такие пассажи из его писем того времени: я решил «уехать или совсем бросить службу, которую я ненавижу от всего сердца, какое бы будущее она мне не сулила», «дайте мне моё свободное время, моё перо и чернильницу, больше мне ничего не надо!» «Нас цепь угрюмых должностей // Опутывает неразрывно», — писал поэт в одном из последних своих стихотворений, но реалии жизни так и не позволили ему избавиться от служебных обязанностей.

Может быть, Грибоедов погиб в Тегеране в 1829 г. именно потому, что он уже сделал **всё** и больше ничего не мог сделать? Подобное парадоксальное утверждение прозвучало в словах Пушкина, который в одной из бесед в 1830 г. на слова собеседника: «О Боже мой... не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова», — прямо ответил: «Так что же?». Ведь Грибоедов сделал своё. Он уже написал «Горе от ума». Андрей Битов по этому поводу оставил своё определение творческих особенностей гениальных людей: «Дело в том, что гений, по-видимому, каждый раз делает всё. Создание гения — это некая высшая готовность к смерти. Грибоедов один раз сделал ВСЕ. Пушкин — неоднократно, кстати, и в тот год, когда он сказал так про Грибоедова. Что такое Болдинская осень, как не попытка написать вообще всё, чтобы ничего не осталось?»

Разница между двумя гениями состоит в том, что Грибоедову в силу избранного им сложного дипломатического поприща не оставалось ни времени, ни сил для взращивания своего таланта, Пушкин же в последние годы жизни сделал мощный творческий рывок, служа Отечеству на ниве развития русской словесности. При этом он явно тяготился тем, что не достиг всего возможного на государственой службе.

Удивительна судьба русских поэтов и писателей. Очень часто их творчество и произведение просто затмевают собой жизненные коллизии авторов, как будто написанные, пусть даже гениальные, творения ценнее человеческих судеб. А ведь главное богатство русской литературы, без сомнения, это не столько романы и стихи, а именно судьбы писателей-творцов. Именно так случилось и с Грибоедовым, чья комедия «Горе от ума» долгие годы затмевала фигуру автора.

С 9 февраля в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке откроется выставка «Дорогами Александра Грибоедова: От Москвы до Тегерана», в создании которой мне удалось поучаствовать. Советую читателям посетить её, она поможет ещё раз быть частично пройты теми же дорогами, которые вели когда-то поэта в вечность.

Сергей ДМИТРИЕВ

ПЛАТА

За всё приходится платить:
За газировку и за счастье,
За развлечения, запчасти —
Нам всем приходится платить.
За всё приходится платить:
Свободой за охоту к дракам,
А за любовь — законным браком
Порой приходится платить.
За всё приходится платить:
По утверждённой свхве смете...
За жизнь — и то придётся смертью,
Увы, когда-нибудь платить.
За всё приходится платить,
И, может, это справедливо —
За вдохновеень и за пиво
Ценою подлинной платить.
За всё приходится платить,
И просто глупо горяться
И недостойно мелочиться,
Когда придёт пора платить
За слёзы, смех и за успех,
За свет, любовь, за неудачу...
И тот заплатит больше всех,
Кто хочет выторговать сдачу.

СТИХИ О ПРАВИЛЬНОМ ПИТАНИИ

В Крыму, в дыму, на бреге Иртыша,
В любви, в бою, в круговороте дела —
Духовной пищи требует душа
Не меньше, чем насыщенной пищи тело.
Но если долго жить нам не даёт,
Пока ему не выделена норма,
Душа молчит, когда не ест, не пьёт,
И незаметно тает с недокорма.
И человек становится другим:
Он зверь! Он робот, этот простофиля!
О, сколько душ растаяло, как дым,
Не выдержав духовной дистрофии!
Но, бега, плодясь, трудясь, дыша,
Иерая в сногисшибательные игры,
Не всякий замечает, как душа
Последние утрачивает фибры.
Не доводите дело до беды.
Кому не поздно —
хватит быть баклуши!
Душа никак
не может без еды.
Друзья мои, кормите
ваши души!

ПАВЕЛ ХМАРА,

В 1977–2003 гг. фельетонист, заведующий отделом сатиры и юмора, главный администратор «Клуба 12 стульев»

Когда вечера были большие

Крик души
(Эпистолярная история)

Начальнику ЖЭКа № 5
от жильца квартиры № 37
Селимонова К.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ
Примите меры к гадам соседям и к их смежной звукоизоляции, от которой спать совсем невозможно. Каждую ночь несёт из-под их стен не нашими ночами. Хотели мы написать куда следует, но, во-первых, оказалось — магнитофон. Он у них иностранные слова во всеуслышанье крутит, а когда начинаешь с ними по-хорошему разговаривать или разок-другой ковырнёшь от нервов по фотографии, то они над нами просто издеваются. Говорят, что это они по ночам английский язык учат. Постыдились бы такое говорить при ребёнке — школьнике нашем Кольке, который с нами присутствовал в драке и даже днём этот английский выучить не умеет, что можно подтвердить вторым годом обучения в одном и том же классе. Просим разобраться в этом хулиганстве из смежной квартиры, а то обещаю не последние физические рукоприкладства с мордобоем, пока по ночам не заснут мирным сном, как все нормальные люди, в том числе и англичане.

Отец семейства трёх человек
Селимонов К.П.

Начальнику ЖЭКа № 5
от жильца квартиры № 37
Селимонова К.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ
Пишу вам второй раз, сколько можно. В последнее время совсем dokonали нас соседи своей звукоизоляцией. Хотя мы научились спать под бубуканье их магнитофона, но наша life дала трещину... В моей family началось натуральное медицинское заболевание по нервам — заговариваемся. Встанешь morning, голова полна не наших words, а днём эти выражения из нашего рта так и лезут. Тут yesterday пошёл я с моим friend Васей на уголок drink пива и брякнул ему кое-что из моего нервного заболевания, а этот Vasia подумал, что я его каким-то экспериментальным матом шуганул, и

по face мне врезал, а потом попросил слова переписать. Я уж к doctor ходил, выслушал он меня и сказал, что ничего не понял, потому что в school проходил German и то больше тройки никогда не имел. А мой child Kolia taskает теперь по английскому одни fives, что тоже свидетельствует о его тяжёлом состоянии. Скажите соседям, пусть перестанут хулиганничать at night, а то разговаривать с ними по-хорошему у меня теперь рука не поднимается — совсем сломала меня зарубежная зараза. Help me! А то хана.

Отец family трёх people
Selimonoff K. P.

ЗАЯВЛЕНИЕ

To be or not to be — that is a question!... (и далее следует английский текст, дословный перевод которого приводится ниже). Досточтимый сэр! Вынужден беспокоить Вас ещё раз по безотлагательному делу. Наша семья Селимоновых доведена до крайнего отчаяния, и всё, что нам остаётся, — это уповать на Ваше милосердие. Жизнь наша превратилась в сущий ад — мы потеряли всякий контакт с миром, лишены какой бы то ни было коммуникабельности с окружающими людьми. А без радости взаимного общения стоит ли жить на этом свете?.. Лишь кое-как общаемся мы с нашими соседями из смежной квартиры, но это слишком мучительно для нас. Посудите сами, что общего можно иметь с людьми, которые до сих пор не овладели правильным произношением дифтонга «ou» и вместо Past Perfect употребляют Past Continuous?!! А нашего мальчика Николая, хоть он теперь и учится в английской школе, учителя совсем не понимают, потому что отвечает он уроки на йоркширском диалекте. Прошу Вас содействовать в обмене нашей квартиры на дом профессоров инязыа, где живут такие же простые люди, как мы.

Константин П. Селимонов,
эсквайр

Виктор СЛАВКИН

АШИТКИ

- Авось и ныне там
- Бальзамовский возраст
- Безблатная путёвка
- Вверх кармашками
- Голодная закуска
- Губитель-рыболов
- Для обвода глаз
- Дома и сцены помогают
- Дружок — умелые руки
- Канцплощадка
- Лавровый веник
- Нахально-инструментальный ансамбль
- Не раз делённая любовь
- Счастливые весов не наблюдают
- Убожественный фильм
- Честная собственность

ПАРОДИИ
ЛЕСНАЯ БУЗА

По мотивам книги стихов
Юныя МОРИЦ «Лоза»

Был козлик тощий и худой,
И жил он у старухи нищей,
Он ждал соития с едой,
Как ангел — с вифлеемской пищей.

Он вышел в лес щипать траву,
Бездомен, как герой Феллини.
Алея клюква в чёрном рву,
Господь играл на мандолине,
И рай явился наяву!

Козла трагичен гороскоп,
Раскручена спираль сиротства.
Жил волк, бездушный мизантроп,
Злодей, лишённый благородства.

По челюстям сочился брань
Картёжника и фанфарона.
Он ждал! Была его гортань
Суха, как пятак фараона.

Он съел козла! Проклятые злу
И тем, кто, плоти возжелая,
Отпочит зубы, как пилу,
Забыв о том, что плоть — живая!

Старуха плачет по козлу,
Красивая и пожилая.

А волк, забыв о Льве Толстом,
Сопит и курит «Филип Моррис»,
Под можжевельным кустом
Лежит, читая Юнну Морис,
И вертит сумрачным хвостом.

Высокий звон

Косматый облак надо мной коцует,
И ввысь уходят светлые столбы.
Валентин СИДОРОВ

В худой котомк поклав
жраное хлебо,
Я ухажу туда, где пичья звон,
И вижу над собою синий небо,
Косматый облак и высокий крон.
Я дома здесь. Я здесь пришёл
не в гости.

Снимаю кепк, одетый набекрень.
Весёлый птичк, помашивая
хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.
Зелёный травк ложится
под ногами,

И сам к бумаге тянется рука.
И я шепчу дрожащие губами:
«Велик могучим русский языка!»

Александр ИВАНОВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ШЛЯТТЫ

- Интересно, какая разновидность мата называется «Благим»?
- — Ваша фамилия Пугачёв? Скажите, вы случайно не... — Нет! Нет!
- Покупая вентилятор, вы бросаете деньги на ветер.
- Волосы вылисы, вылисы, да и вывелисы.
- Цыплёнок, проклюнув дырочку в скорлупе, посмотрел в неё и, увидев, что у нас тут делается, решил не выплываться.
- Многие инопланетяне чувствуют себя у нас не в своей тарелке.
- Казаки выпоролы провинившегося. Он их горячо благодарил, поскольку был мазохистом.
- Палач в США: «У меня сегодня был стул».
- Исключён в порядке исключения.
- Жалоба наркомана: «С утра маковой росинки во рту не было».

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ

ЧЕРНУХА «КЛУБА ДС»

ЁЛКА — НЕ ИГРУШКА

(Юрий Кузнецов)

Из несуществующего цикла
«В лесу родилась ёлочка»

Декабрь зловещий подходил
К черте другого дня,
И сын у матери спросил:
— Где ёлка у меня?

— Пойди дорогой на закат
И сердце успокой,
Где ждёт тебя твой
старший брат
Под гробовой доской.

Где «баю-бай» поёт метель
Из стали и свинца,
С корнями выдернешь ты ель
Из черепа отца.

— Иди, — ему сказала мать.
И хлеб с вином дала.
— Иди, тебя я буду ждать, —
И тут же умерла.

— Прости, родная сторона,
А тебя простил.
Он выпил горького вина
И ногти отстрил.

БОРИС БРАЙНИН

РОД И КОПЫТА

ДЕРЗКИЙ ОПЫТ
Чтобы изучить быт дельфинов, проф. М. Черненко стал другом семьи этих загадочных существ. Прошло всего три года, а профессор уже свободно плавает «дельфином», охотно принимает пиццу из рук человека, очень ласков к детям.

«РАКИ» НА СМЕНУ «МОРЖАМ»
Актёр Борис Понков организовал группу любителей-пловцов, купающихся в крутом кипятке. «Полчаса, проведённые в кипятке воде, — говорит Б. Понков, — живоительно действуют на организм, предохраняют его от инфекций и дают заряд бодрости минимум на неделю». Группа энтузиастов нового вида спорта называет себя «раками» — по аналогии с «моржами», купающимися в ледяной воде.

НОВЫЕ ОБРЯДЫ
Замечательный обычай получил прописку в селе Гонобобели. Юноша и девушка, желающие сочетаться браком, сначала знакомятся, встречаются, подают заявление, расписываются, играют свадьбу, а потом уж заводят детей.

КРАМ КРИСТА СПАСИТЕЛЯ
ЗАЛ ЦЕРКОВНЫХ СОБОРОВ
МОСКОНЦЕРТ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
28 ЯНВАРЯ 2015 ГОДА НАЧАЛО В 19:00
ЭЛЕГИЯ
ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РОССИИ
ОЛЕГ ПОГУДИН
БИЛЕТЫ ОН-ЛАЙН: MOSCONCERT.COM
ВО ВСЕМ НАССАЖ Г. МОСКВЫ 8(495) 932 77 37
СПРАВКИ И ЗАКАЗ БИЛЕТОВ: 8 (495) 612-00-76; 8 (495) 614-98-11 8 (916) 408-33-69
АДРЕС ЗАЛА: УЛ. ВОЛКОЛАНКА, 19
ПРОЕЗД: М. КРОПОТКИНСКАЯ (ВХОД СО СТОРОНЫ ПРЕЧИСТЕНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ) 6+

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Римская вспышка Русского бала

Свет хрустальных люстр, отражаясь в ослепительно чистых зеркалах, рассыпался на игольчатые бело-синие искорки в бриллиантовых гранях. В зале кружили пары, не меньше сотни. Мужчины в зелёных и красных мундирах с эполетами, в чёрных фраках, дамы — в пышных разноцветных платьях. Их кружевные кринолины шуршали по полу и по начищенному до блеска штиблетам кавалеров, словно пушистые пенные волны. Вальс Чайковского. Потом кадрили. Словом, всё как надо. Тут же был и один из самых известных ценителей балов — Александр Сергеевич Пушкин. Естественно, с Натальей Николаевной Гончаровой. Они были в центре внимания. Впрочем, и Евгений Онегин с Татьяной Лариной были заметны. Чуть отдышавшись от танца, Онегин прочитал по-итальянски отрывки из Пушкина. Было очень мило. Публика была в восторге. Всё это происходило на Рождественской неделе Нового года в центре Вечного города, в залах старинного и величественного отеля Сент-Реджис, что расположен неподалёку от площади Република. Да, именно сюда, на третий ежегодный

Фото автора

Большой русский бал, который проводился в рамках Года литературы в России и был посвящён Пушкину и его «Евгению Онегину», приехали гости. Сотни итальянцев — мужчины и женщины разного возраста, не только из Рима, чей муниципалитет был одним из основных вдохновителей этого действа, но практически со всей страны. Тут были представители Сицилии, Сардинии, Тосканы, Пьемонта, области Венето и из строгого промышленного Милана. И все они, именно для этого бала, заказывали у лучших портных дорожные костюмы покроя XIX века.

Хотя, может быть, им эти наряды больше не понадобятся никогда в жизни. Время от времени пары, решившие перевести дух после очередного тура, чинно где-то провалились в соседний зал, где официанты в бабочках и белых перчатках разносили ледяное шампанское, красные и охлаждённые белые вина. Напитки бодрили, наполняя публику ещё большим весельем. Естественно, подавались и разнообразные закуски. Именно в этом зале я заметил Онегина. Молодой итальянский актёр театра и кино Винченцо Бочарелли — Онегин (на фото) одиноко стоял

с бокалом в руке и с улыбкой созерцал происходящее. Я представился. Мы сразу перешли на «ты».

— Смотри сколько народу! — воскликнул он. — Какие восхитённые лица! Разве кто-нибудь скажет, что нам, итальянцам, русская культура безразлична!

— С Онегиным ты познакомился, читая Пушкина в переводе или оригинале?

— Именно что в оригинале!

— Ты знаешь русский?

— Ни слова!

— Так как же...

— А это я и сам толком понять не могу. Короче, как-то однажды мой русский приятель в шутку решил почитать русское «Евгения Онегина» на русском, на языке, которого я не знал и до сих пор не знаю. Я, ради смеха, согласился. И тут произошла невероятная штука. Когда он начал читать, ты не поверишь, я понимал буквально всё! Не представляю, что случилось. Видимо, сразу настолько проникся и влюбился в мелодию и ритм поэтического языка Пушкина, что явилось чудо. А как ещё это объяснить? Повторяю, я понимал всё, прекрасно чувствовал и видел образы. Наверное, это была сила языка, которая способна растворять любые барьеры. Потом,

буквально поражённый этим, я проглотил роман в переводе и увидел, что всё сходится. И теперь, когда меня пригласили декламировать отрывки из «Онегина» на балу, конечно, не отказался. Очень рад, что именно мне выпала такая удача. А с классической русской литературой я знаком довольно прилично. Кроме Пушкина, много читал Чехова, Толстого.

И, наверное, не зря в этот раз бал посвятили именно Пушкину и «Евгению Онегину». Ведь творчество великого поэта и его роман уверенно можно назвать зеркалом русской души. Зеркалом, в котором отражается и прошлое, и настоящее, зеркалом, которое помогает яснее разглядеть не только себя и других, но и понять, что для всех будет лучше не заваривать очередную кашу, ашить себе балыный наряд, пусть даже на один раз, и пригласить партнёра на вальс или мазурку. По крайней мере нынешний бал опять же подтвердил старую известную истину — только доброта и красота спасут мир.

Убеждён, что Александр Сергеевич с этим тоже бы согласился...

НИКИТА БАРАШЕВ,
соброр «ЛП», РИМ